

В Краю, где поздняя весна...

*Геологический институт КНЦ РАН
Кольское отделение РМО*

*В краю,
где поздняя весна...*

Литературный сборник

Апатиты, 2013

ISBN 978-5-902643-18-0

В краю, где поздняя весна... Литературный сборник / Ред. Ю.Л. Войтеховский. – Апатиты: Изд-во К & М, 2013. – 220 с.

В сборник вошли проза и стихи геологов и близких к геологии авторов, работавших или ныне работающих на Кольском полуострове и в других северных регионах России. Тексты написаны в разных жанрах, но объединены любовью к природе, изучению которой авторы посвятили свою жизнь. Издание приурочено к Дню геолога, адресовано всем причастным к геологической профессии и равнодушным к природе.

Электронный вариант книги доступен на сайте:
<http://geoksc.apatity.ru/publications/>

Компьютерная вёрстка: Л.Д. Чистякова, Н.А. Мансурова

Фото на обложке: А.А. Калинин

Фото в тексте предоставлены авторами, а также материалы Internet

Иллюстрации Н.Е. Козловой

© Коллектив авторов, 2013

© Кольское отделение РМО, 2013

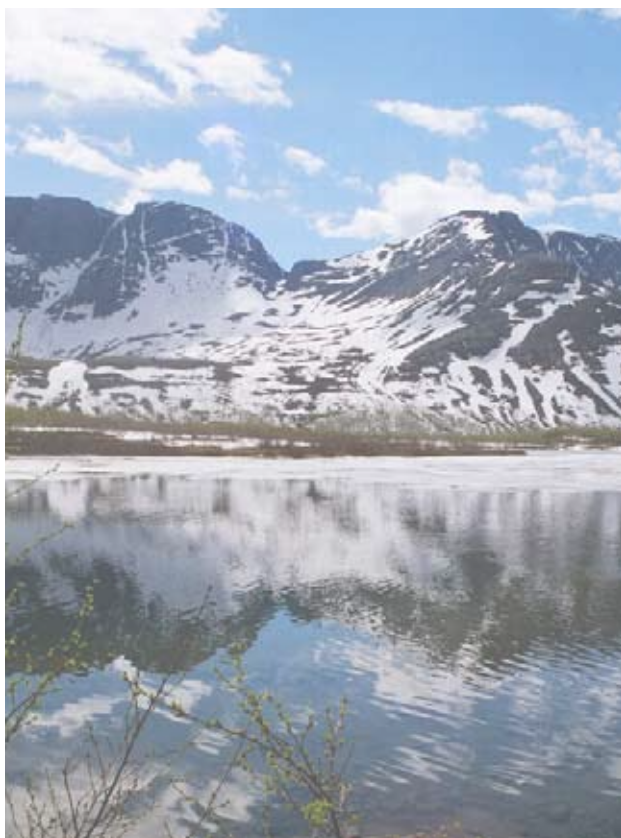
© Геологический институт КНЦ РАН, 2013

ОТ РЕДАКТОРА

После полярной ночи над Кольским полуостровом встаёт солнце, окрашивая снега в незабываемые розовые тона. Вскоре после этого наступает профессиональный праздник День геолога, начинающий подготовку к полевому сезону. Здесь, «в краю, где поздняя весна», ещё долго будет лежать снег, дневные капли – сменяться ночными морозами, порождая споры о том, когда начинается весна и кончается лето, может ли лето переходить сразу в зиму... Но есть традиции, не зависящие от превратностей климата. Таков ритуал поедания оленя среди сугробов, заведённый сотрудниками Геологического института КНЦ РАН сразу после учреждения Дня геолога в 1966 г. С тех пор он делит каждый год на «до» и «после».

С 2005 г. стало хорошей традицией издавать к празднику том, а то и два, геологической беллетристики. Как правило, их авторы – геологи, отдавшие любимой профессии всю жизнь. Ранее изданы книги: Месяц кончается март... (2005), Конгломерат (2006), Мы ищем то, что не теряли... (2007), Брекчия (2008), В дебрях Кольского края или Двое в лодке, считая собаку (2009), Дым костра создаёт уют... (2009), Не отстрани проснувшееся чувство... (2010), Горит костёр на горном перевале... (2010), День оленя (2011), Фломасты (2012). Уверен, что этот сборник тоже доставит вам удовольствие от знакомства с новыми и общения со старыми авторами. Уезжая в экспедиции, возьмите томик с собой. Удачного вам полевого сезона!

Ю.Л. Войтеховский, проф., д.г-м.н.
директор Геологического института КНЦ РАН
председатель Кольского отделения РМО

ГОЛОТА ДАНИИЛ СЕРГЕЕВИЧ

Голота Даниил Сергеевич (1917-2008) – геолог, в молодые годы, совпавшие с военным лихолетьем, работавший на Северо-Востоке страны (1941-1956), что и определило основную тему его раннего литературного творчества. Затем были Кавказ, Закарпатье, Приморье (1957-1967) и Москва (ВИМС). Отсюда автор неоднократно выезжал в Хибинны, которые полюбил всем сердцем, посвятив им задушевные стихи и прозу. К сожалению, нам не довелось встретиться на геологической тропе. Публикуемые далее тексты присланы вдовой автора Голота Валентиной Акимовной, предложившей к публикации «северные» стихи и прозу мужа (Чукотка; На Северах; Прощайте, Хибинны!; Пробуждение; Геолог: этюды минувшего // День оленя: литературный сборник. Апатиты: Изд-во К & М, 2011. С. 29-42). Вскоре после этого состоялось наше знакомство, и В.А. передала мне богатое литературное наследие Д.С. А это значит – мы ещё не раз познакомим вас с его творчеством. Основная тема его поэзии и прозы – непростая работа геологов в районах, удалённых от населённых пунктов, к тому же в сложные для нашей страны исторические периоды. В творческой установке автора мне импонирует оптимизм, просвечивающий сквозь низко летящие тучи и пелену дождя. Откуда берут силы главные герои рассказов? Как правило, из родников нашей неповторимой северной природы. – *Ред.*

МАТРОНА

В большой и светлой университетской аудитории шла лекция. Сквозь приоткрытые окна вливались пряные запахи ранней осени, слышался возбуждённый галдёж галочьей стаи; за стёклами покачивались ветви корявых вязов, клёнов и лип, кружились одинокие жухлые листья. На широких белых подоконниках то появлялись, колыхаясь и вздрагивая, то исчезали солнечные пятна. Молодые студенты увлечённо слушали стройного блондинистого доцента. Заложив руки за спину, он прохаживался перед классной доской, рассказывал о принципах работы реактивных двигателей.

Неожиданно скрипнула дубовая дверь, в щель просунулись две мохнатые лапы, затем голова, и в комнату вошла дородная пушистая кошка своеобразной тигровой масти. Всё тело её, включая хвост, было в чёрных и ярко-жёлтых поперечных полосах, только пятнышко на груди да кончики лап оставались белыми; острые уши оканчивались длинными, как у рыси, кисточками. Не обращая внимания на застывших слушателей, незваная гостья важно зашагала мимо кафедры. Кто-то из переднего ряда попробовал её пугнуть, но она и глазом не повела.

– Не трогайте, – тихо попросил лектор, почтительно уступая ей дорогу.

Кошка прошла через аудиторию, проследовала до заднего окна и мягко вспрыгнула на освещённый солнцем подоконник. Прижмурившись, посмотрела снисходительно на суетившихся галок, язычком почистила себе грудь, подумала немного и свернулась калачиком, накрыв мордочку лапой.

– Это Матрона, подопытная кошка биофака, – сказал доцент удивлённым первокурсникам и снова перешёл к делу.

Зазвенел звонок, и поднявшийся лектор, запихивая в толстый кожаный портфель свои рукописи, предупредил:

– Матрону советую не беспокоить, характер у неё того... не очень любезный.

Кучка любопытных сгрудилась около спящего животного, однако Матрона их не замечала, как не реагировала и на тот шум, что стоял вокруг. Её окликали – звали по имени и просто «кис-кис», а она спала себе, не шевелясь, будто это относилось не к ней. Один парень решил погладить кошку; но не успел прикоснуться к её шелковистой шерсти, как она внезапно стрельнула золотисто-чёрными округлившимися глазами и, не вставая, ударила студента по руке лапой. Девушки взвизгнули и разбежались, ребята, посмеиваясь над опешившим товарищем, тоже стали расходиться.

Аудиторию заполнила другая группа, снова началась лекция.

Солнце скрылось за вершинами деревьев, порывистый ветер распахнул окно и зашелестел по столам листками тетрадей. Матрона поднялось, соскочила с подоконника и так же степенно, как и вошла, направилась к выходу. У дверей она встала на задние лапы, навалилась на створ и, протиснувшись наружу, удалилась прочь.

Было пять часов пополудни. Кошка прогулялась по длинным, старинной кладки коридорам, постояла против двери зоологического музея, затем, что-то вспомнив, поспешно свернула в тёмный закоулок. По винтовой лестнице она спустилась в подвальное помещение и вскоре очутилась посередине низкой комнаты со сводчатым потолком, тесно заставленной всевозможными клетками. Здесь Матрона жила. Под колонной, на невысоком приступке, находилась её постель; там же стояла алюминиевая тарелка с едой: кусочком творога, ломтиком чёрного хлеба и очистками сырого картофеля – это был её ужин.

В комнате, кроме Матроны, жили два пса – легкомысленный дворняжка Жулик и благовоспитанный сеттер Цито, ангорские кролики и заяц-русак, две белые и две рыжие морские свинки, хомячок, мышки-полёвки, курица и ястреб-тетеревятник. Все они служили науке... Обитатели клеток завидовали Матроне, которая свободно и независимо расхаживала где ей вздумается, однако злобы к ней не таили, а, наоборот, относились с уважительным миролюбием. Когда кошка проходила мимо, они молча её рассматривали, обнюхивали, и только простачок Жулик, игриво твякнув раз-другой, порывался лизнуть её мордочку, но всякий раз немедленно получал увесистый шлепок по носу. Пёсик обидчиво взвизгивал, отходил в угол своего тесного жилища и с укоризной поглядывал на неблагодарную, словно хотел сказать: «Я с добром к тебе, а ты дерёшься»...

Никого не признавала Матрона – ни людей, ни зверей. Один лишь был человек на свете, к которому испытывала она самую глубокую привязанность, – это Алик Чернавцев, светловолосый парнишка с голубыми глазами. Работал Алик на кафедре экспериментальной физиологии в должности

младшего лаборанта. Ему приходилось также ухаживать за зверушками, кормить их, прогуливать, чистить клетки; а на занятиях он помогал ассистенту проводить опыты. Хотя парень учился в десятом классе вечерней школы, старшие сослуживцы и учёные биофака уже прочили ему успешное будущее на поприще естественных знаний.

Года полтора назад, спеша после работы в школу, Алик увидел на потемневшем сугробе окровавленную кошку. Она лежала с откинутым хвостом и вытянутыми задними ногами; шея её оказалась прокушенной, один глаз был закрыт, а из другого, полуоткрытого, стекала холодная слеза; но в едва поднимавшихся боках ещё угадывалась жизнь. Алик взял бедняжку на руки, спрятал под пальто и побежал обратно в университет. В своём зооуголке он промыл кошке рану, обработал марганцовкой и, наскоро соорудив постель, уложил пострадавшую, накрыв её старенькой одеждой... Долго, усердно возился юноша с подобранной кошкой: отпаивал тёплым молоком, купал, чистил щёткой, менял постель, убирал за нею. Кошка выздоравливала больше месяца, едва волооча ноги. А когда рана зарубцевалась и стала зарастать новой шерстью, повеселела, начала ходить по комнате, обнюхивать соседей. Однажды она подошла к кроликам, засунула в клетку лапу, извлекла оттуда кусочки хрустящей капусты и моркови и с жадностью их съела. «Витаминов не хватает» – решил Алик и стал добавлять в её рацион сырые овощи. Кошка ела всё: морковь, картофель, свёклу, даже редиску и зелёный лук. «Вегетарианка»... – говорили про неё на кафедре.

Месяцев через семь «вегетарианка» превратилась в солидную кошку строгого нрава, пунктуального поведения. Она важно дефилировала по сложным лабиринтам университетских проходов, коридорам, многочисленным аудиториям и кабинетам, лабораториям и складским помещениям, посещала актовый зал и библиотеку. Вставала и ложилась спать в одно и то же время, ела точно по расписанию; была замкнутой и суровой. Но посмотрели бы вы на эту неприступную персону, эту сердитую недотрогу в тот момент, когда она встречала своего спасителя. При виде Чернавцева угрюмая кошка мгновенно преображалась: ласково мурлыкала, лобызалась, бегала за ним следом, о чём-то говорила, что-то рассказывала ему мило дрожащим воркующим голоском, и глаза её светились раболепной преданностью. Если по какой-либо причине Алик не появлялся день-другой (животных тогда кормила уборщица тётя Ньюша) – кошка места себе не находила! Жалобно мяукая, она встревоженно металась по всем этажам, заглядывала в комнаты, искала во дворе, выбегала на улицу.

Как-то в первые дни знакомства с университетом она зашла на практику профессора Назарова. Профессор, низенький старичок в белом халате и огромных толстых очках, очень похожий на доктора Айболита, стоял в конце лабораторного стола, со склянками, ванночками и разным инструментом. Он энергично жестикулировал короткими толстыми руками, что-то объясняя учащимся, которые под его руководством препарировали усыплённых ля-

гушек. Кошка молча обошла стол, понюхала массивные деревянные ножки, пренебрежительно вильнула хвостом и гордо оставила помещение.

– О! – воскликнул профессор, – это что за матрона? Откуда такая?

– Вегетарианка Чернавцева, – сказал староста группы. – Он где-то нашёл её. Говорил, будто собаки насмерть её загрызли, полгода выхаживал.

– Но почему же «вегетарианка»? – удивился Назаров.

– Да она у него вместо мяса всякую овощ жрёт, причём сырую, – пояснил кургузый студентик с ёжиком пепельных волос на ушастой голове. И засмеялся: – А лук с редиской у неё на десерт вроде.

– Гм... Любопытно. Да это ж отличный экземпляр для опытов! – обрадовано произнёс старичок. – Мы будем на ней демонстрировать некоторые тормозные процессы в коре головного мозга. Да-да, вот увидите, – хитро подмигнул он, многозначительно подняв кверху пухлый палец.

Когда Алик прослышал о намерении профессора Назарова, он сначала огорчился; но узнав, что с его любимицей, кроме гипноза и небольших безболезненных манипуляций, ничего опасного делать не будут, – успокоился.

Так наша «вегетарианка» вдруг обрела себе новое имя и стала подопытной кошкой биологического факультета.

Миновало два года. Чернавцев, корректный молодой человек, ходил уже в студентах и не кормил больше своих подопечных – там работала по совместительству тётя Ньюша. Матрона стала ещё солидней и флегматичней; пополнела, ко всему окружающему относилась с полным безразличием, хотя была всё такой же пунктуальной, строго следуя своему распорядку дня. Она скучала по Алику, часто разыскивала его где-нибудь среди учащихся и благородно, с почтительно поднятым хвостом тёрлась о его брюки или, сев у стенки, обращала к нему опушённую сединой мордочку и следила тёплым благодарным взглядом.

... Потом Алик Чернавцев, окончив с отличием биологический факультет, уехал куда-то на Алтай, и никого из близких у Матроны не осталось. Она, говорят, и поныне живёт там же. Как и раньше, тётя Ньюша кормит постаревшую кошку, и никто её не беспокоит, даже профессор Назаров.

ВАСЬКА И ПЕТЬКА

Кот Васька был серьёзный: попусту не кувыркался, ходил важно, после еды старательно умывался. Он не признавал никаких нежностей, да и строг был – чужим кошкам и собакам спуску не давал. Если кто из взрослых пытался Ваську погладить, он приседал, сверкал глазищами и грозно замахивался лапой – не лезь, мол, когда тебя не просят! Зато к маленьким детям был очень снисходителен: разрешал брать себя на руки и под мышки, таскать из угла в угол, гладить и даже тереть за уши; только уж когда ребёнок причинял ему боль – вырывался и убегал. Детских слёз Васька совсем не выносил.

Когда крошечная хозяйкина внучка, оставленная одна в коляске, начала хныкать, он становился на задние лапы и принимался её покачивать. А если ребёнок не утихал, то встревоженно метался в поисках хозяйки и, найдя, вертелся вокруг, мяукал, забегал наперёд – вёл к разрыдавшейся девочке.

Васька был тёмно-серой масти в чёрную полосу, с белой манишкой на груди и жёлтым пятнышком на носу; густая шерсть блестела безупречной чистотой. Его грозные когти, мирно спрятанные в подушечках пружинистых лап, были готовы в любой момент вонзиться в противника. Противником же своим Васька почему-то считал воробьёв.

Будучи порядочным котом, он не терпел их, очевидно, за хвастливое чириканье, прыгающую походку и беззастенчивое нахальство. Стоило воробьям появиться во дворе, как Васька тут же припадал к земле, крадучись подползал к ним поближе и, метко нацелившись, делал сногсшибательный прыжок. Летели пыль и пух, но прыткие хвостунишки успевали безнаказанно вспорхнуть из-под самого носа. Кот обескуражено облизывался и шёл к себе на зава-linkу, недовольно помахивая пушистым хвостом с белой кисточкой на конце. А какой-нибудь нахал воробей садился у него над головой высоко на проводе и дразнил: – Чи-и-рик, чик-чирик!.. Ваське становилось до того обидно, что, подняв усатую морду и не спуская прищуренных глаз с наглеца, он начинал мяучить так жалобно, словно натошак целый месяц просидел.

Наконец, заметил Васька, что когда хозяйка кормит кур, тут как тут и воробьи являются. Эти прощелыги, как называл он их про себя, выпархивали то ли из кустов винограда, то ли из-под крыши сарая – сначала по одному, а потом целой гурьбой, и проворно склёвывали предназначенные курам хлебные крошки или зерно.

«Ага, – подумал Васька, – вот тут-то я их, дармоедов, и проучу!» На следующее утро, лишь только хозяйка кликнула своих несушек, Васька быстренько занял боевую позицию, притаившись на завалинке у самого уголка дома. Посыпав корму, хозяйка ушла, и воробьи, не заставив себя ждать, засуетились между курами. Птичий завтрак был в полном разгаре. Васька напряжённо сосредоточился, сжался и, наметив самого ближнего воробья, приготовился прыгнуть, как только тот окажется к нему хвостом.

А меж тем за Васькой следили... У курочек-рябушечек был отважный петух по имени Петька. Хохлатки, наверно, величали его Пётр Петрович, но для солидного кота он был просто Петька, потому что так звала его даже сама хозяйка дома, которую Васька достойно ценил и уважал. Петька отличался молодецкой выправкой, носил на голенастых ногах острые шпоры и был одет в красно-бурую мантию с высокими полукружиями развевающегося хвоста, отливавшего всеми цветами радуги. На голове у Петьки горел продолговато-шишковатый гребень, а большие пунцовые серёжки дополняли его гордую красоту. Как и подобает настоящему петуху, он никому не давал в обиду своих хохлаток.

На сей раз его недрёманное око тоже заметило, что Васька, с которым они жили по принципу: «Мы на Вы, между нами холод», – ведёт себя крайне подозрительно. Оставив завтрак, Петька лёгким шагом приблизился к тому же углу, где притаился Васька, но с другой стороны, и увидел, что кот приготовился к хищному прыжку. «Ах, негодяй! – возмутился Петька, – ишь, что задумал! Хочет мою любимую Пеструшку сцапать. Постой-ка, брат»... И в тот миг, когда Васька из своей засады сиганул на воробья, Петька взмахнул крыльями, подскочил, да так долбанул кота в нос, что тот, бедный, раза три в воздухе перекувыркнулся.

– Мрав-ря-уу!!! – завопил ошеломлённый Васька.

От его истошного крика испуганно вспорхнули воробьи, куры с кудахтаньем кинулись врассыпную.

– Топ-топ-то! – грозно орал петух, бегая по двору. Он даже заметить не успел, куда скрылся усатый возмутитель спокойствия.

А пришибленный Васька, съёжившись, сидел на самом коньке железной крыши и, облизывая разбитый нос, пытался собраться с мыслями... Он долго, долго думал и пришёл к выводу, что петух тоже заодно с воробьями. С тех пор Васька затаил горькую на Петьку обиду.

...Проходили дни за днями, кот и петух словно не замечали друг друга. К воробьям у Васьки тоже интерес пропал: он их в упор не видел! Так минуло лето, опустел огород, были убраны яблоки и виноград. В погожие дни курочки нежились в лунках земляной пыли, беззаботно отдыхали. Петька ходил возле них, выискивая среди увядшей травы какое-нибудь зёрнышко, и когда находил – усердно приглашал своих подруг полакомиться находкой. Но хохлаткам лень было подниматься, и петух, похлопав крыльями и потянувшись ногой, тоже начинал дремать.

Однажды в воскресенье, после сытного обеда, Васька попросился на двор. Ему отворили, он вышел и защурился от яркого солнца. «Пойду, пожалуй, на огород, воздухом подышу»... – подумал кот и направился к деревянной калитке. Но, повернув голову налево, увидел, что по ту сторону ограды, полубоком к нему, стоит на одной ноге Петька, воткнув клюв себе под крыло; поодаль, зарывшись в пыль, спали две курицы. Васька вернулся, прошёл вдоль заборчика, остановился против петуха. Тот даже не пошевельнулся. «Так, так... Сейчас я с ним расквитаюсь», – решил кот, вспомнив вдруг былую неприятность. «Отсюда, однако, его не достать, – продолжал размышлять Васька. – Просунусь-ка я промеж частокола и вцеплюсь в его толстый гребень. Пусть знает, как защищать этих бездельников воробьёв». Осторожно, бочком, просунул он голову, подался вперёд...

И тут снова случилась беда! Петька бойко вскинулся и, как в прошлый раз, ударил Ваську в нос. Кот ошалело дёрнулся назад, но голова его застряла, он забыл, что её надо повернуть набок. Васька извивался, упирался всеми четырьмя лапами, бешено скрёб когтями сухую землю. А Петька всё клевал да клевал его по чём только попало! Не помня себя от боли, рванулся Васька изо всей силы, кубарем полетел навзничь; затем подхватился и, задрав хвост метлой, умчался на чердак... «Нет, лучше не связываться с этим идиолом!» – окончательно решил кот и стал обходить Петьку десятой дорогой.

МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА ИЛИ ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Колымская быль геолога-поисковика

В 1944 г. на время полевого сезона была создана геолого-геоморфологическая партия под моим началом.

После непогоды лагерь сдвоенных отрядов передвинулся к самой Чиняке. Предстояло перебраться на тот берег, в бассейн левобережного притока р. Мандычек. Прораб бурового отряда Важков и промывальщик Саша Серебряков с двустволкой за плечами сразу же отправились к руслу поискать место переправы. Пока они прохаживались и о чём-то советовались, со стороны мыса, на котором я недавно стоял перед

встречей с логовом беглеца, показалось медвежье семейство. Большущая бурая медведица лениво захватывала ртом охапки стеблей голубики, помахивая головой то в одну, то в другую сторону. В десятке шагов перед ней паслись и шалили, хватая друг друга за «штаны», два рослых пестуна. Медведи шли наперерез полевикам, чуя их под боковым ветром; те тоже пока зверей не замечали. Наконец, Саша увидел их и тут же вместе с Виктором шлёпнулся в голубичник. Когда медведица стала отворачивать левее, будучи от них не ближе шестидесяти метров, Серебряков поднялся на колени, прицелился ей в правую лопатку и выстрелил. Мишуки подпрыгнули как ужаленные и рванули с места в галоп, а медведица встала на дыбы во весь двухметровый рост, изумлённо огляделась, разведя лапы, и так взревела, что у стоявших возле палатки мороз по коже пошёл. Снова загредел выстрел: Саша, стоя, ударил вторым, последним, жаканом ей в грудь. Она только взглянула на него с удивлением, да и грохнулась со всего маху наземь! Мишки, которые после первого выстрела успели проскочить сотню метров, сначала остановились, озираясь на вздыбившуюся мать, но когда бабахнуло вторично, и мать упала, они драпанули уже без оглядки через луг, наискосок, мимо стана геологов и по террасе на сопку в лес. Охотники подошли к поверженной. Саша пнул её сапогом в спину – медведица не шелохнулась.

– Готовая! – доносится голос Важкова, который до той поры держался несколько поодаль. – Пошли за верёвкой, да нож возьмём у Сергеевича. – Идут весёлые, возбуждённые. – Только помни, Саша, шкура – моя! – заявляет прораб. Но Серебряков, видно, не соглашается. А пока они пререкаются, их «шкура» тем временем начинает шевелиться; затем, приподнимаясь и припадая, волоча подбитую ногу, потихоньку уползает.

– Эх, вы, охотники! – кричу я им, – что же вы делите шкуру неубитого медведя? Смотрите – она-то уходит!

Они оглянулись, Виктор заволновался:

– Давай скорее картечь делать, – добьём! Далеко не уйдет!

И через час с десятком патронов, начинённых самодельной картечью и дробью, они побежали добивать зверя. Позади, на расстоянии, следовал рабочий Овсянников, неся новый охотничий нож начальника и виток вьючной верёвки. Расхрабренный Саша с расстояния двух метров стал палить медведице в голову и спину – заряд за зарядом! А она, молча вздрагивая и приныкая, всё ползла и ползла, всё быстрее и быстрее. Вот добралась до ивового лесочка и залегла там под бугром, в промоине с илистой грязью. Заряды у Серебрякова кончились, и Овсянников прибежал к палатке за свинцом и порохом.

– Ох, и здоровая! – сообщает он. – Вот такая мурлетка! – и показывает, держа округло ладони сантиметрах в двадцати от головы. Схватив что нужно, снова убегает.

Сидят на бугре три человека. Костёр горит, в консервной банке свинец плавится. Торопятся люди, спешат – яростно гильзы набивают. А жертва у их ног раны свои целебной грязью зализывает... И опять гремят выстрелы, раскатываясь эхом по тайге. В упор расстреливают беспомощную зверину. А за что? За то лишь, что она медвежьего племени?!

Медведи... Как часто слышишь от взрослых страшные рассказы про них. Даже старые таёжники почему-то любят об-

сасывать подробности охоты на медведя и в густых красках рисуют сцены расправы зверя с человеком. Я долгие годы работал в глухих дебрях, и сотни моих маршрутов проходили по медвежьим тропам. Вокруг бродили целые стада этих мохнатых хозяев тайги. Десятки раз довелось мне нос к носу встретиться с ними. Но ни разу эти мирные, больше любопытные и трусливые, чем коварные и злые, существа не нападали на меня, потому что и я их тоже не трогал, никогда в них не стрелял.

Когда я работал в Дальстрое, не медведь был страшен в тайге, а беглый преступник, и многие геологи-полевики погибли от их злодейских рук. Да и моя жизнь не раз висела на волоске, спасали только наблюдательность, чуткий сон и умение читать чужие следы. В глухих местах, в далёких медвежьих княжествах, геологи спали спокойно. Но когда приближались к авто-трассе, особенно к районам приисков, приходилось быть начеку: выставляли ночные дозоры, спали вполглаза, брали в маршруты оружие.

Тогда я был молод и проще смотрел на вещи. Но, стоя у края речного обрыва и наблюдая за нехорошей охотой, ждал лишь одного: скорее бы всё кончилось, чтобы животное не мучилось. Охота же продолжалась, и смелый Саша чуть было сам не поплатился жизнью. Увлёкшись стрельбой, он слишком приблизился к жертве, и вывалявшаяся в грязи медведица, исцелившая раны, страшно рывкнула и кинулась на него. Но ей помешал бугор, и она, отпугнув преследователя, скоро поковыляла к протоке, перебрела её и, обессиленная, прилегла на косу, вытянув морду. По ней стреляли, бросали камни – мёртвая неподвижность! Тогда Серебряков, держа «тулку» над головой, тоже перебрёл на ту сторону, насилу преодолев бурное течение. Ему навстречу из-под большого корневища, выброшенного рекой, неожиданно выскочил заяц и сел прямо против него. Саша не обратил на зайца внимания, а присел у комля, в деся-

ти метрах от раненного зверя и, приладив ружьё, взвёл курок. Тут медведица неожиданно встала во весь рост, молча ринулась на охотника. Саша вскочил, нажал спусковой крючок – осечка! Нажал другой – и заряд дробы хлестнул нападавшую по носу и глазам, когда она уже была в пяти шагах от Серебрякова. Закрывшись на секунду левой лапой, она отчаянно прыгнула. И в тот момент, когда Саша, перекидывая через голову ружьё, боком валился в быстрый поток,хватила его когтями по спине. Но вырвала лишь клочок ваты из телогрейки и тоже следом бросилась в воду, плюхнувшись спиной вперёд. Саша оттолкнулся ногой от её спины и, гребя изо всех сил, поплыл по течению. Ружьё он утопил, перебросив его в горячке через себя, и двигаться было легче. Медведица же работать всеми лапами не могла – её несло вслед за охотником, словно пустую бочку. Достаточно оторвавшись вперёд, Серебряков повернул к берегу и стал выходить из воды. Проносимая волнами мимо него медведица увидела, что её истязатель уходит не отомщённым, заревела злобно и жутко.

Бледный как полотно, стуча зубами, доплёлся Саша до палатки, изнеможённо опустил на выюк. По его мокрому спутавшимся волосам и лицу, по разорванной фуфайке и штанинам струилась вода и лужицей копилась у ботинок. На кончике заострившегося носа повисла прозрачная капля.

– Какое сегодня число, Сергеич? – словно в полудрёме спросил он.

– Двадцать второе августа, – ответил я.

Саша помолчал, потом сказал тихо:

– Сегодня день моего рождения... Ровно тридцать лет исполнилось.

– Выходит, заяц не зря предупреждал... – промолвил Серебряков. Глухо шумела река. Где-то за дальними сопками садилось солнце, озаряя розовым светом заснеженную вершину Харана. Над лесом, в лилово-синем небе, показалась молодая луна. И всё-таки на том охота не кончилась.

Речное течение вынесло медведицу на валунно-галечниковую косу.

Там она и пролежала всю ночь. Именинник же, переодевшись в сухое и напившись горячего чая, снова закипел охотничьим азартом. Не унимался и Важков. Они в потёмках съездили в буровой отряд Чеботаева и взяли там одноствольную старенькую «ижевку». До рассвета ковали круглые жиганы; Саша клал двойную порцию пороха и туго запыживал патроны. После завтрака, сев на коней, прораб с промывальщиком отправились за зверем. Овсянников, у которого любопытство боролось со страхом, робко плёлся за ними пешком. Ещё издали стали кричать, бросать галькой в лежащую тушу. Один камень ударил по спине, другой в голову – никаких признаков жизни!

– Ребята! Да она уже дуба врезала! – крикнул самоуверенный Важков и браво поскакал к неподвижной зверюге. Серебряков пока не спешил, держался осторожно.

И вдруг «туша» оскалила зубы и зарычала. Мерин Важкова всхрапнул и боком отскочил в сторону, сбросив седока. Тот на карачках, а затем на своих двоих кинулся наутёк. Медведица поднялась и пошла к воде. Со значительного расстояния, стоя, Серебряков выстрелил ей в бок, и выскочивший от чрезмерного заряда боёк просвистел у его глаза, звякнув где-то позади: опять Саша был на йоту от смерти! Жиган свалил медведицу; она упала на спину, заболтав в воздухе ногами.

– Урр-рра! – завопил очухавшийся от испуга прораб. Но тут же его нижняя челюсть растерянно отвисла: зверюга, как ни в чём не бывало, встала на ноги и побрела через реку. Перейдя все рукава и протоки, она скрылась в густых кустах противоположного берега...

В защиту вежливых, или интеллигентных собак, почти не приспособленных к бездомной жизни, – жертв моды и человеческой жестокости, – написан этот рассказ (автор)

ПЧЁЛКИНЫ ЗАСТУПНИКИ

Сказка-быль

Не пинай собаку: судороги потянут – (пословица)

Мерцающим лунным светом залиты длинные фасады жилых домов, узкий двор с палисадником и снежными сугробами, дорожка, протоптанная в сторону пустынной поляны, закуржавелые деревья и кусты. У подъезда, на деревянной скамье, сидит крошечная, будто совсем голенькая собачка из породы той-терьеров, по имени Пчёлка. Она поминутно вздрагивает, переминаясь с лапки на лапку, и глазки её слезятся. Здесь бедняжка коротает уже пятую ночь.

Этими днями, когда грелась на солнышке под забором, откуда виден пустырь, она с тоской и безразличием глядела на гулявших собратьев, мучительно придумывая, как бы любой ценой – лаской, мольбой, даже унижением – вернуть расположение и милость своей хозяйки. Рано поутру, ещё при тусклом свете лампочки, что горела у подъезда, собачка встречала её на выходе из дома, вертелась, прыгала, стараясь лизнуть руку или хоть край её одежды, но женщина пинала животное ногой, отшвыривала в снег. Собачка скулила, забивалась под скамью и сидела там до тех пор, пока не выглянет солнце. Затем отправлялась в конец двора, устраивалась поодаль от дорожки и всё думала, думала, вспоминая пережитое, и никак не могла понять, за что же, всё-таки, выбросили её из квартиры.

Сегодня, увидев, как пёс Кеша роется в мусорном баке, малютка вспомнила, что который уже день росинки маковой во рту не держала. Только могла ли она, дочь дипломированных родителей, уподобляться этому шляющемуся дворняжке – шарить на помойке. И покосившись на Кешу, который извлекал из мусора обглоданный мослак,хватила на ходу чистого снега и пошла дальше. За соседним домом Пчёлка встретила своего друга. Густая тёмная шерсть на нём была грязная, измятая, в зубах он держал мёрзлый ломоть городской булки.

– Здравствуй, – вильнув куцым хвостиком, сказала крошка и удивлённо спросила:

– Денди, что с тобой? Ты же чистокровный эрдельтерьер, как ты можешь?!

– Э-э, кому нужна моя чистокровность, – грустно вздохнул Денди, опуская лопот на землю.

– Тебя что – прогнали? – ужаснулась подружка.

– Да, не моден стал. Теперь вместо меня чау-чау держат – шпица китайского... А почему ты без хозяйки, одна?

– Тоже выбросили... Четыре дня голодная.

– Дура потому что. На помойках чего только нет.

– Ой, да как же можно?

– Э-э, брось ты свою интеллигентность показывать. Так и околеть не долго. Хочешь – угощу?

Но она отказалась. А вечером, содрогаясь от холода, подумала: «Денди, наверно, прав – надо что-то предпринимать...

В чём же провинилась эта несчастная собачка? Как всё это случилось? Принесла её девочка Лида – около двух лет тому назад.

– Мамочка, смотри, какая прелесть! – восторгалась маленькая школьница, вытряхивая из варежки на диван шоколадно-коричневую зверушку.

– Что это? – отрываясь от плиты, удивилась Анна Петровна.

– Чистейших кровей той-терьер! – подняв указательный пальчик, торжественно произнесла дочка. – Этой крохотуле сорок дней, и кушает она вполне самостоятельно.

– Какое-то уж оно чудное, и на собаку не похоже.

– Ну что ты, мама, это ж редчайшая порода! А ты знаешь, как модно сейчас чистокровных собак заводить.

– Ладно, не тараторь, пожалуйста, пусть живёт. Хоть жрать будет мало – и на том спасибо. Только ухаживай за ней сама, у меня и так забот по горло.

Имя свое кутёнок получил не сразу. Чего только не напридумывала Лида – одно другого мудрёнее и непонятнее, пока, наконец, мать не сказала:

– Да назови ты её Пчёлкой – это ей больше всего подходит.

...Теперь, сидя на холодной скамье, собачка вспоминала, как нежно её любили, как заботливо ухаживала за ней Лида: мясом духовитым кормила, молоком, сладкими лакомствами баловала; постелька в тёплом уголке была всегда мягкая и чистая. После купанья девочка клала её себе на колени, чесала, чистила, вытирала махровым полотенцем, и Пчёлка, вырвавшись, носилась от радости как шальная, взвизгивая и кувыркаясь.

Минувшим летом Лида с мамой уезжала к родственникам на дачу, и там, у опушки сада, Пчёлка встретила Флоксу – рослую остромордую колли с шелковистой густой шерстью в белых и коричневых пятнах. Собака по-матерински лизнула черноглазую крошку, позволила обнюхать себя и тут же предложила свою покровительственную дружбу. Жила Флокса в камышовом шалаше среди фруктовых деревьев, вместе с молодым густобородым человеком, носившим за плечами двуствольное ружьё, и помогала ему сторожить сад.

Когда в начале осени Пчёлка снова очутилась в городе, то остро почувствовала, как скучает по Флоксе, потому что теперь никто не гулял с нею, и только по нужде, перед завтраком да после ужина, выводили её во двор. Лида занималась музыкой, пропадала где-то с подружками, учила уроки или смотрела телевизор, совсем забывая про свою маленькую Пчёлку... А к зиме Лида и вовсе исчезла – она переехала к бабушке в дальний конец города. Анна Петровна жила одна, домой приходила поздно и с раздражением отталкивала радостно лънувшую к ней собачку.

Однажды, где-то за полночь, Пчёлка услышала осторожно крадущиеся по коридору шаги. Она тихонько подошла к двери, понюхала и замерла: пахло совсем незнакомым, чужим. И как только в замке раздался слабый щёлк – залаяла тревожно, пронзительно, до хрипоты. Приоткрывшаяся было дверь враз захлопнулась, шаги поспешно удалились. Но в передней зажёгся свет, и возникшая рядом с Пчёлкой хозяйка – босая, заспанная, злая – грубо схватила её за шкурку и с размаху выбросила за дверь. Больно ударившись об пол, на смерть испугавшись, она и сама не упомнила, как очутилась на улице под скамьёй, собралась в комочек, жалобно заскулила.

В ночной тиши чуть слышно хрустнул снег. Очнувшись, Пчёлка взглянула на светлое небо, где в вышине, словно румяный рогалик, красовался молодой месяц. Ей вспомнилась мягкая вкусная сдоба, которую часто приносила Лида по вечерам, и горький комочек слюны застрял у неё в горле. Со стороны соседнего дома шёл Денди; он приблизился к Пчёлке, скромно положил перед ней почти ещё тёплый кусок варёной колбасы.

– Ешь! – сказал эрдель. – Там у нас старушка кормит кошек, так я стащил – для тебя... – смущённо добавил он.

Отказаться бедняжка была уже не в силах. Стараясь не терять приличия, взяла не спеша подачку, спрыгнула на землю, прилегла и, зябко поёживаясь, жадно съела всю колбасу. Ей сразу стало веселее. Она признательно облобызала друга, хлопала изящными лапками по его бородатой морде. Денди приятно зажмурился, глаза у него блестели, и в умной голове роились благородные мысли. Он уже разинул рот, чтобы сделать Пчёлке лестное предложение насчёт совместной ночлежки, но в это время за палисадником мелькнула длинная тень, и к ним,

перемахнув через штакетник, повиливая пышным хвостом, подбежала большая косматая собака. Это была Флокса, которая, пересекая поляну, учуяла знакомый запах своей бывшей гостыи. Она шлялась сейчас без дела, потому что ещё осенью, когда сад опустел, хозяин оставил в шалаше её одну, а сам, прихватив вещи, уехал на электричке и больше не вернулся. Пока колли гуторила о своём житье-бытье, незаметно подошёл забредший со стороны ирландский сеттер. Приветственно махнув «пером» и обведя поочерёдно всех усталым взглядом, деликатно представился:

– Нумбо я, бывший полевик и домашний помощник, а теперь, – потупился он от неловкости, – бесхозный бродяга... Мой Альберт Ипатыч продал свой винчестер, куда-то со всей семьёй на машине подался, а меня не взял, бросил. Как вот и её – повёл он глазом в сторону Флоксы. – И я, из-за своей доверчивости, чуть было в собачий ящик не попал, потому решил от города держаться подальше: днём в лесу мышкую, а по ночам объедки чужие подбираю. Что делать, голод не тётка, – тоска без хозяина...

– Тоже мне, интеллигенты занюханные! – ставя «автограф» на угол дома, насмешливо гавкнул кудлатый Кеша. – Ни в подстилку вы все не годитесь, хоть и в ошейниках с бляхами ходите. Вам господина подавай да блюда на тарелочке, всякие там «шерш-апорт» приказывай. Тьфу!.. А мне и без хозяина благодать. Куда хочу – туда бегу, что желаю, то и делаю; сам себе господин!

– Бр-ррр-аво! – раздался неожиданный бас неизвестно откуда взявшегося светло-рыжего боксёра с парфорсом на шее. В нём Денди узнал брудастого забияку Пирата. – Брраво, дворняга прав! – сверкнув глазом «на крови», повторил Пират. – Я тоже утверждаю: плевать на всяких там хозяев! Меня вот моя милая госпожа холила, сюсюкала надо мной, бантики цепляла да всё тарыхтела каждому встречному: «Поглядите, какой у меня боксёр, какая прелесть мой Пиратушка». А теперь кота сиамского завела, и Пиратушка ей до лампочки – хлеба заплесневелого не кинет. Ух, зол я на этих модниц, горло им перегрызть мало!

– Точно, и я то ж говорю, – вставил Кеша.

На громкий брёх подошло ещё несколько бродяг. Тут оказался и фокстерьер Буль-Буль, и такса Пальма, и чёрный дог Сезам. Собаки уже не столько слушали, сколько перебивали друг друга, стараясь высказать наболевшие обиды. Одна лишь Флокса окидывала всех благожелательным взглядом, порываясь успокоить возбуждённых сородичей.

Но боксёр разошёлся не на шутку. Он вышел на середину круга и стал в позу разъярённого быка, как это делали его прашуры английские бульдоги, готовый растерзать любого обидчика «угнетённых и оскорблённых».

– Взгляните на это жалкое субтильное творение, – указал он на Пчёлку. – Господи, за что несёт она сии великие муки?! Вы бы только видели, как отфутболила её хозяйка. У меня от злости прямо поджилки затряслись!

Мышцы боксёра вздувались, чёрные брылы брызгали слюной, а приплюснутый, полный слизи нос хоркал и шевелился, будто в ноздрах кишели пиявки.

– Нет, дальше так быть не должно! – свирепствовал оратор. – Мы будем мстить за наши поруганные жизни, за нашу униженную честь. Мы служили своим хозяевам верой и правдой, каждый из нас готов был в любую минуту пожертвовать ради них своей собачьей жизнью, ибо нет существ на свете преданнее нас. Но чем же платят нам за преданность? Пренебрежением, бездушием, полным безразличием! Хуже того: нас угощают пинками, объявляют «бродячими» и сдают живодёрам, или кричат «бешеная!» и пристреливают на месте! А кто, – я вас спрашиваю, чистокровные дамы и господа, – кто нас доводит до такого состояния?.. Да! Мы – жертвы моды, нами забавляются, играют, развлекаются, а затем выбрасывают вон, как ненужную сломанную игрушку. Хватит, довольно! Больше мы не будем жертвами моды и заложниками наплевательского отношения к животным – мы станем справедливыми мстителями!

– Прр-ррр-ав-вильно!! – зарычали слушатели, среди которых заметно выделялся гнусавый голос Кеши.

– Зачем же мстить, милые вы мои? – дружелюбно молвила колли.

– Идите лучше в деревню, у нас есть чем прокормиться, и крыша всегда над головой найдётся.

– Не твоё сучье дело! – огрызнулся Пират. – Ты там притёрлась, а нам всю дорогу воевать придётся с этими деревенскими дикарями, дворнягами.

– Ну-ну, полегче, – окрысился Кешка. – А впрочем, – махнул он лапой, – ко мне это не относится, я – вольношляющийся горожанин, сам себе голова.

– Итак, коллеги, – властно взглянув на присутствующих, заключил боксёр, – начнём с Пчёлкиной хозяйки. Сбор завтра вечером за кустами, вон там, – показал он мокрым носом. – Детали обсудим на месте. Ясно?

Удовлетворённые таким решением, заговорщики стали расходиться. И лишь немногие из них заметили странного незнакомца – большущего пожилого пса из немецких овчарок, который, насторожив уши, стоял некоторое время в удалении, а затем размеренной рысью ушёл в сторону пустыря и скрылся за поворотом.

Незнакомец, по имени Рэкс, был одним из чистокровных представителей умнейших и сильнейших собак. Никаких претензий к своему справедливому хозяину у него не было. Работал он розыскной собакой по особо опасным преступлениям, был контужен, а затем по скудоумию местных

администраторов, которые предлагали скупать у населения кошек и собак по столько-то копеек «за хвост», попал в душегубку и, чудом оттуда вырвавшись, изувеченный, подался по белу свету. Скитаясь, внимательно наблюдая за людьми, он научился распознавать их характер, угадывать намерения и избегать всяких неприятностей. Рэкс не таил в себе зла, очень любил детей, но ни к кому не привязывался, ни за кем не шёл и ни в одном селении подолгу не задерживался.

Шумит ветер в мёрзлых сучьях деревьев, срывает порошу, сыплет колючими снежинками. По глухому тёмному проходу, навстречу ветру, идёт женщина. В правой руке у неё тяжёлая сумка с продуктами, а левой она придерживает меховой воротник зимнего пальто. Анна Петровна возвращается с работы домой. Ещё немного, за поворотом, её двор, а там уже и подъезд. Сейчас она вспомнила почему-то свою Пчёлку и ей стало жаль бедную собачку, которую она, образованная и добрая как будто по натуре женщина, так грубо прогнала. «Не видать что-то... Замёрзла, может, прошлой ночью?..» — думает Анна Петровна. Вдруг за её спиной слышится рычание, от сильного толчка она падает в сугроб, и тотчас на неё набрасывается свора собак — треплют за воротник, вырывают сумку, хватают за ноги. Онемев от страха, женщина пытается подняться, крикнуть, — и видит рядом с собой огромного как волчище кобеля; у него разорванное ухо, на шее узловатый шрам. «Конец!» — мелькает в её голове в ту самую минуту, как страшный зверь, прыгнув в свалку, мгновенно стал расшвыривать собак по сторонам. Анна Петровна

подхватывается и, ещё не веря чуду, простоволосая, бежит к дверям своего подъезда.

Ошарашенные неожиданным поворотом дела, ночные налётчики отряхиваются, оглядывают с ног до головы могучего пришельца. Перед ними, нахмурившись, со вздыбленной на спине шерстью, стоит Рэкс и с укоризной покачивает лобастой головой.

– Эх вы! И чему вас только учили?! – говорит он тихо, но твёрдо и очень внятно. – А ещё называете себя вежливыми собаками... Негоже нам так поступать, ведь мы с вами – друзья человека.

Рэкс вздыхает и, мирно опустив хвост, удаляется прочь, в метельную мглу. Собаки стояли молча, стыдливо потупив морды.

– Что, кишка тонка? – ехидно поддел Кешка из-за мусорного бака.

– Хотя ты не гавкай! – ощерился на него Пират. Он сидел злой, угрюмый, коленки его вздрагивали, из брыластой пасти скалились острые зубы, и налитые кровью белки ворочались в разные стороны... Ни Флоксы, ни Денди с Пчёлкой среди заговорщиков не было.

Пришла весна, всё цвело и благоухало. В воскресный день на зелёной поляне в лесу гуляли со своими собаками взрослые и дети. Из-за деревьев вышел чёрно-бурый эрдельтерьер и начал внимательно смотреть на гуляющих. В нём легко можно было узнать доброго Денди, который в ту памятную зимнюю ночь взял под свою опеку замерзавшую Пчёлку. Тогда он привёл её, после подстрекательского выступления боксёра, в тёплый вестибюль соседнего дома и устроил под лестницей, где ночевал сам. Так благополучно они вдвоём пережили холода, а когда потеплело, его крошечная подружка незаметно исчезла. Денди пытался вынюхать её по следу, но из его стараний ничего не вышло: у трамвайной остановки след терялся. Теперь, случайно очутившись в другом районе и увидев чужих, разных пород собак, он опять вспомнил пропавшую подругу и стал искать её глазами.

Радостный взвизг и толчок в бок заставили Денди оглянуться. Возле него, вся сияя, юлила Пчёлка. Она была в белой тесёмчатой шлейке и на поводке, конец которого держала в руке высокая белокурая девочка лет тринадцати-четырнадцати. С неистовым восторгом Денди обнял малютку пушистыми лапами и вмиг облизал её своим широким языком.

– Фу, фу? – всполошилась девочка, отталкивая лохматую морду эрделя. – Зюлька, не смей, тубо! – и потащила собачку за собой; а та, пригарцовывая на тонюсеньких ножках, то и дело оглядывалась назад.

Денди на секунду замер и вдруг, высунув язык, взбрыкнул, догнал, спросил на лету:

– Ну, как?

– Ничего пока, – ответила малышка. – Хозяйка моя добрая, только видишь, имя теперь у меня другое.

Ещё какое-то время они бежали рядом, затем Денди отстал, помахал торчащим вверх коротким хвостом и подмигнул:

– До свидания... Зюлька. Будь счастлива!

Собачка семенила рядом с девочкой, и обе они были веселы, жизнерадостны – как небо, люди, животные и вся природа вокруг них.

ПЯТЬСОТ-ВЕСЁЛЫЙ

Шёл тысяча девятьсот сорок шестой – первый послевоенный год. Торжествуя победу и залечивая страшные раны, наша страна переходила к мирному труду. Работники крайнего Северо-Востока, колымчане-дальстроевцы, после пяти напряжённых лет работы без отдыха и свежих овощей, не говоря уже о фруктах, стали получать долгожданные отпуска с выездом в центральные районы Союза, или, как тогда говорили – «на материк». Предоставили отпуск и мне.

Более двух тысяч человек – первые отпускники, а также большая партия освободившихся из заключения уголовников, – отправились из бухты Нагаева на пароходе «Дальстрой» в конце июня и после шести суток благополучного плавания прибыли в порт Находку. Неделю спустя эта пёстрая масса – горняки, геологи, дорожники, шофёры и люди других профессий, вольнонаёмные и бывшие заключённые, демобилизованные из войск МВД и уволившиеся вохровцы, мужчины и женщины, взрослые и дети, все – самых разных национальностей, – погрузились в длинный товарный эшелон для беспересадочного следования к Москве. В каждом вагоне, по обе стороны сквозного широкого прохода, были устроены сплошные дощатые нары. Пассажиры семьями и группами располагались на полу и нарах, вплотную друг возле друга, устроив себе постели из своего же багажа – тюков, мешков, узлов, ящиков, чемоданов и свёртков, прикрыв их старенькими одеялами или верхней одеждой. Головами ложились к стенам вагона, ногами – к проходу. Погода держалась знойная, солнце жгло куда сильнее, чем в северных

широтах, и когда наш состав, простоявший на рельсах возле моря трое суток под погрузкой, тронулся, наконец – взрослые весело загалдели, а дети даже закричали «ур-р-ра!»

Поезд летел курьерской скоростью, проскакивая полустанки, и подолгу стоял на задворках больших товарных станций в ожидании смены поездной бригады или появления зелёного света. Путь от Тихого океана до Москвы занял целый месяц. Этот пассажирский, составленный из товарных вагонов, поезд имел номер 501 и, как и другие подобные поезда того времени, связывавшие столицу с далёкими окраинами страны и имевшие пятьсот с лишним номера, назывался в народе просто: «Пятьсот-весёлый». В таких поездах ехали, обычно, навалом, облепляя подчас даже крыши и буфера вагонов. Ехали демобилизованные солдаты и матросы, спекулянты и эвакуированные, освободившиеся из заключения и ищущие работу, переселенцы и жулики, одним словом – все, кто хотел и куда хотел! И было в этих поездах «весело»: там обворовывали и пели песни, играли на музыкальных инструментах и в карты, насиловали женщин и просто развратничали, пили водку и разбивали носы, читали книжки и рассказывали анекдоты; иногда даже пускались в ход боевые автоматы, ножи, кортики и финки. Тогда уже вмешивалась военная комендатура с отрядами солдат и наводила порядок.

Наш эшелон был сравнительно благополучный; только лишь после Читы и Иркутска многие из бывших заключённых, почуяв родную стихию, начали пошаливать и потихоньку рассеиваться по великой транссибирской магистрали в поисках новой «деятельности». Поздним утром, когда поднявшееся солнце жарко светило с безоблачного неба, эшелон подходил к одной из станций Зейско-Буреинской равнины. Поезд стал притормаживать,

и из широко раздвинувшихся дверей посыпались десятки и сотни колымчан мужского пола; через минуту их было не меньше тысячи. Обгоняя друг друга, они помчались во весь опор по направлению к маленькому базарчику, что протянулся неподалёку от перрона в тени развесистых ив.

Люди эти уже давно не видели овощей и фруктов, яиц, молока и простокваши, разваристой картошки и румяных пирожков. Они жили на сушёном и консервированном; знали хлеб, крупу да солёную горбушу, которых тоже никогда не наедались вволю, потому что продукты выдавались только по карточкам. И жадный взор каждого уже издали замечал то аппетитное, что виднелось впереди. Но не только жажда свежего, давно не пробованного, подталкивала бегущих. Время уже подходило к обеду, а они ещё не завтракали, хотя после предыдущей станции, где кое-что удалось похлебать на вокзале или перекусить у коммерческого ларька, прошло более суток, и голод давал себя знать. Да и есть хотелось не одним бежавшим – у многих были жёны и дети, которые в эти минуты нетерпеливо выглядывали из вагонов в ожидании чего-нибудь вкусенького. И ко всему этому – жажде свежестей, проголодавшимся брюхам и жаждущим чадам – добавлялся восторг молодости и азарт состязания: кто первый добежит! Вот те движущие силы, которые управляли нёсшейся оравой и наводили её на цель.

А «цель» была очень малочисленна и робка. Десятка два-три баб-хохлушек уже «подтопанного» возраста, в крестьянских одеждах – «рясных» юбках, корсетах, кофтах и клетчатых платках с завязанными надо лбом концами – мирно стояли возле своего товара. У их босых заскорузлых ног, в огромных, сплетённых из зелёно-бурой лозы корзинах сидели живые откормленные куры, утки и гуси. Возле корзин на домотканых рушниках были выложены сырые и варёные яйца, подрумяненные куриные тушки, кучки росистых огурчиков, лука и редиски; в крынках стояла домашняя ряженка,

в бутылках и кувшинах – сырое и топлёное молоко, в глиняных мисках дымилась горячая отварная картошка; изредка в стеклянных баночках красовалась наливная черешня и душисто пахла малина. Словом сказать, в этом маленьком уголке под тихими ивами было всё, к чему стремились колымчане. Но было очень мало!

В первые минуты подхода эшелона флегматичные и нерасторопные в торговом деле крестьянки спокойно взирали на выскакивающих и бегущих к ним пассажиров. Но при виде увеличивающейся и всё неистовей несущейся массы они стали нерешительно топтаться, – то всматриваясь в приближающиеся фигуры, то поглядывая на свои товары и как будто что-то с натугой прикидывая и соображая. Когда между атакующими и атакуемыми оставалось не более сотни метров, самая высокая голенастая баба в сером платке, со сморщенным, будто печёная картофелина, носом, зорко глядевшая вперёд, перепугано крикнула:

– Ох, лышенько! Та це ж вурки из Колымы!

– Ой, рятуйте, люди добрые! Банди-и-ты! – сразу же завопила другая, накрыв своей просторной исподницей, как шатром, корзину с гусем и двумя курицами. И началось светопреставление!..

Запыхавшиеся покупатели, подбегавшие с протянутыми сторублёвками и тридцатками, совали их бабам в руки и за пазухи, уговаривали, упрашивали, хватали первое попавшееся (тут уж не до выбора!) не торгуясь, за любые деньги, которых у многих дальстроевцев куры не клевали. Но орущие, вопящие, взывающие к богу и людям затурканные женщины, никогда в жизни ещё не выдавшие ничего подобного, попадали на свои корзины и рушники, закрывая их юбками, кофтами, распластанными телами и растопыренными руками. Одна толстая баба, кувыркнувшись через корзину, угодила физио-

номией в сырые яйца соседки и болтала задранными кверху ногами, оголив синевато-белые мясистые ляжки и тугой необъятный зад; из под чёрной юбки мельтешила её белая льняная сорочка – как флаг капитуляции. Руки и всё лицо бабы были в склизкой яичной жиже. Она стонала, хрипела, пыхтела и никак не могла подняться, пока какой-то дюжий парень не взял её за шиворот и не посадил в надлежащую позу.

В этой кутерьме прыгали с паническим кудахтаньем и били крыльями связанные за ноги куры, орал петух, истерично кричали гуси и надрывно крякали утки. В туче пыли летали перья и пух; жёлтыми лужицами, как детский понос, растекались подавленные яйца. На одной из таких лужиц поскользнулся тучный главбух из таёжного прииска и влип туда задним местом, «обновив» свои нежно-кремовые чесучовые брюки. Тут же на земле валялись растоптанные огурцы, лук и редиска; алой кровью истекала малина, сочилась бело-розовая мякоть черешни. Струились молочные потоки... И тысячи ног – в сапогах и ботинках, тапочках и сандалетах – месили всё это, топтали, скользили по жёлто-молочно-серой грязи.

Далеко не многим из первых подбежавших колымчан посчастливилось выхватить какую-нибудь живность или что-то из продуктов, ткнув владелице óного красную бумажку. Кое-кто из жулья тут же изловчился переправить эти деньги в свой карман; а один долговязый верзила просто, без денег, цапнул гуся и, свернув ему шею, чтоб не разводил панику, сунул под мышку и не спеша пошёл к вагонам. Что же касается базарного женского подразделения, то лишь немногим удалось выйти сухими из воды: наиболее смекалистые тётеньки вовремя сумели сдать позиции и организованно отступить за

ближайший заборчик на просёлочную дорогу, сохранив свои атрибуты. Но большая половина – перепуганная и помятая, потерпела полный разгром, понесла большие материальные потери.

Минут через десять кутерьма утихла, часть покупателей побежала в здание вокзала, часть вернулась ни с чем к своим семьям, одиночки шарили глазами по сторонам, надеясь ещё найти что-нибудь съестное. Переполошившиеся, но постепенно приходящие в себя бабы ловили кур, укладывали уток и гусей, подбирали опрокинутые кувшины, крынки, миски и банки, собирали уцелевшие огурцы. К некоторым начал возвращаться дар речи, и они уже пробовали перекинуться парой шуточных словечек. Вдали на путях, во главе шестидесятивагонного эшелона, пронзительно засвистел паровоз, и рассеявшиеся по территории станции, как муравьи на голой дороге, колымчане поползли к своим гнёздам. Поезд загрохотал буферами, заскрежетал крючьями, дёрнулся два раза и стал набирать скорость...

Следующей станцией, часа через два, была Завитая. На сей раз обитателям «пятьсот-весёлого» повезло: накупили до отвала и молока, и овощей, и фруктов. И так наелись, что на другой день уже почти никто не бежал за покупками: маялись животами. Теперь только ждали, стиснув зубы, очередной остановки, чтобы облегчить утробу. В одном месте поезд остановился близ какого-то разъезда, посреди степи. Кроме мелкой травки, истоптанной скотиной, да обглоданных редких кустиков – ничего: хоть шаром покати! Сотни женщин и мужчин кувырком скатывались из вагонов и, отбежав десяток метров, тут же, вдоль состава, на виду у всех, присаживались и болезненно тужились.

Началась дизентерия. Но медперсонал, сопровождавший эшелон, и все стоявшие на ногах повели борьбу с эпидемией, снабжая больных, особенно

детей, новым и чудодейственным в те времена средством – сульфидином. Через неделю вспышка болезни была потушена. Люди стали входить в колею однообразной, нудной и утомительной дорожной жизни, которая ещё не раз прерывалась каким-нибудь новым приключением.

В нашем вагоне преобладали женщины; большинство – тридцати-сорока лет, некоторые одинокие и с детьми. Ехало и несколько полноценных семей, где были мужья, жёны, дети, а в некоторых и бабушки. Более приткие молодухи нашли себе кавалеров и тоже по-семейному устроились с ними на общих постелях. Особенно выделялась одна тридцатидвухлетняя бабонька – сочная, как перезрелый персик. Звали её Клавой. Ехала она без мужа, с двумя мальчиками, восьми и пяти лет, да с пятнадцатью полными мешками багажа, три из которых трещали от солёной горбуши. Ещё в Находке, при погрузке в эшелон, Клава подцепила себе дружка-попутчика до самой Москвы, двухметроворостого плечистого детину с медвежьими лапищами и бычьей силой. Она звала его сначала Леонтий, а потом, после двух совместных ночей, – Лёня. Сложив из мешков обширную постель и отгородив от себя детишек, Клава бесцеремонно предалась со своим Лёней любовным утехам. По ночам от их ложа доносились женские стоны, судорожное повизгивание и тяжёлое мужское сопение. А по утрам, на ближайшей остановке поезда, Леонтий уходил к друзьям-вохровцам в соседний вагон и там резался с ними в очко или слушал анекдоты. Клава, сладко разметавшись одна на просторной постели, спала до полудня – румяная, пышущая здоровьем, часто – с обнажённой левой грудью, на которой девственно розовел маленький сосок... Потом она садилась среди скомканных покрывал полунагая, в одной

сорочке, и начинала расчёсывать шелковистые, с золотистым отливом, густые и длинные волосы. Расчёсывала долго, не торопясь, и при этом громко рассказывала свои женские истории, ничуть не стесняясь мужчин. Особенно любила повторять про аборт, забывая, что уже говорила об этом.

– Ох, я после Мишки, своего младшего, уже восемь абортсв сделала. Чувствую, что и девятый делать придётся... Леонтий-то что... Мы с ним только до Москвы. А там у него своя жена дома. И дети...

Сначала пассажиры осуждали её, возмущаясь между собой, но затем постепенно привыкли и просто не стали обращать внимания.

Я помещался на верхних нарах и часто лежал головой к проходу, где больше было свежего воздуха и откуда, не слезая, можно было созерцать как внешний, так и внутренний мир. По одну сторону возле меня находилась плотная сорокалетняя женщина, скорее напоминавшая ломовую лошадь, чем представительницу слабого пола. С нею ехал шестнадцатилетний белобрысый сын Гоша, с которым мы по несколько раз на день пели «Окрасился месяц багрянцем» и «Славное море – священный Байкал». Другой моей соседкой была старуха – вылитая копия бабы-яги, ехавшая с невесткой и сыном; вся она кишела вшами.

Короткими тёмными ночами, когда Гоша, лежавший у стенки, громко похрапывал, его мать мучилась от бессонницы. Будто нечаянно, во сне, она закидывала на меня свою толстую ногу или тяжёлую руку и томно вздыхала. Мне тоже не спалось. Но меня беспокоили другие «страсти»: я на ощупь вылавливал и швырял куда-то вниз крупных, как гречишные зёрна, вшей, которые татарскими полчищами лезли на меня от «бабы-яги».

Остались позади Чита и Улан-Удэ, подъезжали к Байкалу. Освобождённые из лагерей уголовники, – не все, конечно, – всё чаще давали о себе знать. На одной из станций поезд тронулся неожиданно скоро, и какая-то пассажирка на ходу кинулась к ближайшим дверям. Мужские грубые руки подхватили её, втащили в вагон. Женщину изнасиловали. Когда эта новость докатилась до нашего вагона, некоторые дамы ахнули. Но после выяснилось, что пострадавшая была тёртая особа и на групповое изнасилование не обижалась, а громко возмущалась оттого, что не заметила, как эти «хмыри» сняли с её руки золотые часы.

В соседнем вагоне «увели» два чемодана. Эти огромнейшие чемоданы, набитые дорогими отрезами, мылом, кетовой икрой и прочими дефицитами, предприимчивый пузатый снабженец со своей дородной половиной вёз «на материк». Супруги поставили чемоданы в изголовье, вплотную к торцовой стенке, соорудили высокую постель из пухлых тюков, замаскировали одеждами. Кто-нибудь из них всегда оставался на постели, если другой отлучался. Но жулики перехитрили ушлых спекулянтов. Ночью, усевшись на буферах, на ходу поезда, они выпилили кусок стенки, извлекли чемоданы и спрыгнули при подходе к ближайшей станции. Почувствовав, что откуда-то тянет сквозняком, супруги обнаружили дырку и... пропажу добра. Наду-

вшись как индюк, багровый и злой, снабженец долго не находил себе места, а его толстуха двое суток тряслась в истерике, проклиная всех и вся.

Вскоре после Иркутска, когда мы стояли на маленькой пустынной станции, и знойный день клонился к вечеру, на путях вблизи нашего вагона учинилась драка. Два «зека» толкнули вохровца, тот дал сдачи, и – пошло! Подскочил ещё один из охранников, но и к тем двум прибавилось двое. Тогда выскочил Леонтий и, засучивая рукава, спокойно пробасил:

– Эй, фитили! Кш-ш!

При виде чугунной тяжести волосатых кулачищев зеков как ветром сдуло! Они быстренько ретировались к своим, в конец поезда. Драка возникла не случайно. Дело в том, что некоторые из работников вооружённой охраны, или, как их короче называли, «вохровцы», круто, а то и вовсе несправедливо обходились на Колыме с заключёнными. И те, затаив злобу, выжидали удобного случая, чтобы отомстить. После этой неудачной попытки столкновение повторилось в Красноярске. Там снова избили вохровца, который, как и другие, был одет в штатское. Когда на помощь избиваемому подоспели товарищи, возросшая как катящийся с горы снежный ком, ватага бандитов смяла и их. Кто-то побежал за военным комендантом. Вскоре он явился с отделением солдат.

– В чём дело?!

Уголовники, таща за шивороты своих противников, кричали, негодуя: – Вот они, шайка бандюг, хотели нас ограбить! И лагерь их, гадов, не выправил, – вырвались из Колымы и здесь грабят!

И бедных вохровцев, теперь превращённых в «бандитов», потащили в комендатуру. Но один из них сумел сунуть свой паспорт под нос коменданту

– тот остановился, стал разбираться. И когда, наконец, понял, что «бандюги» – это люди из охраны, а те, что били, – вышедшие из заключения, было уже поздно: жульё рассеялось в толпах пассажиров, как мальки в омуте.

А на станции Юрга, недалеко от Новосибирска, я видел, как эти же озверелые типы убивали молоденького лейтенанта морской авиации. Говорили, что парень подсел к ним по пути – в Ачинске, что ли; играл с ними в карты и проигрался: вывернул все карманы – платить нечем. Тогда, высунув жала ножей, ему предложили доставить, «без шухера», молоденькую голубоглазую девушку – Нелли Васютину.

Это нежное очаровательное создание, будто выпорхнувшее из рассказов Александра Грина, знал почти весь эшелон. Она недавно закончила магаданскую среднюю школу и ещё с пятого класса покорила городских жителей своим обаятельным голосом, выступая в концертах самодеятельности. Особенно задумчиво – «Замела метель дорожки, запорошила». Стоит, бывало, Нелли у края сцены, перебирает свою белокурую косу и, глядя грустными большими глазами в зал, поёт – будто серебряные колокольчики переливаются:

«Я хожу одна – и что же тут хорошего, если нет тебя со мной, мой друг»... – А у слушателей слёзы на глазах.

И когда лейтенант увидел свою жертву, то остолбенел, потрясённый её красотой и кротостью. Жалко ему было расставаться со своей молодой жизнью, но бросить на растление гнусным мерзавцам такое невинное существо он тоже не мог. Пересев в тот вагон, где ехала девушка, – якобы с тем, чтобы похитить её, – парень выпрыгнул на ходу поезда. Спустя сутки, будучи уверен, что наш «пятьсот-весёлый» уже далеко ушёл на запад, он вскочил на попутный товарняк. Но злая судьба, видно, преследовала обречённого. Простояв около двадцати часов на станции Тайга, мы в Юрге снова застряли, и тот товарный состав догнал нас. Когда лейтенант спрыгнул с тормозной площадки, чтобы купить папирос, его заметили. За ним побежали, схватили за китель. Но он вырвался, оставшись в белой рубашке с чёрным галстуком, без фуражки, – метнулся под вагоны.

– Держите его! – кричала уголовная толпа, – он часы украл!

– И китель! Он военного ограбил!

Двадцать лет прошло с тех пор, но мне трудно забыть это смертельно бледное лицо симпатичного юноши, его широко раскрытые, полные недоуменного ужаса глаза, растрёпанный кудрявый чуб и клочок волос, прилипших к мокрому, окровавленному лбу... Он выскочил из-под пульмановского вагона, и десятка два хищных как лапы коршуна рук настигли его, содрали рубашку и майку, сбили с ног и, схватив за волосы, несколько раз с диким ожесточением ударили головой о рельсу. Покончив с пареньком, взбешённая свора вдруг притихла; затем, трусливо сутулясь, пригибаясь к земле, убийцы бросились врассыпную, вскакивая на ходу в проходящие вагоны.

После Новосибирска задняя часть эшелона совсем опустела, происшествия прекратились. Только в Казани, утром, группа матросов из Волжской

флотилии, ухнув два-три раза, сорвала запоры и с грохотом раздвинула двери нашего вагона.

– А ну, потеснись, спекулянтское кодро! – и автоматная очередь прошила верхние доски. Несколько человек ворвались внутрь. Вскрикнули женщины, заплакали дети. Старший из матросов огляделся, посмотрел по углам, потом скомандовал негромко: – Назад, братва, отставить! Не в ту баржу попали, выгружайся! – И они побежали вдоль состава, а затем в сторону, перепрыгивая через рельсы, встряхивая заплечными котомками. Надоевшая дорога опять потянулась в скучном однообразии. Хотя бы скорее Москва! А поезд всё шёл и шёл...

– Ой, бабоньки-и!.. Кончилась кошке масленица. Разлюбил меня Леонтий...

Клава сидела в своём логове одна, с растрёпанными косами. Щёки её пылали, глаза окосело смотрели на голые икры. Опершись левой рукой на мешок, а правой бессмысленно перебирая складки сбившейся юбки, она пела высоким пьяным голосом:

– А утром де-е-вушка-а проснулась –
кругом измя-аа-тая трава...
То ж не тра-а-ва была измята –
измята де-е-вичья кра-а-са!..

Вагон покачивало. Размеренно перестукивались колёса. Поскрипывала дощаная обшивка... «Пятьсот-весёлый» продолжал свой путь.

ГРЕЧИЩЕВ ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ

Гречищев Олег Константинович – кандидат геолого-минералогических наук, заслуженный геолог Тувинской АССР, действительный член РМО, широко известный книгой мемуаров «Хорошая эта штука, геология!» (СПб, 2009) и регулярными публикациями в научно-популярном журнале Геологического института КНЦ РАН, Кольского отделения РМО и Комиссии по истории РМО «Тиетта»: Геолог – больше, чем профессия; Душа моя; Ода геологическому молотку; Шестиместная палатка; Вертушка; Ода вьючному ящику; Полевой дневник; Речка Глухарина; Шукшин на «Пикете»; Козулька // 2010, № 3(13), с. 74-80; Каменная игра «Отшельник» // 2011, № 2(16), с. 62-63; Мальтийский крест; Криолит – энергосберегающий минерал // 2011, № 4(18), с. 7-10; Медный самородок // 2012, № 2(20), с. 8-9. Источник вдохновения О.К. – долгая и успешная (в его честь назван минерал гречищевит $\text{Hg}_3\text{S}_2\text{Br}_2$ // Зап. ВМО, 1991, т. 120, № 4, с. 103) профессиональная жизнь в геологии, незабываемые встречи с людьми и явлениями природы, среди которых – его любимый редкометальный Улуг-Танзек (Тува), воспетый в кандидатской диссертации, стихах и художественной прозе. Кроме того, О.К. – замечательный и знаменитый мастер резьбы по камню, отдавший этому непростому ремеслу последние годы профессиональной жизни в ОИГГМ СО РАН (Новосибирск). – *Ред.*

ЗАЧЕМ МЫ ХОДИМ В БАНЮ

«Сегодня настоящие мужчины ходят в баню. Тот, кто думает, что баня существует исключительно для мытья, глубоко заблуждается. В баню ходят главным образом для того, чтобы пообщаться. Где ещё можно спокойно поговорить? В гостях вечно перебивают другие приглашённые, рот всё время занят едой и выпивкой. В общественном транспорте толкаются, на стадионах шумно. Лучшего места для душевной беседы, чем баня, не найти. О визите в баню договариваются заранее, к банному мероприятию тщательно готовятся, освобождая для него весь день. Поход в баню – святое дело, его нельзя комкать тем, что помоешься и уйдёшь чистеньким. Подлинные аристократы духа так не поступают. Кто по-

сле парилки не ловил кайф в предбаннике, тот не испытал блаженства. В предбаннике современные голые мужчины, завернутые в простыни, становятся похожими на римских патрициев. Предбанник и есть тот клуб, где, никуда не торопясь, позабыв ежедневную гонку, можно излить душу хорошему человеку».

Эти строки я взял в качестве развёрнутого эпиграфа к своему эссе из сценария Э. Рязанова к фильму «Ирония судьбы или с лёгким паром». В них заключён главный смысл банного мероприятия. Баня... Сколько написано книг, брошюр, статей и заметок, поставлено фильмов, рассказано знатоками, медиками, спортсменами и просто любителями жаркого пара про баню, её лечебное и благотворное влияние на здоровье и самочувствие человека!

*«Баня, баня, баня, баня, баня,
Дубовый и берёзовый настой,
Баня, баня, баня, баня, баня,
Кусочек нашей жизни холостой!»*

Так пели когда-то в телешоу М. Евдокимова «С лёгким паром!» Баня лечит не только тело, но и душу. Соображениями о целебном влиянии бани на душевное состояние и равновесие я и хочу поделиться с читателем. Речь пойдёт о настоящей русской бане с парилкой, сухим и горячим паром, отапливаемой дровами каменкой, просторным предбанником, удобными лавками и креслами. Чтобы создать в бане микроклимат, необходимо соблюдать несколько правил, выработанных многими поколениями парильщиков: «Баня не любит суеты», «Баня и алкоголь несовместимы», «На полоч – с пустым желудком». Все её помещения должны создавать комфортные усло-

вия для банной процедуры и общения. Мой друг В.В. Зайков говорит: «Увижу на улице незнакомого человека с берёзовым веником – и сразу начинаю его уважать». Перебирая в памяти своих друзей, здравствующих и ушедших, ловлю себя на мысли, что все они, за редким исключением, любители парной проце-

дуры. Если к этому добавить, что все они геологи, то меру моего уважения к ним следует возвести в высокую степень.

Банная процедура в полевых геологических партиях, где мне довелось работать, стояла на втором месте после работы: геологических маршрутов, проходки, документации и опробования горных выработок. На участках, где работы предполагалось вести 2-3 сезона, баня всегда была рубленая из тонкого леса или жердей. При круглогодичных работах строилась капитальная баня с отдельной парилкой и предбанником. Ополоснуться после трудного маршрута жарким летом или попариться в осеннюю непогоду – необычайное удовольствие. Работая в сырой и холодной штольне, только и мечтаешь о жаркой бане и берёзовом венике. Но главное в банной процедуре – это общение с друзьями, неспешные беседы о жизни, профессии, новых и старых друзьях, всевозможных коллизиях, в которых побывали участники банного клуба. Зарекаемся перед баней: «о работе – ни слова», но всё равно разговоры скатываются к повседневным делам и проблемам. Баня топится, как правило, в камеральный или выходной – по случаю плохой погоды – день. Вот один такой день на Улут-Танзекском месторождении в Туве.

С утра два дежурных геолога, вооружившись колуном и топором, заготавливают на весь топочный день дрова для каменки и печки. Из водовозки, доставившей воду, её сливают во все пустые бочки. Зимой, чтобы хорошо протопить баню, нужно 6-7, летом – 4-5 часов. Дежурные всё время следят за топочным процессом. Когда в парилке температура достигает 120 °С, а горячая вода начинает закипать, баня считается готовой. Пока она томится, честная компания не торопясь готовится к действию. Дежурные, помыв лавки и полки, приглашают народ в баню. В предбаннике тепло, потрескивает железная печка, на которой в большом чайнике запаривается чай со смородиной, верблюжьей колючкой или золотым корнем.

Первый заход в парилку – для разогрева, чтобы немного пропотеть, всего на 5-7 минут. Влажность на полке не более 5 %, пот испаряется мгновенно.

Для комфортного сидения на полке у каждого есть персональная фанерка. Пользоваться холодной водой в парилке строго запрещено, лишь ковш с горячей водой для поддавания на каменку. Для создания в парилке особого микроклимата и запашистого духа в воду добавляем чайную ложку мёда, обжаренный на сковородке до золотистого цвета горчичный порошок, немного кваса или пива, а лучше всего – ложку коньяка. Пиво и коньяк – исключительно для добавления в воду. На этот счёт у нас действовало строжайшее правило: «Баня и алкоголь не совместимы».

Мёд, добавленный в воду, придаёт пару аромат цветов и лесных растений. Горчица делает пар мягким и антисептически действует на органы дыхания. Хлебный дух стоит в парилке, если в воду добавить немного кваса или пива. Неповторимый аромат пару придаёт добавленная в воду чайная ложка коньяка. Пар становится мягким, с запахом винограда, дышится легко, словно пьёшь этот пар. Обыкновенный берёзовый веник способен изменить микроклимат в бане не хуже перечисленных средств. А внедрённая в веник веточка смородины придаёт пару аромат таёжного настоя. А какой удивительный дух стоит в парилке от распаренного пихтового веника! От одной маленькой пихтовой лапки перехватывает дыхание. Берёзы и пихты в нашем высокогорном районе не растут, зато много карликовой берёзки и артыша. Париться вениками из них – настоящее истязание. Но запах от артыша и пихтового стланика такой же, как и от пихты, выросшей на равнине. Существует ещё масса настоек, рекомендованных к употреблению в парной процедуре: мятная, эвкалиптовая и др. Мы пользовались местными, проверенными и привычными.

Во второй заход, облачившись в головные уборы и надев рукавицы, с распаренными вениками усаживаемся на вместительный полок. Поддавая на каменку воду небольшими – грамм по 50 – порциями, вдыхаем первый пар. Когда схлынет волна пара, слегка нагоняешь на себя пар веником, нежно прикасаясь им к телу, так сказать, шепотком-шепотком, лишь потом постёгивая, но не истязая. А тело просит резких ощущений и просит «ещё-ещё», но не надо поддаваться этому сиюминутному искушению. Смотришь, кто-то уже не выдержал и стегает себя, да так, что листья прилипают к стенам и потолку. «За что ты себя так не любишь?» – спрашиваю я обычно такого человека. После второго захода – отдых в предбаннике с чаем. Несколько глотков горячего чая разогревают организм изнутри, интенсивнее раскрываются поры, организм ускоренно освобождается от шлаков.

Самые экспрессивные из парилки прыгают в запруду, на берегу которой стоит баня, а зимой валяются в снегу, которого бывает наметено выше

крыши. После такой водной или снежной процедуры – снова на полоч. Уже не чувствуешь обжигающих досок и прикосновения веника. Кажется, что миллионы невидимых иголок вонзились в тело, но постепенно их уколы ослабевают, и ты возвращаешься к реальности. Потом, разбившись на пары, парим друг друга, отдыхаем, ведём приятные беседы в прохладе предбанника, завернувшись в простыни или большие махровые полотенца, а кто и в халаты – были и такие аристократы банного духа. Затем начинается вялотекущая парная процедура: кто-то, отдыхая, заснёт; кто-то нехотя стегает себя веником, кто-то принимается за помывку, самые «слабые» уже одеваются. Бывало, за вечер сделаешь заходов 10 в парилку. Посёлок давно уже спит, а мы гуськом бредём в ярко освещённую камералку. Там нас ожидает принесённый с вечера из столовой ужин. В два часа ночи есть никому не хочется. Обсохнув и наметив дела на предстоящий день, расходимся по избушкам.

После Танзекка мне пришлось приложить руки, опыт и знания ко многим баням. Я их не строил, а модернизировал, переделывал с «мокрого» на сухой пар. Чего греха таить, банная культура в те годы была в нашем обществе ещё не на высоте. Повсюду люди истязали своё тело, сосуды, лёгкие и дыхательные пути паром, влажность которого достигала 100 %. Герой рассказа В. Шукшина «Алёша Бесконвойный», большой любитель бани, но не ценитель сухого пара, близок мне по отношению к банной процедуре эмоциями, ощущениями и даже мыслями: «Тяжёлым был пар в бане у Алёши, а о лёгком сухом он не знает». А узнал бы, то и восторги имели бы другую окраску. Банное одиночество шукшинского «чудика» сродни алкоголизму. Баня требует коллективного общения, разговоров и излияния души. Банная процедура как ничто другое располагает к откровенности. В. Высоцкий пел о бане: «Угорю я, и мне угорелому пар горячий развяжет язык».

Посещение бани придаёт заряд бодрости, душевных и физических сил на целую неделю. Баня – самое демократичное место. В ней равны все: начальники и подчинённые, молодые и старые, здоровые и больные, худые и полные. Ходите в баню, парьтесь и общайтесь! Лёгкого вам пара!

ГРИГОРЬЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Григорьев Николай Алексеевич (1935-2012) – доктор геолого-минералогических наук, один из ведущих геохимиков России. Основная специализация – геохимия бериллия. Автор 200 научных публикаций, в том числе монографий: Бериллий в экзогенном цикле. М.: Наука, 1978; Распределение бериллия на земной поверхности. М.: Наука, 1984; Минеральный баланс химических элементов. Св.: УрО АН СССР, 1989; Бериллий в гранитоидах Урала. Екб.: УрО РАН, 1994; Введение в минералогическую геохимию. Екб.: УрО РАН, 1999; Распределение химических элементов в верхней части континентальной коры. Екб.: УрО РАН, 2009. Первооткрыватель минералов уралолит ($\text{Ca}_2\text{Be}_4(\text{PO}_4)_3(\text{OH})_3 \cdot 5\text{H}_2\text{O}$ // Зап. ВМО, 1964, т. 93, № 2, с. 156) и глюцин ($\text{CaBe}_4(\text{PO}_4)_2(\text{OH})_2 \cdot 0.5\text{H}_2\text{O}$ // Зап. ВМО, 1965, т. 94, № 2, с. 195). Родился в Ленинграде, детство провёл в Ивделе на Урале. В 1958 г. закончил Свердловский горный институт и был направлен в нынешний ИГГ Уро РАН, где и проработал всю жизнь. Кроме того, Н.А. хорошо известен на Урале как художник и писатель, воспевающий его неповторимую природу. В изданиях Геологического института КНЦ РАН и Кольского отделения РМО ранее не публиковался. Для этого сборника коллеги и родственники Н.А. передали репродукции его нескольких картин и два рассказа, но мы надеемся на продолжение. – *Ред.*

ДЯТЛЫ И ХЛЕБ

Первые годы после завершения Великой Отечественной войны были трудными и голодными, но освещёнными радостью Великой Победы и надеждами! Особенно радостным это время было для нас – школьников военного времени. Трудности воспринимались как необходимость самостоятельных поисков путей их решения. Мы, мальчишки с окраины г. Ивдель, из бывшего спецпоселения «Кордон», настолько вжились в заботы старших, что многие наши обязанности воспринимали с позиций первобытных добытчиков. Мы радовались своим достижениям, а подчас гордились и хвастались ими. Так, поход зимой с санками в лес за валежником воспринимался как увлекательное путешествие, а иногда и как приключение. Да и как без приключений протащить дровами санки по снегу через бугры, ямы, кочки, пни, кустарник? А привезённые дрова разве не добыча? И тут уж такое возникало чувство причастности к обеспечению тепла в доме и горячего обеда, что, казалось, невозможно не похвастаться товарищам. Тем более, если это хвастовство воспринималось с пониманием и взаимными выражениями чувств уважения и собственного достоинства. Ну, а если дров дома достаточно и других крупных дел не предвидится, то можно выкроить два, а то и три часа для похода в лес – увлекательный практикум по географии и биологии.

Зимний день начался как обычно, бабушка Паня проснулась в пять часов. К шести она уже натопила печку и приготовила завтрак. Я и сестра Эля позавтракали со всем семейством. В семь часов мои родители и дядя Дима пошли на службу. Эля собиралась в школу. Я же учился во вторую смену. Домашние задания у меня были выполнены ещё вечером. Я спешил поскорее

выполнить свои обязанности, чтобы до школы сходить с соседом и другом Павликом Лёвкиным на лыжах в лес. Взял два ведра, коромысло и пошёл к Павлику. Было ещё темно, тихо и довольно тепло (10-15 градусов мороза). Павлик тоже собирался за водой. Весело переговариваясь, мы быстро пошли гуськом по протоптанной в снегу тропинке в конец нашей ул. Ключевской, к проруби на р. Ивдель. У проруби набирали воду две или три пожилые женщины, перед нами к проруби подошли наши друзья Юра и Вася Школины. Когда женщины ушли, Юра пригласил нас пойти на лыжах на охоту.

Дети у Школиных были не по возрасту ответственные. Летом соседи доверяли им пасти за небольшую плату своих коров. То есть, им доверяли не только способность семей к выживанию, но и возможность помощи Родине путём уплаты налогов. Замечу, что налогам не радовались, но воспринимали их как необходимый дар Родине, не отождествляя её с теми, кому удалось занять господствующее положение в обществе. Уравновешенному и ответственному Юре родители разрешали пользоваться старой берданкой двадцатого калибра. Ему в то время было не больше 14 лет. Дробь Юра и Вася катали сами. Бездымный порох в небольших количествах ходил по рукам даже у ребят, не имевших ружей. Я думаю, что его добывали из винтовочных патронов. Об этом свидетельствовало наличие у школьников (в том числе у меня) пуль по крайней мере трёх видов: свинцовых (обычных), бронебойных (со стальной оболочкой) и снайперских дальнобойных (длинных, почти обтекаемой формы, с маленьким доньшком). Дом Школиных был последним на ул. Ключевской. Дальше – река, небольшие поля и перелески с покосами. Так что походы детей с ружьём могли видеть немногие.

Предложение сходить на охоту Павлику и мне показалось интересным и интригующим. Уж мы-то давно облазали леса, примыкающие к посёлку. Здесь были следы зайцев, горностаев и белок. Зимой иногда прилетали белые куропатки и тетерева. Изредка они залетали даже в посёлок. Но в тех местах, где мы бывали, почти не было шансов встретить какую-либо из этих дичин в течение пары часов до ухода в школу и тем более подобраться к ней на выстрел. Нам стало интересно: какие места и способы охоты знают Школины, на кого они собираются охотиться? Мы договорились и пошли с водой по домам. Потом я и Павлик попросились у домашних погулять в лесу, встали на лыжи и пошли к Школиным. Было уже довольно светло. На востоке полыхала яркая заря. Юра и Вася ждали нас на реке. Пошли наискосок через реку по снежной целине, меняясь местами. Ведущий, устав, пропускал остальных вперёд и пристраивался сзади. Вылезли на берег, пошли через перелески и покосы, вблизи остающейся справа замёрзшей Вилисовой старицы. Отошли от посёлка на полкилометра, любуясь подушками снега на кустах и еловых лапах. Взошло солнце. На освещённых местах заискрился снег. Вдруг Юра дал знак остановиться и притихнуть. Недалеко слышался стук дятла.

Вблизи Ивделя обитало четыре вида дятлов. Но больших пёстрых было в десятки раз больше, чем всех остальных, взятых вместе. По моему мнению, пользу лесу от больших пёстрых дятлов сильно переоценивают. Главный их корм – семена кедра и сосны. Предпочитают они кедровые орехи. Начинают долбить шишки уже в июле, когда в них ещё и орехов настоящих не бывает. В сентябре, покончив с помощью белок, кедровок, бурундуков, медведей и людей с кедровыми шишками, большие пёстрые дятлы переключаются на сосновые шишки. И лишь при их отсутствии ищут другой корм. В данном случае дятел долбил гнилой ствол в зарослях ив. Когда мы подошли к нему

метров на тридцать, он насто-
рожился, спрятался за ствол,
высунул нос и посмотрел на
нас одним глазом. Юра по-
просил всех остановиться и
потихоньку пошёл вперёд, де-
лая вид, что ему надо пройти
мимо зарослей. Дятел прыг-
нул несколько раз по стволу
и выскочил на ту сторону, где
был Юра. Тут-то он и попал
под выстрел. Пока Юра пере-
заряжал ружьё, Вася подошёл
к зарослям, зацепил дятла
лыжной палкой, вытащил его
из кустов и положил в карман.
Через некоторое время Юра
застрелил ещё одного дятла.
За этим Васе пришлось лезть
в густые кусты. Павлик и я не
очень удивились такому ре-
зультату охоты. В те времена
люди ели даже белок. Раз дят-
лов застрелили и захватили с
собой – это добыча, хоть и не-
обычная. У Юры и Васи было
две сестры. Таким образом, охота дала по половине дятла детям и чуточку
навара – всей семье.

Пора было завершать охоту. Мы устроили привал. Сняли лыжи. Обтоп-
тали снег около низко и почти горизонтально нависшего над землёй ствола
упавшего дерева, сбросили со ствола снег, сели. И тут Юра вытащил из кар-
мана что-то завернутое в обрывок газеты. В свёртке оказалось два кусочка
хлеба. Юра разломил их пополам и дал всем по половинке. Хлеб – это было
нечто священное. Детям и неработающим старикам его продавали по карточ-
кам по 200 граммов в день. И эта попытка угостить нас хлебом напомнила
мне событие, имевшее место за несколько лет до нашей необычной охоты.

У моего дедушки Василия Ивановича Брусницына был приятель Афа-
насий Андреевич Пузанов – старый очень крупный донской казак – косая
сажень в плечах. Оба в молодости участвовали в Первой мировой войне.
Потом В.И. Брусницын был в Красной Армии на Юго-Западном фронте. Где
был А.А. Пузанов – не знаю. Предполагаю, что его мобилизовали в Крас-
ную Армию. Иначе при «рассказывании» он попал бы не на спецпоселение
в Ивдель, а в могилу или, в лучшем случае, в лагерь на Колыме. Во время

Великой Отечественной войны оба старика не были мобилизованы ни на фронт, ни на Серовский металлургический завод из-за преклонного возраста. Двум бывшим фронтовикам, следившим по карте за положением фронта, к тому же верующим в Бога, было о чём поговорить при совместных походах, заготовке дров и просто при встречах. Когда способных к физической работе мужчин в Ивделе почти не осталось, ещё крепкий старик Пузанов оказался «нарасхват». Он выбрал «хлебное местечко» – работу в пекарне. Взялся пилить и колоть дрова, таскать мешки с мукой, воду, лотки с хлебом и прочее. Работницы пекарни прекрасно понимали, что огромный старик на тогдашней пайке хлеба быстро обессилеет, и им придётся выполнять тяжёлую работу самим. Поэтому при каждой возможности ему старались «выкроить нелегальный довесок».

Однажды зимой дедушка Василий, измученный голодом, шёл по ул. Главной и встретил Афанасия Андреевича. Тот нёс домой этот самый «нелегальный довесок» – кусок хлеба граммов на триста. И дедушка не выдержал – попросил отломить ему маленький кусочек. Афанасий Андреевич отдал ему весь кусок. Дед не хотел брать, но Пузанов оказался непреклонен. Он вручил хлеб с таким уважением и христианской благожелательностью, что дедушка взял подарок. Но не стал есть хлеб, а принёс его домой. После дедушка не раз вспоминал этот случай. А приятельские отношения А.А. Пузанова и В.И. Брусницына превратились в совершенно необычную, рыцарскую дружбу, которая казалась списанной из эпохи романтизма.

Угощение на нашей необычной охоте, конечно, не было таким драматичным, но похожим. Я и Павлик проголодались на морозце и, наверное, жадно смотрели на хлеб, но взять его сначала отказались с плохо скрывае-

мым сожалением. Мы бы охотно взяли морковку, кедровые шишки или кусочки конопляного жмыха. Но хлеб! Юра не переставал протягивать хлеб с понимающим видом. Соппротивление было выше наших возможностей. Я и Павлик не удержались, взяли с благодарностью эти кусочки хлеба и в одно мгновение проглотили. Потом все немного посидели. Договорились, где и когда встретимся для похода в школу, надели лыжи и весело побежали домой по уже готовой лыжне.

НА ОХОТУ С ПАВЛИКОМ

Осенью 1952 г. я учился в десятом классе Ивдельской средней школы. В начале ноября у школьников оказались три свободных дня подряд. Павлик Лёвкин – сосед и друг, с которым прошло всё моё детство и отрочество, пригласил меня поохотиться на рябчиков вблизи Половинки (Половинное). Там постоянно жил и ловил рыбу его отец. Я согласился, поскольку был рад возможности охоты с другом. Но была и более важная причина моего согласия. Семья наша переживала трудности. Родители начали строительство собственного дома. Деньги экономили. Возможности покупки продуктов сократились. Овощей мы вырастили достаточно. Но телёнка летом вырастить не удалось. А поросёнок, выращенный преимущественно на подножном корме, очистках и мелкой картошке, был мал. Питалась наша семья в основном растительной пищей и молоком. Соблазнительно было добыть немного мяса для семьи. Думаю, что Павлик учитывал это. Родителипустили меня.

Выступили мы, плотно пообедав, часов в десять или одиннадцать. Погода была пасмурная, тихая. Сравнительно тепло, градусов 10-15 холода. Медленно падали снежинки. Идти предстояло 26 км. Из них 20 – тайгой.

У меня были: одноствольное ружьё 16-го калибра, два десятка патронов в патронташе, самодельный охотничий нож. В рюкзаке – одна или две буханки хлеба, ещё что-то съестное, свитер, белый маскировочный халат из старой простыни, лёгкая сетка для дичи и перчатки для стрельбы на морозе. Завернутый в запасной носовой платок бутерброд лежал в кармане пиджака. Этот груз казался мне довольно тяжёлым для предстоящей ходьбы по рыхлому снегу. Но когда я посмотрел на Павлика, то понял, что такое тяжёлый груз на самом деле. Он нёс, кроме ружья и патронов, полный хлеба и прочих продуктов рюкзак. Правда, он был хоть и младше меня на год, но физически сильнее.

Первые 6 км до Першино мы шли по накатанной дороге. Подошли к Лозье. На льду слой снега около 10 см. Следов не видно. Похоже, их перемело. Подождали прохожего. Спросили: «Крепкий лёд?» Он ответил: «Ходим уже неделю!» Павлик сказал мне: «Иди сзади шагах в четырёх!» Пошли. Лёд, похоже, крепкий. Но ощущение непередаваемое. Вроде бы и не страх, а какое-то холодное спокойствие. Вот середина Лозьвы уже позади. Расстояние до берега всё меньше. Всё, вышли на берег. Ничьих следов нет. Смели рукавицами снег с валяющегося на берегу толстого бревна. Сняли рюкзаки, присели отдохнуть.

Отдыхали недолго. Светлая часть суток в ноябре здесь очень короткая. Времени до темноты мало. С таким грузом, как у нас, какая может быть охота! Потому зарядили ружья только на случай нападения волков. Они были, но случаев нападения в районе Ивделя в последние годы не было. Наш сосед Цицивинский (впоследствии сотрудник Ильменского государственного заповедника) за 2-3 года до нашего похода застрелил вблизи Ивделя крупного

волка. Так что предосторожность не мешала. Картечи у меня не было. Были два патрона с «жаканами» (подкалиберные разрывные пули, вращающиеся в полёте как выпущенные из нарезного оружия), два или три патрона с крупной дробью «пятый ноль», похожей на мелкую картечь. Я зарядил ружьё патроном с этой дробью. У Павлика была двустволка 20-го калибра. Чем он зарядил её, не помню. Встали, помогли друг другу надеть рюкзаки. Повесили ружья на плечи стволом вниз, чтобы снег не попал. Пошли. Засыпанный снегом зимник сразу повёл в сторону от Лозьвы через покосы и перелески. Снега немного – около 10 см, поэтому пошли рядом. Зимник здесь просматривался плохо, его маскировали дорожки на покосы. Но Павлик хорошо знал, где он.

Вот покосы кончились. Впереди прямая, ровная и белая, как скатерть, полоса лесной дороги шириной около 5 м. Она уходит в заснеженный, густой, мелкий берёзовый лес, растущий по границе кочковатого болота.

Снегопад усилился. В лесу тишина. Остановишься – слышно, как шуршит падающий снег. Изредка тишину нарушают свист синицы, крик поползня или стук дятла. Иногда промелькнёт в покрытых снегом ивах стайка гаечек. И снова тихо и пусто. Встречаются припорошенные снегом следы зайцев и горностая. Вот свежий след мышки. Вот строчка следов лисицы. Следов лося, рыси или волков не видно. Можно подумать, что крупных зверей здесь нет. Но это впечатление обманчиво. Однажды летом ученик нашего класса Анисимков, возвращаясь с Половинки в Ивдель, видел медведя, переходящего этот зимник. Часа три монотонно идем, разговаривая, сквозь падающий снег, через вторичные, преимущественно берёзовые леса. Павлик сказал: «Мы напротив Лиственничного!» – небольшого заброшенного хуторка на левом берегу Лозьвы. Решили отдохнуть. Смели снег с нависшего над самой землёй ствола берёзы, опрокинутой ветром. Сняли рюкзаки, разделили и съели бутерброды. Долго сидеть не стали. Помогли друг другу надеть рюкзаки. Пошли дальше.

Впереди всё тот же засыпанный снегом зимник, пересекающий белые от снега леса. Изредка встречаются огромные старые лиственницы. Постепенно начали сгущаться ранние сумерки. А мы всё идём и идём, снегопад всё усиливается. Маленькую речушку Пыновку перешли уже в темноте. И я не заметил, как мы оказались на засыпанной снегом тропе. Справа появилось белое пятно – болото или старица – признак близости Лозьвы. Наконец, Павлик сказал: «Половинка! Пора разряжать ружья!» Разрядили. Вставили патроны в патронташи. Прошли несколько шагов. И тут с громким лаем появились лайка. Бросившись на грудь Павлику, она попыталась вылизать ему лицо. Потом повернулась на месте волчком и залаяла на меня, не то чтобы злобно, скорее вопросительно: «А тебе что здесь надо?» Павлик сказал ей «свои!» и погладил меня по руке. Умная собака успокоилась, обнюхала меня, не спеша побежала в березняк. И только тут я увидел за берёзами тёмный домик. Ещё немного, и мы оказались на поляне, вытянутой вдоль берега Лозьвы. Сквозь падающий снег с трудом просматривались силуэты нескольких домиков. Около двух на снегу – пятна света из окон, обращённых к Лозьве. Был седьмой час вечера. Мы подошли к домику, который находился справа, и увидели тёмный силуэт плотного приземистого человека. Поздоровались. По голосу я узнал В.И. Лёвкина.

Василий Иванович до сих пор кажется мне личностью загадочной. На вид ему было в то время лет 50-60. Был он невысокий, плотный, кряжистый, с карими глазами и толстыми губами, побритый, подтянутый, немногословный, очень энергичный. Происходил из семьи поморов, промышлявшей до коллективизации на двух собственных небольших судах рыболовством и охотой. Бывшие ленинградцы говорили, что он был знаком с С.М. Кировым. Говорили, что тот любил охоту, а В.И. был его проводником. Судя по событиям 1935 г., доля правды в этих разговорах была. После убийства С.М. Кирова, В.И. с семьёй выслали в Ивдель на спецпоселение. При этом

никто не заметил, что кулак и эксплуататор увёз с собой два двустольных ружья: 12-го (тульского производства) и 20-го (бельгийского производства) калибра, а также запас пороха и прочие припасы. В Ивделе у него тоже не отобрали ружья, хотя до самой реабилитации следили, чтобы оружия у других спецпереселенцев не было. Я помню жалобу нашей соседки М.Ф. Христенко моей бабушке на то, что у них был обыск. Причиной был донос о том, что у них якобы есть ружьё.

В пос. Кордон В.И. с двоюродным братом Николаем построили небольшой дом, разделённый капитальной стеной на две части. В одной половине поселил семью, а сам убрался подальше. Собрал артель рыбаков и уплыл с ней вниз по течению Лозьвы на 20 км от Першино, организовав здесь рыбачий хуторок Половинку (Половинное). Выстроил для себя небольшой домик. В.И. не потерял интереса к событиям в стране. Он был в числе немногих спецпереселенцев, кто, кроме обязательных газет, выписывал журналы, в частности, «Охота и природа». Доставляли их ему в тайгу от случая к случаю. Перед войной или в начале войны его реабилитировали вместе с другими спецпереселенцами. Но ни на фронт, ни на Серовский металлургический завод не мобилизовали. Не знаю, какова была официальная причина, но в Ивделе говорили, что В.И. оказался тем «мужиком, который двух генералов прокормил». Только «генералов» оказалось значительно больше. Значительная часть выловленных им нельм и тайменей не задерживалась в Ивделе. Работа рыбака тяжёлая. Желających заниматься ею мало. Ко времени нашего визита артель почти «растаяла». Кроме В.И., осталась его родственница – крёстная мать Павлика. Остался ли ещё кто – не помню.

Мы вошли в домик. Нас встретила крёстная. Я уже забыл, как её звали. Поэтому буду звать, как и Павлик – Крёстная. Она показала нам, где повесить ружья и одежду. Мы умылись, поливая друг другу на руки воду из кружки над ведром. Нас накормили и уложили спать, кажется, на полати. Утром, часов в пять, зажгли лампу. Крёстная стала готовить завтрак. В.И. и Павлик ушли вниз по Лозьве проверять снасти. Когда они вернулись, едва забрезжил рассвет. Сели завтракать. После завтрака Павлик хотел идти со мной на охоту. Но В.И. сказал, что должен помогать на рыбалке. Когда мы, включая Крёстную, вышли из домика, было уже довольно светло, тихо, пасмурно, температура градусов 10-15. Шёл снег. Нас радостно встретила лайка. Лёвкины собирались ставить новую снасть – большую сеть с длинным рукавом из сети, натянутой на обручи. Рукав этот был устроен почти так же как плетёные из прутьев «морды». Как собирались доставлять снасть к месту установки, я не помню. В.И. сказал Павлику, чтобы он проводил меня на охоту, а затем шёл вниз по течению Лозьвы к прорве. Для меня такой поворот событий был неожиданным, я не догадался предложить В.И. свою помощь. Впрочем, в моей неквалифицированной помощи, вероятно, не было пользы. Павлик увёл меня вверх по реке не больше чем на километр, показал на лес, расположенный на левом берегу, объяснил, что Лозьва делает здесь многокилометровую петлю,

что я буду находиться как бы на полуострове длиной около 5 км и шириной немногим меньше. Это территория, за которую нельзя уходить, чтобы не пропасть в бесконечной тайге. Границы: с трёх сторон Лозьва, с четвёртой – наш вчерашний след и небольшой интервал Пыновки около устья. Главное, чтобы я был внимательным и не пересёк уже засыпанный снегом наш вчерашний след. Павлик предложил мне свой манок. Но я отказался, поскольку не знал, как зовут друг друга рябчики. Пользоваться манком не умел и мог потерять его в снегу. Мы с сожалением расстались.

Я вылез на берег. Слой снега на земле около 20 см. Облачно, ни ветерка. Солнца не видно. Тихо порхают снежинки. Направление движения облаков не просматривалось. Территория абсолютно незнакомая. Но заблудиться я не боялся. При необходимости выйду по собственному следу. На мне был белый халат с капюшоном, одетый поверх полушубка и шапки. Штанины ватных брюк выпущены поверх валенок. Я зарядил ружьё патроном с мелкой дробью и взял его наперевес. Лес преимущественно не очень старый, еловый с большим количеством берёз, умеренным количеством валежника, очень неравномерным расположением деревьев. Между участками густого леса и отдельными небольшими группами деревьев – небольшие поляны, заросшие редкими молодыми берёзками. Много рябины и калины. И всё в шапках свежего, рыхлого снега. Настоящая зимняя сказка. Из-за лежащего на ветвях снега лес кажется значительно гуще, чем есть на самом деле. Первое впечатление, что пройти негде.

Опыта охоты на рябчиков у меня не было. Вблизи Ивделя их большую часть выбили. А те, что остались, были очень осторожными. До этого по-

хода я только раз стрелял в рябчика и промахнулся. Но довольно хорошо представлял себе, где могут находиться птицы. Пошёл между деревьями и кустами к ближайшей рябине, рассматривая покров снега на земле и деревьях. Лосиных, медвежьих, волчих, рысьих следов не оказалось. Небольшие повреждения снежного покрова на деревьях можно было отнести за счёт птиц и белок. Посмотрим, что будет дальше. Стряхнул снег с ветки рябины, сорвал кисть, взял в рот несколько мёрзлых ягод, прислушался. Тихо. Пошёл от Лозьвы в глубину леса, лавируя между покрытыми снегом ветвями. Впереди с одной рябины частично сбит снег, склёвана часть ягод. Остановился, чтобы рассмотреть. Вдруг – тоненький то ли свист, то ли писк. Я слышал раньше такой звук, но не знал, кто его издаёт. Подумал, что это рябчик, и пошёл в направлении звука. Метрах в 20 с шумом взлетел рябчик. Пролетев около 50 м, сел за группой елей. Я видел, как он мелькал в просветах заснеженных ветвей и представлял место посадки. Осторожно двинулся туда, скрываясь за молодыми ёлочками, не забывая, однако, осматриваться и прислушиваться. Вот и группа елей, где сел рябчик. Из укрытия просматриваю ели одну за другой. Ничего подозрительного. Подумал: «Не скрылся ли рябчик за стволом одной из елей?» И вдруг обратил внимание на какой-то особенно тёмный участок хвои. Пожалуй, с нескольких веточек сбит снег. Да вот же он! Ловко спрятался в хвое! Расстояние – метров 20. Осторожно поднял ружьё. И вот уже вижу сквозь пороховой дым, как рябчик падает в снег. Медленно оседает снежная пыль.

Больше четырёх часов петлял я по лесу. В сетке было 4 рябчика. Прошёл 8 или даже 10 км. Куда шёл – не знаю. Солнца видно не было. Направление

движения облаков мне не было известно. Ни разу не пересёк след: ни свой, ни вчерашний, не вышел на Лозьву, не видел ни одной старицы. Судя по таким ненадёжным приметам, как положение лишайников на стволах деревьев, двигался преимущественно на север. Лес становился всё более глухим, диким и, наконец, сменился не очень густым старым ельником, росшим в кочковатом болоте и заваленным большим количеством бурелома. Последний рябчик, которого я застрелил, был совсем непуганый. Наоборот, он напугал меня, «взорвавшись» с треском в полной тишине откуда-то снизу всего метрах в 15 от меня. Отлетев метров 40, сел в середину ели у меня на виду. Скрадывать его пришлось совсем недолго. Скорее всего, я оказался где-то вблизи устья Пыновки. Временами было страшновато. Ощущения границы допустимого и большого страха не было. Но разум подсказывал, что я мог всё же не заметить засыпанный снегом вчерашний след.

Прошло примерно полчаса после того, как прекратился снегопад. Среди облаков появились небольшие просветы чистого неба. Погода менялась. Лёгким ветерком сбило снежную пыль и несколько комочков снега с тонких ветвей старой берёзы, стоявшей рядом. Положение становилось опасным. Выбраться я мог только по собственному следу. При самой быстрой ходьбе для этого нужно было больше двух часов. Но даже при небольшом ветерке рыхлый снег с ветвей мог оказаться в воздухе и окончательно засыпать мой след. А зимний день здесь короткий. Я развернулся и быстро побрёл по собственному следу, не соблазняясь возможностью где-то срезать.

Шёл часа полтора. След был уже основательно засыпан снегом, но просматривался. Вдруг недалеко взлетел рябчик и полетел почти в мою сторону. Через просветы между ветвями я заметил, где закончился его полёт. Между мною и местом посадки был засыпанный снегом бурелом. Я подошёл к месту, откуда рябчик взлетел. И понял, почему он выбрал такую траекторию полета. Он летел как бы в коридоре между высокими елями над звериной тропой. Здесь было много молодых ёлочек и пихт. Скрываясь за ними, я осторожно двинулся по тропе. Вот и место, где сел рябчик. Через просветы между ветвями видна узкая длинная полянка, по краям – молодая берёзовая поросль. Над поляной склонилась берёза. От согнувшегося ствола уже вырос вертикально молодой побег. Где тут прятаться? Но я видел, что рябчик сел где-то здесь. Просматриваю подряд всё. И вдруг мысль: «С берёзой что-то не так!» Снова осматриваю её внимательно. В верхней части дуги нет снега. А это что за необычный нарост наверху? Рябчик! Вытянулся сам и шею положил вдоль ствола. Осторожно поднимаю ружьё. Выстрел – и рябчик падает в снег. Я положил его в сетку и снова побрёл по собственному следу.

Минут через 30 след стал просматриваться с трудом. Здесь было много берёз. Чтобы сбить свежий снег с их мелких ветвей, достаточно было даже слабых дуновений ветерка. Весь снежный покров оказался в лунках от упавших комков снега. На этом фоне почти терялись лунки моих следов. Но теперь я не боялся заблудиться, поскольку находился не больше чем в кило-

метре от места, где начал охоту. Облака исчезли. Ориентируясь по солнцу, я пошёл на юг и минут через 10-15 увидел Лозьву. Солнце садилось. Было тихо. Температура воздуха быстро снижалась. Тревога прошла. Я решил набрать калины, которой около Ивделя было очень мало. Снял с плеч сетку. Разложил её около кустов. Расположил рябчиков так, чтобы образовалось нечто вроде дна. Закрыв их сверху носовым платком. Нарезал почти ведро кистей. На Половинку пришёл в сумерках. Лёвкины были дома и тревожились по поводу моего долгого отсутствия. В.И. строго спросил: «Захотел, что ли, обогатиться от охоты?» Затем мы поужинали и легли спать.

Утром, часов в пять, Крёстная зажгла лампу и затопила печь. Через час В.И. сказал Павлику: «Пойдём, осмотрим снасти, пока мороз не слишком сильный!» Я тоже встал со всеми. Позавтракали. В.И. с Павликом и лайкой ушли, меня с собой не взяли. Я думал, что с рассветом мы уже пойдём в Ивдель. Поэтому, подремав, решил укладывать рюкзак. Снял с себя майку, связал её снизу обрывком верёвочки. Оделся. Вышел из домика. Было ясно, тихо, на востоке яркая заря, снега на земле около четверти метра. Переложил замёрзшую калину в мешок из майки. Уложил его и рябчиков в рюкзак. Оставил рюкзак в коридорчике. Вышел снова. Показалось солнце. Рыбаки не появлялись. Я остановился в раздумье и вдруг увидел всего в полукилометре тетеревов на высоких берёзах. Взял ружьё, патронташ, надел халат, пошёл через берёзовый лес и тут понял, что шансов на успех у меня почти нет. Лес просматривался на большое расстояние, тем более сверху. Никаких укрытий не было. Все-таки я добрался до высоких берёз. Тетеревов не оказалось. Стал присматриваться – внизу лунки. В это время в 50 м из снега взлетел косач. Я стал осторожно подбираться к лункам. Но тетерева взлетали далеко. Стрелял издали, но не попал. Вернулся на Половинку. Рыбаков нет. Пошёл им навстречу по левому берегу Лозьвы. Здесь были преимущественно покосы, болотца и перелески. Наткнулся на семейство белок. Застрелил трёх. Потом подумал: «Зря я их застрелил! Вероятно, они пользовались особым отношением жителей Половинки!» Но, что сделано, то сделано...

Рыбаки задержались из-за того, что решили осмотреть все снасти. Они принесли несколько крупных налимов. В.И. открыл большой ящик у стены домика. Вытащил несколько замёрзших налимов, а принесённых положил в ящик и закрыл крышкой с примитивным запором от собак. Одного налима он дал мне. Сказал: «Передай с поклоном от меня Прасковье Дмитриевне!» (моей бабушке). Я поблагодарил и взял. Остальных он вручил Павлику. Тот сначала возразил: «Тяжело!» Но В.И. сказал: «Семья большая, родных много! Когда я ещё смогу что-то передать?» Павлик послушался. После обеда он стал укладывать рюкзак. Мне тоже пришлось переложить всё. Чтобы уменьшить ношу, высыпал в снег половину собранной калины. Сдирать шкурки с белок не стал, некогда. Уложил их с рябчиками. Маскировочный халат положил в карман рюкзака, чтобы не запачкать о калину. Когда мы, наконец, собрались в путь, был третий час пополудни. Небо снова затянули тучи, пошёл снег.

Нам дали по бутерброду с кусками жареного налима. В.И. пожелал доброго пути. Крёстная перекрестила обоих, и мы побрели по глубокому снегу. Снег в валенки не попадал потому, что штанины были выпущены вверх. От прежних следов ничего не осталось, поэтому сначала первым пошёл Павлик, я за ним. Отошли метров

на 100. Оглянулись, мысленно попрощались с Половинкой, зарядили ружья. Пошли дальше. Вскоре я начал различать под снегом тропу. Стали меняться местами. На зимник вышли где-то недалеко от Пыновки. Снегопад усилился. Сильно потемнело. Напротив Лиственичного мы оказались в полной темноте. Вот и берёза, где отдыхали на пути к Половинке. Я спросил: «Пойдём дальше? В темноте, да ещё при таком снегопаде волки могут подобраться вплотную!» Павлик ответил коротко и решительно: «Убьём!» Его уверенный тон несколько успокоил меня. Смели снег со ствола берёзы. Сняли рюкзаки. Сели спиной друг к другу, чтобы просматривать пространство. Просидели минут 10. Неуютно и страшновато было среди снежной круговерти в тёмном лесу. Так и не восстановив силы, надели рюкзаки и побрели по снегу дальше. На ходу не так страшно. Шли, сменяя друг друга, ещё больше двух часов. Осматривались. Но сквозь снежную завесу были видны только тёмные, расплывчатые силуэты леса с обеих сторон. И хотя Павлик хорошо знал дорогу, возникали сложности, когда с одной стороны стена леса прерывалась. Что это, поляна или поворот дороги? Один или два раза Павлик останавливался в раздумье. Потом, оставив меня на месте, шёл вперед. Убедившись, что находится на зимнике, звал меня. К счастью, он ни разу не ошибся.

Но вот снегопад закончился. Сквозь ветви деревьев у самого горизонта стало видно светлое пятно в облаках над лесозаводом. Уже не так страшно. Вскоре начались покосы и перелески. Здесь пришлось Павлику прокладывать путь. Вскоре на зимнике обозначилась занесённая снегом тропинка. Вероятно, кто-то ходил смотреть сено и вернулся по своему следу. Идти стало легче. Светлое пятно на облачном небе приблизилось и переместилось правее. Меж ветвей блеснул огонёк, потом второй. Наконец, Лозьва! Нашли бревно, где отдыхали позавчера, смели снег, сели опять спиной друг к другу. Достали из-за пазухи бутерброды, съели не спеша, «запили» снегом. Так устали, что не хотелось вставать, хотелось задремать. Но пришлось подниматься. Перешли Лозьву по чьему-то следу. А вот и Першино. В некоторых

окошках – свет. Залаяли собаки. Три или четыре побежали за нами. Лайте, лайте, только не кусайтесь! Как приятен ваш лай после 20-километрового марша по заснеженному тёмному лесу. Разряжать ружья не стали. Дальше путь лежал через перелески и небольшие поля. Дорога до Ивделя была накатана и лишь присыпана снегом. Мы пошли рядом, обсуждая события прошедших дней и предстоящие дела. Несмотря на сильную усталость, мы уже вживались в повседневные заботы.

Вот и железная дорога. Слева – полутёмная станция Ивдель-2. Светится одинокий фонарь над входом в маленькое помещение, да несколько разноцветных сигнальных огоньков вдоль железнодорожных путей. Дальше – дорога через тёмные перелески к маленькому посёлку бывшего третьего ОЛПа, затем к хутору на террасе р. Ивдель. С неё видна большая часть нашего посёлка. Под террасой на повороте реки – поляна. За ней – метров сто ельника по берегу. Дальше теряется во мраке полукилометровая набережная – редкий ряд домов вдоль берега. За огородами – ельник. На противоположной стороне реки – заросли ивняка. Мы знаем, что за следующим поворотом реки продолжением набережной будет ул. Главная. В километре от нас, на перекрёстке ул. Главной и ул. Щорса, светятся несколько огоньков в окнах и одинокий фонарь на столбе. Лишь в 2-3 км, за тёмным посёлком, сияли огни центра Ивделя и Ивдельлаговской резиденции. Почувствовав нас, подняла лай собака. Ей откликнулись другие. И покатился по тёмному посёлку собачий лай. Но ни одна не выскочила со двора. Это нас насторожило. Мы решили не разряжать ружья до ул. Ключевской. Вот и она. Разрядили ружья, убрали патроны и вскоре были у наших домов, стоящих рядом. В обоих светились окна. Родные ждали нашего возвращения.

С Павликом я ходил на охоту ещё два раза, но не дальше 6 км от города. Потом наши пути разошлись. Я поступил в Свердловский горный институт, он – в Мурманское высшее мореходное училище. Павел Васильевич Лёвкин стал штурманом дальнего плавания и неоднократно плывал с рыболовецкой флотилией к берегам Канады. Он женился и поселился в Мурманске. Здесь у него родился сын. В одном из плаваний он заболел и был вынужден оставить службу. Вернулся с семьёй в Ивдель, построил дом в бывшем пос. Кордон на ул. Главной, почти у самой реки. Служил инженером и проводил значительную часть отпуска в глухой тайге, куда можно было попасть с Половинки через труднопроходимые болота. Там он построил избушку. Последний раз я встретился с ним в Ивделе в сентябре 1986 г. Встреча была короткой. Павлик только что вернулся с охоты и пригласил друзей на вечер – есть глухаря, добытого им в тайге за Половинкой. Но я был связан планами отряда, выполнявшего полевые работы на Северном Урале. В Ивдель заехал на несколько часов, торопился и не думал, что эта встреча последняя. Вскоре П.В. Лёвкин умер от сердечной недостаточности. Вечная память тебе, мой дорогой Павлик!

ЖАМАЛЕТДИНОВ АБДУЛХАЙ АЗЫМОВИЧ

Жамалетдинов Абдулхай Азымович – доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Геологического института КНЦ РАН. Окончил ЛГУ по специальности «геофизика», в 1963-1967 гг. работал в Центральном Казахстане, в 1968 г. перекочевал на Кольский Север, который полюбил всем сердцем. Научные интересы: изучение глубинной электропроводности литосферы с мощными контролируемыми источниками (в том числе двойного назначения), геофизические исследования рудных полей (Печенгского, Мончегорского) и месторождений. Участвовал в уникальных проектах с МГД-генератором «Хибины», СНЧ-антенной «Зевс», промышленными ЛЭП «Колэнерго» и «Волгоград-Донбасс». В 1986 г. организовал в Геологическом институте КНЦ РАН лабораторию геоэлектрики, которой успешно руководил до переезда в Санкт-Петербург в 1998 г. Районы работ: Финляндия, Норвегия, Карело-Кольский регион, Украинский щит, Воронежский кристаллический массив, Забайкалье и Сахалин. Хорошая научная школа, встречи с выдающимися современниками, посещение различных регионов и знакомство с традициями многих народов – всё это сформировало в А.А. широкий кругозор и пристальный взгляд на мир. Накопленной мудростью он щедро делится с читателями. Уверен, что вы ещё встретитесь с ним на страницах наших изданий. – *Ред.*

СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА

Женщина простит мужчине любые мыслимые пороки, кроме одного – слабости. Мужчина простит женщине всё.

Джамаль-Эт-Дин, Изречения

История довольно банальная и, может, не стоило бы её предавать широкой огласке, но уж слишком ярко в ней переплелись сугубо личные страсти и переживания с особенностями политической истории нашей страны. Сама история взята из архива одной контр-адмиральной семьи. Имена и фамилии, конечно же, изменены. Итак, два друга Андрей Погудин и Григорий Персов окончили Высшее военно-морское училище и, получив младшие офицерские звания, отправились служить на Балтийский военно-морской флот. Ещё в училище сложился у них любовный треугольник с Василиной Глебовой, к которой оба друга питали самые нежные чувства. К началу службы треугольник благополучно разрешился – прекрасная Василина отдала руку и сердце Андрею. Молодым выделили квартиру в Кронштадте, и они счастливо зажили в своём гнезде. Андрей ходил на службу, а Василина хлопотала по хозяйству. И всё бы хорошо, да любовная лихорадка никак не покидала одинокого Григория. Служил он в соседней части и пользовался любым случаем, чтобы хоть одним глазком увидеть свою любовь. Хороша была Василина – и статью вышла, и чертами лица. Взглянет искристыми глазами из-под пушистых ресниц – сердце обмирает.

Над Балтикой нависло хмурое небо. Клочковатые облака плыли над морем, едва не касаясь гребней волн. Андрей был дежурным по части. Со скукой вглядывался он за линию горизонта. Всё было спокойно, но беспокойно было на душе у молодого моряка. Неожиданно он принял решение, оставил дежурным по части своего заместителя и отправился домой. Вернулся довольно скоро, поднял трубку телефонного аппарата, вызвал командира части и чётким голосом сообщил: «Я убил человека. Пришлите наряд и арестуйте меня».

Все обмерли. Отправили наряд в дом Андрея и обнаружили там Василину, рыдающую над трупом Григория Персова. Роковая пуля вошла ему прямо в сердце. «Это я виновата, – рыдала Василина, – я подала Грише знак надежды! Уж лучше бы меня поразила пуля, пущенная моим ревнивым мужем». Но дело сделано. И отправился Андрей с толпой заключённых на Беломорский канал воплощать в жизнь великую затею Вождя народов. Много погибло людей среди холодных карельских камней. Но Андрей, молодой и сильный, выжил. Он терпел все трудности и работал как двухильный. А через два года вышел указ Сталина о досрочном освобождении 500 наиболее выдающихся строителей Беломорканала. Амнистия касалась только уголовников. Андрей как раз попал под эту статью, и его досрочно освободили. Он нашёл свою Василину. А она дождалась его. Андрей был восстановлен в звании и продолжил службу в ВМФ. Он дослужился до чина капитана первого ранга и занимал адмиральские должности, став начальником Высшего военно-морского училища и начальником отдела кадров училищ ВМФ СССР. Он и его жена были прекрасной парой. Они жили долго и счастливо.

ИЗРЕЧЕНИЯ МУДРЕЙШЕГО ДЖАМАЛЬ-ЭТ-ДИНА

1. Всё приходит!
2. Для настоящего Мастера всё не так, что не сделано им самим. Уже на вершине жизни он готов переделать весь мир по-своему. Но ... наступает время для иных метаморфоз и великим планам не суждено сбыться.
3. Тревога и ожидание счастья – вот нормальное состояние души счастливого человека.
4. Делящий не бывает обделённым.
5. Старость – состояние, когда человека начинают ценить не за внешность, а за то, кем он стал.
6. Природа полна соблазнительных совпадений между всегда недостаточными экспериментальными данными и всегда обильными результатами теоретических спекуляций, объясняющих их.
7. Люди не гибнут от горя, потому что человеку никогда не может быть так плохо, чтобы не могло быть ещё хуже.
8. Жизнь бесконечна и прекрасна! Жизнь коротка и печальна! Две стороны одной медали, а счастье – посередине.
9. Трать силы, ибо в полные меха свежего вина не нальёшь.
10. «Нет пророков в родном отечестве», но ... вызревают они дома.
11. Легко тому, кто делает всё хорошо и не ведает совершенства, ибо нет более тяжкого испытания, чем путь к нему.
12. Деньги – Зло! Но как без них делать Добро?
13. Нет ничего дороже свободы. Даже зверь предпочитает жить в лесу, а не в клетке, хоть лес и полон смертельных опасностей.

14. Полевой сезон – эта маленькая жизнь – начинается с вопросов и заканчивается вопросами.
15. У мужчин две проблемы – как заполучить женщину и что с ней делать потом. У женщин тоже две проблемы – как заполучить мужчину и потом удержать его.
16. Ничто звериное человеку не чуждо.
17. Теория создаёт мифы. Эксперимент их разрушает и создает почву для новых мифов.
18. Мужчина предполагает, а женщина располагает, и потому ближе к Богу, ибо сказано: «Бог располагает».
19. Добродетели мы черпаем извне, тогда как пороки рождаются с нами и являются нашим истинным «Я».
20. Счастье – состояние гармонии между унижением и гордыней.
21. Семейная жизнь – маленький театр компромиссов, где зрители и актеры – в одних лицах.
22. Научись любить себя – и ближние тебя полюбят.
23. Среди друзей, родных, близких и любимых так трудно полюбить себя!
24. Лучшее средство для постижения жизни – родной язык.
25. Люди не знают покоя, потому что человеку никогда не может быть так хорошо, чтобы не могло быть ещё лучше.
26. Полезный вклад человека определяется диапазоном утраченных возможностей.
27. Мужчина соткан из не востребованных талантов, женщина – из неоценённых достоинств.
28. Не зарекайся на всю жизнь.
29. Лучшее – враг хорошего, но ... друг совершенства, ибо совершенство не терпит спешки.
30. Чем горче жизнь, тем выше гордость.
31. Лечись, пока здоров.
32. Чтобы быть здоровым, надо иметь очень крепкое здоровье.
33. Главный секрет женственности – в желании быть тайной для всех и открытием для одного.
34. Секрет мужского характера – в желании открыть все тайны на Земле.
35. Пуще золота, яхонтов и бриллиантов храни память об ошибках юности, ибо они есть основа мудрости и утешение в старости.
36. Совершенство – гармония красоты и мысли.

37. Мысль без красоты – не более чем нравоучение.
38. Вечная молодость невозможна! Но ... возможно вечное стремление каждый день любить новую женщину.
39. Платоническая любовь – любовь без конца. Она может быть у каждого человека, но только один раз и на всю жизнь. Второй такой любви ему не выдержать и не повторить.
40. Ничто так не иссушает плоть и не мутит разум, как неутолённая страсть.
41. Мораль не подвластна законам. Поведение каждого человека в обществе определяется его воспитанием и свойствами души.
42. Любовь всегда права, ибо старого добра не помнит.
43. Иметь любовницу – ещё не значит изменять жене.
44. У мужчин две любимые игры – с женщинами «в любовь» и со смертью «за жизнь».
45. Никому не дано осилить силу вина. Всякий, кто попытался это сделать, заплатил своим здоровьем и, в конечном счёте, жизнью.
46. Наука – единство и борьба двух непримиримых союзников; с одной стороны – высокомерные безрукие теоретики, с другой – полуграмотные экспериментаторы, подобострастно взирающие на теоретиков, без которых всё могут и делают сами.
47. Думать и выигрывать, работать и творить, публиковать и отчитываться – вот жизненный цикл человека умственного труда.
48. Чем на больший срок человек определяет свою жизнь и исполняет задуманное, тем выше его интеллект.
49. Интеллект – то, что отличает человека от животного.
50. Счастлив тот, кто до глубокой старости сохранил любовь к своей профессии.
51. Мастер не ошибается в своём ремесле, но может заблуждаться в поисках истины, ибо её знает только Бог.
52. Не бойся того, кто признался в незнании. Бойся того, кто говорит, что знает всё – он-то и заведёт в пропасть.
53. Ничто так не совершенствует человека, как горькая правда, сказанная в лицо.
54. Можно любить двух и более женщин, ибо любовь, как и болезнь, не приходит одна.
55. Любовь – соперничество двух равновеликих партнеров.
56. Женщина простит мужчине любые пороки, кроме слабости.
57. Мужчина простит женщине всё.

58. Настоящая любовь не знает стыда.
59. Друзей не теряют. Они живут, пока мы живы.
60. Старость – в радость, шире круг ровесниц, уже круг соперников.
61. Неизбежность конца и неизвестность срока овеяны романтическим ореолом Божественного провидения.
62. Зажжённые в одно время свечи гаснут недалеко друг от друга.
63. Чем меньше скорость, тем больше виляний.
64. Неудачи топят слабого, а сильного делают крепче, если не сломают.
65. Изречения по отдельности не выражают мировоззрения, но собранные вместе, могут сказать многое.
66. Прежде чем дать совет, ущипни себя – может, пройдёт.
67. Говорить, читать, писать и произносить мысли вслух – четыре стадии развития интеллекта.
68. Никакие почести и награды не заменят высокой оценки, которую воздаст Женщина.
69. Доклад удался, если после него тебя стали узнавать женщины.
70. Не заводи деловых отношений с друзьями детства и юности – они слишком хорошо тебя знают.
71. Порядочный человек никогда не сделает тебе подлости ... без особой необходимости.
72. Мудрость не определяется возрастом, но возраст определяется мудростью.
73. Лень – источник вдохновения.
74. Каждому хочется сказать многое, но не каждому дано сказать даже малое.
75. То, что учёный узнал, он должен опубликовать в высокой печати и доложить с высокой трибуны.
76. Высокая трибуна – не самое плохое место, если есть что сказать.
77. Хочешь что-нибудь сделать – сделай хоть что-нибудь.
78. «Жизнь темна и беспросветна, счастья нет и не будет» – надпись перед входом в жилище Мудрейшего.

ЗОТОВ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

Зотов Дмитрий Иванович родился в 1982 г. в г. Междуреченске Кемеровской обл. В старших классах влюбился в геологию и к концу школы накопил дипломы за участие в конференциях и симпозиумах разного уровня. В 2000 г. поступил на факультет геологоразведки и нефтегазодобычи Томского политехнического университета, который оставил через год по семейным обстоятельствам. Затем подвело здоровье, и о карьере полевого геолога пришлось забыть. Но по сей день его хобби – коллекционирование минералов и горных пород, а также полярная филателия. Любит активный отдых на природе, после чего – посидеть с друзьями у костра, поговорить, а то и помолчать. Д.И. появился на моём горизонте неожиданно, излившись из сети на дисплей компьютера пространным письмом, в котором коротко рассказал о себе, восторженно – об экскурсии в Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН в Москве, поинтересовался историей создания научно-исследовательской станции «Тиетта» в Хибинах и судьбой Кольской сверхглубокой скважины, а ещё – как подписаться на научно-популярный журнал «Тиетта»... Всё это говорит о том, что геология недосчиталась верного и увлечённого адепта. Но, может быть, литература приобрела интересного рассказчика? Как бы то ни было, приветствую дебют Д.И. в художественных изданиях Геологического института КНЦ РАН и Кольского отделения РМО. – *Ред.*

ПУТЕШЕСТВИЕ К ТАЛОВСКИМ ЧАШАМ

Воспоминания помогают пережить происходящее. Однажды мы с товарищем поехали к Таловским чашам, есть такой уникальный природный объект в Западной Сибири под Томском. Поехали на электричке, как студенты-геологи 1 курса, с целью сделать глазомерную съёмку с геологическим описанием. Я тогда страстно увлекался геологией, ездил на конференции, опубликовал несколько научных работ в их трудах. Так вот. На руках у нас была лишь схема тропы от железнодорожной станции с прямыми азимутами. В рюкзаках – продукты и 1.5 литра спирта. На дворе – конец октября, по ночам – заморозки, но днём солнышко ещё грело. Поездка планировалась однодневная, вечером того же дня мы должны были вернуться.

В электричке мы с Олегом познакомились с руководителем группы школьников из Санкт-Петербурга. Нам, 17-летним мальчишкам, было интересно с ним общаться. Узнав, что они едут туда же, мы расслабились. Перед нами – бывалый человек, дорогу знает, ни к чему мучить компасы и снимать обратные азимуты. Проболтав всю дорогу, мы добрались до пункта назначения. Там разбрелись по лесу и о питерцах забыли. За несколько часов мы сделали съёмку и описание района, сварили на костре кашу, махнули чуть-чуть спирта и стали готовиться в обратный путь. Но для чего-то (до сих пор не знаю) вздумали подождать, когда стемнеет. Темнело тогда уже к восьми часам, а электричка в Томск шла около десяти. До станции – три с лишним километра. Вот мы и решили не торопиться. Двинулись в путь и через несколько сотен метров подошли к развилке. Мы не имели ни малейшего представления, куда нужно повернуть. Шансы угадать – 50 на 50. Вот это головоломка! Обратных

азимутов у нас не было, на схеме развилки тоже не было. Обе тропинки были одинаково хорошо утоптаны. Нервничать мы не стали, а просто решили повернуть налево. Долго шли по лесу. Слишком долго, могли бы уже и понять, что здесь что-то не так. Но тут впереди показалась поляна. А мы видели поляну, когда шли от электрички. Следовательно, мы на верном пути.

Поляна была огромная. Целое поле. Над нами светила яркая полная луна, дело шло к заморозку, под нами стелился густой туман. Дорога вела куда-то вдаль, и это нас не насторожило. Где-то далеко протяжно просвистела электричка. И лишь тогда мы осознали, что неправильно свернули ещё у развилки. Выйдя на развалины одинокого заброшенного дома (вот уж повод поддаться панике), мы решили уточнить время. Здесь я должен сделать два отступления, касающиеся наших часов и для чего нам точное время, если электричка уже ушла. Дело в том, что от холода или спирта мой мозг сочинил мысль о том, что в полночь должна быть ещё одна электричка. И чтобы узнать, как долго мы уже бродим по лесам и полям, нужно было узнать время. Ни у меня, ни у Олега не было наручных часов, а мобильники тогда были только у буржуев. Мы взяли с собой механический железный будильник, такой круглый, со звонком сверху.

Итак, было 22:35, и мы приняли решение двигаться в обратный путь к злосчастной развилке. Подошли к тёмной стене леса, и страх проник в наше сознание, но делать нечего, нужно идти. На «три-четыре» мы побежали по узкой лесной тропе. Когда становится сильно страшно, русские люди обычно ... поют. Вот и мы завопили на весь страшный лес ещё более страшными голосами: «На поле танки грохотали!...» Картина, наверное, была забавная, но нам было не до смеха. Развилку мы пролетели, не останавливаясь на передышку. А через некоторое время два орущих горе-геолога вывалились из леса на станцию. Это были мгновения счастья! Пропотевшие насквозь, с сорванными голосами мы ринулись к расписанию движения поездов. Здесь мгновения счастья закончились. Табло сообщало, что ближайшая электричка на Томск будет в 6:30...

Медленно осознавая происходящее, замерзая во влажной от пота одежде, мы стали озадачиваться поиском ночлега. Следует отметить, что станция состояла из двух-трёх домов, в которых проживали странные люди. Странные, поскольку никто не пустил нас переночевать. Лихорадочные поиски привели нас к дому, у которого стояла небольшая копна замечательного мягкого сена. Как она манила наши взоры, тем более что глаза от усталости закрывались! Но около дома на цепи сидела, по старой русской традиции, очень злая и громкая собака. Пришлось пробираться к копне по-пластунски и осторожно выкапывать в ней нору. Когда дело было сделано, мы забрались в неё и устроились в положении эмбрионов. Завели будильник на 6:00 и под стук зубов, задрав проход сеном, попытались уснуть.

Нас разбудил лай собаки, которую разъярил, видимо, мой кашель во сне. Вскоре мы слышали топот ног. Сосредоточились, хотя от мороза и не-

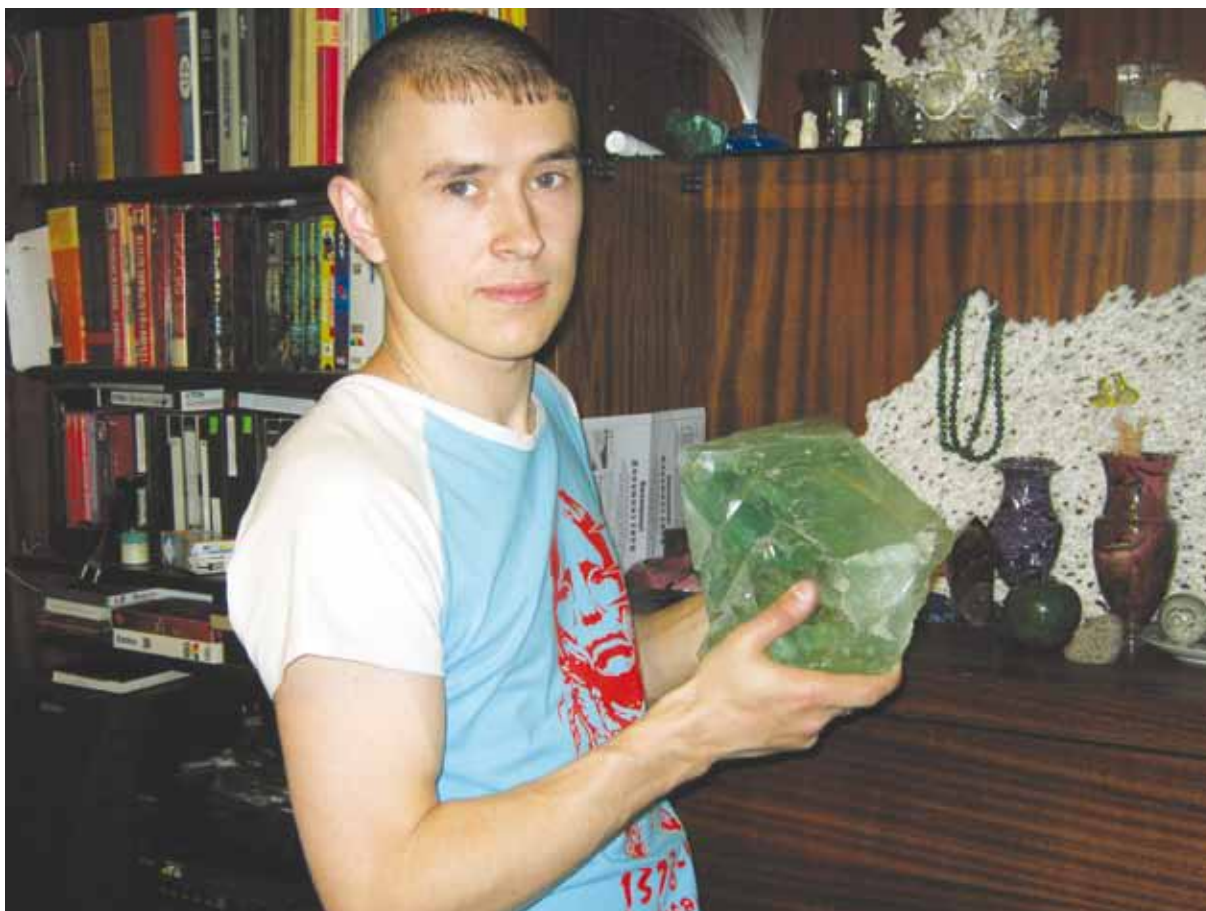

досыпа это получалось с трудом. Ног было четыре. «Собака» – сообразили мы. Она подбежала к копне и стала тыкать носом в мои ноги, которые я во сне вытянул, и теперь они торчали из сена. Тело моё покоилось в копне, Олег по-прежнему лежал в позе эмбриона, его не было видно. Моя первая мысль была: «Нюхает. Сейчас, если не покусает, то ..., собаки всегда так делают». Но пёс повёл себя необычно. Он стал лаять ещё яростнее. Через некоторое время слышались шаги двух ног. Они остановились около меня, наступило тяжёлое молчание. Потом последовали удар по моему колену и вопрос хриплым голосом: «Ты кто?». Вторая мысль: «Видимо, вопрос адресован мне. Притворюсь мёртвым, может, отстанет». Но через короткое время удар по колену и вопрос повторились. Первым не выдержал Олег. Он стал быстро выползать из копны, на ходу придумывая извинения. Одним словом, мы выбрались и увидели хмурого дядьку с вилами и ещё более хмурой собакой. Стали жалобно извиняться за то, что мы разрушили прекрасную копну и причинили хозяевам столько беспокойства. А тут ещё будильник зазвенел. Мы с Олегом стали психовать и пытаться его выключить. Дядька сначала испугался, отпрянул назад, но потом засмеялся и стал расспрашивать – кто мы, откуда. Потом помог собраться и направил коротким путём к электричке. Расстались мы очень дружелюбно.

На станции мы весело представляли себе это забавное зрелище. А в электричке, набитой людьми, ехавшими на работу в Томск, был обычный понедельник – день тяжёлый. Но нас это абсолютно не волновало. Попав в тепло электропоезда, мы быстро упали в объятия Морфея. На станции «Томск-1» нас растолкали, и мы поплелись в вокзал, чтобы дожидаться нужного троллейбуса. Но и здесь нас не оставили в покое. Дежурный милиционер

сверлил взглядом наши рюкзаки. Минут десять мы не могли понять, что же привлекает его внимание. Было тепло и тихо. Это помогло нам сконцентрироваться, и ответ пришёл в виде тиканья из моего рюкзака. Решение проблемы было гениальным – я громко попросил Олега посмотреть, сколько времени. Он демонстративно достал будильник, пристально посмотрел на него (милиционер это увидел) и сообщил время. Выражение лица милиционера я запомнил хорошо: сначала – смятение, потом – улыбка. И он оставил нас в покое, а мы побежали к троллейбусу.

В общежитии нас потеряли, поэтому спросили: «Где вы ночевали?» Мы искренне и загадочно ответили: «В стоге сена». Тогда маленькая спасительная копна показалась нам стогом. Мы успели съесть по «Дошираку» и пойти на лекции, которые, правда, проспали на задних столах. Позже мы выспались в общежитии. А вечером, бодрые после сна, стали разбирать рюкзаки и нашли забытый литр спирта! Вот это было царское вознаграждение за все мучения! Всю ночь мы просидели под Pink Floyd, бурно рассказывая соседу по комнате о нашем походе. Месяца два после этого у меня была ужасная аллергия на мороз: я начинал дико чесаться. Зато теперь иммунитет позволяет мне легко переносить холод. А ведь я был страшным мерзляком! Воистину, воспоминания помогают пережить происходящее.

Эту фотографию мы публикуем по просьбе автора в знак благодарности преподавателю Московского горного института эксперту-геммологу В.С. Чернавцеву. Уникальный кристалл флюорита – из коллекции В.С.

КАЛИНИН АРКАДИЙ АВЕНИРОВИЧ

Калинин Аркадий Авенирович – кандидат геолого-минералогических наук, специалист в области минералогии и геохимии. Окончил геологический факультет ЛГУ, распределился в Геологический институт КНЦ РАН (1980-1997), отвлёкся на работу в ООО «Кольская горно-геологическая компания» (2004-2009), но вернулся в родные стены (2009). Сегодня обучается в докторантуре, изучает перспективы золотоносности Кольского п-ова. Автор и соавтор более 50 научных публикаций, в том числе монографий: Минералогия и геохимия метасоматитов зон глубинных разломов (1987); Минералогия проявлений серебра в северо-восточной части Балтийского щита (1991). Как все геологи, любит природу. Как многие, обожает свою собаку. Да и как иначе – у неё отменное чувство юмора и замечательный литературный стиль (см. далее)! В изданиях Геологического института КНЦ РАН и Кольского отделения РМО ранее не печатался. Но всегда готов выдать поэтические строки на злобу дня. По этим признакам заключаю: у А.А. давно есть, что сказать городу и миру в объёме сборника стихов! – *Ред.*

ПИСЬМО ИЗ ПОЛЯ

Поприветствовать я рада
Всех родных из Ленинграда,
Вам огромный и горячий
От меня привет собачий.
Все дела у нас в порядке,
Мы живём в большой палатке
Возле речки Киевейки,
Здесь, без поводка и шлейки,
Я сижу, лежу, гуляю –
Делаю, что пожелаю!
Иногда хожу в маршрут,
Коль меня с собой возьмут,
Ну, а если не возьмут,
Я остаться рада тут –
Я одна побыть люблю,
Для начала я посплю
Как принцесса, на подушке,
На хозяйской раскладушке.
Вот где спится очень сладко!
Продуктовую палатку
Раз-другой я навещу,
Что покушать поищу.

А в маршрут тропу топтать
Километров двадцать пять
Мне совсем неинтересно,
Там, в маршруте, всё известно –
Папа у реки с лотком,
Я на бережке клубком,
Сплю, как понимаете –
Мой характер знаете!
На рыбалке побывали,
Рыбы мало, жаль, поймали,
Впрочем, я и не ловила,
Только вещи сторожила.
Сторожила час, другой –
Не идёт хозяин мой.
Тут мне надоело ждать,
Стала голос подавать,
А как стало невтерпёж,
Подняла такой галдёж,
Что вся рыба испугалась,
Даже в сетку не попалась!
Да, ещё чуть не забыла,
Рано утром дело было,

Чуть забрезжил новый день,
В лагерь к нам пришёл олень.
Ух, рожищи! Во – копыта!
Но и я не лыком шита,
Стала лаять и рычать,
Бросился олень бежать!
Трус рогатый, вы б видали,
Как копыта засверкали!
Кормят, скажем так, не густо,
Иногда в желудке пусто,
Впрочем, если не лениться,
Знаю я, где подкрепиться,
И на дело отправляюсь:
Озираясь, пробираюсь
Потихонечку на склад,
Где у нас еду хранят.
Там продуктов хватит всем!
Я кусочек сала съем,

Приготовлен бутерброд –
И его отправлю в рот.
Я считаю, нет хлопот
С псом, который сам найдёт,
Где какая есть еда.
Вы со мной согласны, да?
А меня не понимают,
За добычливость ругают
Жду, что мне письмо пришлёт,
Напишите, как живёте,
Сколько раз едите в сутки,
Чем наполнены желудки?
Как течёт Нева река?
Сколько ног у Собчака?
Он, вообще, какой породы?
Как у вас дела с погодой?
Жду ответ, привет из леса.
До свиданья!

Баронесса.
1994 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ПОХОДЕ В ХИБИНЫ

Я – пёс миттельшнауцер, звать меня Бари,
И я проживаю отнюдь не в Сахаре,
Живу в Апатитах, а здесь много снега
И есть всё, что надо для лыжного бега.

Томительно долго идут дни недели,
Четверг, понедельник ползут еле-еле,
Я в днях разбираюсь поскольку-постольку,
Мне дня выходного дождаться бы только.

Ну вот, наконец, наступила суббота,
И, значит, никто не идёт на работу.
Гляжу – собирает хозяин рюкзак,
Без термоса в горы соваться никак.
Нет, чай я не пью, пью холодную воду
Но к чаю обычно берут бутерброды,
А что мы сегодня на булку намажем –
Вопрос этот мне интересен и важен.

Хибины от нас недалёко совсем,
Мы к ним подъезжаем автобусом «7»,

Затем по заводу идём метров триста,
Не лучшее место, не очень там чисто.
На насыпи возле железной дороги
Все лыжи себе нацепляют на ноги,
Чтоб снег не набился в ботинки, не хило
Одеть... нет, обуь ваши ноги в бахилы.

А мне ни бахил, да и лыж вечно нет,
По шею в снегу пробиваю я след.
Никто не придумал собачьих креплений,
Хоть много ненужных есть изобретений,
Упряжку и шлейку, небось, смастерили,
Как только впрячь в нарты собачек решили.

А кто говорил, что мы меньшие братья?!
Кататься на меньших – дурное занятие.
На мне тоже, помню, хотели кататься,
Ещё чего, буду я так напрягаться,
На лыжах кого-то возить по дороге,
Дойдёте и сами – для этого ноги.
Красивей нет гор, чем Хибинские горы,
Они называются пахки и чорры,
Названья у гор – поломаешь язык.
А мы лезем вверх на какой-нибудь пик.

Не знаю, зачем нам наверх забираться?
Прекрасно и снизу могли б любоваться
На те же распадки, ущелья, обрывы,
Согласна, что все они очень красивы.

Но, слышала, умный не прёт на вершину,
Ведь можно её обойти сквозь долину.
Хотя мой хозяин совсем не дурак,
Да, что-то, видать, с поговоркой не так.
Я в гору обычно легко поднимаюсь,
Отстанут хозяева – их дожидаюсь,
На лыжах, а топать не могут быстрее,
Зато и не вязнут по самую шею,
А мне поработать приходится много,
Непросто проделать в сугробах дорогу.
Когда ж, наконец, мы забрались на горы,
Какие пред нами открылись просторы!
Немного вид портят озёра «хвостов»,
Нет-нет, не собачьих, «хвосты» от АНОФ.
А так – всё прекрасно, холмы и леса,
На них полюбуемся с четверть часа,
С горы видно вдаль аж на сто километров,
Но дуют там злые холодные ветры.
Бойтся хозяйка у нас простудиться,
Поэтому вниз надо быстро спуститься,
К тому же голодные все, словно волки,
А нас ждёт пикник у какой-нибудь ёлки.
Хозяин на лыжах стрелой вниз несётся,
И как это только ему удаётся?
Шагать не шагает, бежать не бежит,
Чуть ноги согнул и как пуля летит.
За ним я поспеть ну никак не могу.
Хозяева, я утопаю в снегу!
Вы что так несётесь, куда вы спешите?
Постойте немного, меня подождите!
Устала, как Бобик, дошла я до ручки,
О радость! Меня взял хозяин на ручки!
Вот это по мне – прокатиться верхом,
Ой, камень! Ух, яма! Летим кувырком.
К обеду спустились до уровня леса.
Трудилась я много, потери есть веса.
Восполнить потери – важнейшее дело,
Ведь вы не хотите, чтоб я похудела?
Хозяин снимает заплечный мешок,

На стол достаёт бутерброд, пирожок.
Я, впрочем, столом-то назвать не могу
Кусочек клеёнки на белом снегу.
Сюда, мне под нос, суют всякую снедь,
Так что же, мне нюхать и трогать не сметь?
Вот, помню, однажды потеха была,
Я круг колбасы со стола увела,
Как все зашумели: «Отдай, твою мать!»
Едва с колбасой я смогла убежать
И скушать. Живот чуть не лопнул (от смеха),
Поздней я не знала такого успеха.
Чтоб лишний кусок со стола получить
Мне нужно взгляд жалобный изобразить,
И лапкой хозяина нежно потрогать,
Его-то я точно сумею растрогать.
Покушали, плотно желудок набит,
Нет-нет, не пропал у меня аппетит,
Я б съела ещё, если б только мне дали,
Да больше еды мы с собою не взяли.
Приятно в лесу посидеть у костра,
Но все притомились, домой нам пора,
И снова я буду мечтать день за днём,
Как мы в выходные в Хибины пойдём.

2001 г.

КАНЦАРИН ЮРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

Канцарин Юрий Геннадьевич – геолог, охотник, рыбак, грибник, неутомимый исследователь потаённых уголков Кольского п-ова. Родился в Кировске Мурманской обл. Окончил геологоразведочный факультет Ленинградского горного института по специальности «Технология и техника бурения скважин», работал буровым мастером в Хибинах, Хабозере, Салма-Тундре, Кейвах и Панских тундрах. Всмотривался и вслушивался – хотя это трудно при работающем станке – в природу родного края. В одно прекрасное утро решил его пристально рассмотреть. Сказано – сделано. Прошёл сплавом на резиновых лодках и катамаранах Поной, Варзугу, Стрельну... Дальше – больше. Ходил по рекам и озёрам Тянь-Шаня, Саян, Кавказа и Алтая. А вечерами у костра или в палатке строчил в полевых дневниках «былое и думы». Результат – путешествия по Кольскому п-ову ярко описаны Ю.Г. в книге «В дебрях Кольского края или Двое в лодке, считая собаку» (Апатиты: К & М, 2009), изданной Геологическим институтом КНЦ РАН и Кольским отделением РМО к Дню геолога – 2009. Это был замечательный дебют. И вот – продолжение, хотя и несколько грустное. Однако я уверен, что описания охотничьих и рыболовных угодий, которые Ю.Г. периодически обходит дозором, не оставят равнодушными истинных любителей природы. – *Ред.*

ПРО ПОТАПА

*Старик поближе к огоньку,
А пёс поближе к старику,
Сидят они и радуются оба.*

«Песня про собаку». В. Берковский

Всё случается по закону подлости. Друзья уехали, а тут ещё занудный дождь. Переехал на правый берег, на примеченную загодя площадку, занялся лагерем. Натянул тент – и дождь прекратился. Скажете, не закон? Под тентом поставил палатку. Убрал, как мог, оставленный и втоптаный туристами да рыбаками мусор. Сжёл, что горело. Соорудил столик и скамейку из плавника. Прицепил антенну к транзисторному приёмнику «Альпинист-405» выпуска 1974 (!) г. Покрутил настройку и поймал «Маяк». Умели ведь делать! Построгал салатик, выпил стопку за новоселье, оглянулся. Да. Один. Не потому, что ребята уехали – просто Потапа нет. Я есть, вода шумит, рядом Умба, река то есть, лодка «Полина» со мной. А Потапа нет. Этот лохматый сопровождал меня двенадцать лет в охотах, походах, рыбалках... Да чего там, по жизни сопровождал!

Вчера план был такой. Первую неделю отпуска я решил провести на реке, половить рыбку, послушать лес, воду, может, несколько страниц написать. Борисыч с Анатоличем отвезут меня на место, посидят вечером у костра, утром уедут. А я пять дней поживу на диком берегу красивой реки. Сегодня согласно плану едем. К дороге надо относиться правильно. Большинство людей по пути в отпуск нетерпеливо считает оставшиеся часы и километры. Спешат. Я – нет. Шагнул за порог – и вот она, цель: дорога, путешествие, отпуск. Мои друзья, уверен, солидарны со мной. Это всё про дорогу «туда». Отношение к дороге «обратно» гораздо сложнее. Ну, да ладно, едем мы, едем. Под колёсами – убитая лесная дорога, за окнами зелёное июньское буйство северной тайги, в салоне бывалого «бобика» разговоры не менее бывалых путников. Борисыч – урождённый помор. Люлька в мла-

денчестве, описанная им сотни раз, нынче – экспонат краеведческого музея. И биография у него незаурядная. Анатолич – профессиональный полярник с тремя зимовками в Антарктиде, не считая арктических посиделок. Я тоже не за печкой сидел, видывал небо с алмазной крошкой, бульончик из натуральных мышей прихлёбывал в охотку. На троих нам 180 лет, есть что вспомнить, чем душу потеревить. Среди прочих разговоров про географию, друзей, женскую несправедливость вдруг повис вопрос полярника:

– Михалыч, а где Потап-то? Почему без него поехали?

Лучше бы не спрашивал. Случалось мне уехать из города, куда девать собаку? На два-три дня определить – с детьми договорюсь, при больших сроках выручали друзья. У Борисыча на базе есть шикарная конура, от неё – провод, по проводу – цепь, сто квадратных метров для прогулок. Еды – от пуза, ведь красавчик у всех и везде в любимчиках. Ещё покочевряжится, это буду, а то – сами ешьте. Раз в неделю с цепи отпускали. Погуляет денёк и – к миске. Так было и в прошлую осень. Отпустили, на второй день вернулся, а на третий пропал. Ездили, высматривали по закоулкам, не нашли. Украли? Вряд ли, кому нужен старый пёс. Может, погиб, или по своей воле ушёл умирать. Говорят, собаки так делают. Двенадцать лет для крупного пса – много.

– Может, я его предал? Во второй раз.

– Конечно, он тебя искать пошёл, – утешал Анатолич.

– Но я же хотел, чтобы ему лучше было!

– Порвали его в сваре, он же подраться – сам не свой. Видел кобелей на соседских складах? Алабай на ходу у «Волги» крыло прокусил!

– Нечего пустое молоть, – оборвал Борисыч наши разговоры.

А всё начиналось мистическим, даже судьбоносным образом. Лет семнадцать тому назад я осваивал Терский берег, который люблю до сих пор. Каждый год хоть на три дня, а то и три раза по три дня, бываю здесь на реликтовых можжевельниковых террасах. В лето, о котором идёт речь, я лазил по Порьей губе, уникальном участке берега, местами заповедном. В заповедник я, понятное дело, не поехал, встал на берегу оз. Плотичье. Поставил сетку и бороздил акваторию с удочкой и спиннингом в поисках рыбацкого счастья. Напарник Коля испытывал удачу на берегу у костра на коврике. Поймал на три окунька меньше моего. Так вот, шлёпаю вёслами по воде, на берег поглядывать начал, слышу, лает собака. Можете верить или нет, но я сразу понял – моя собака! По наитию, наверное, или сверху подсказали. Судьба, короче. Выходит Мыкола, а у его ног вертится лаечка. Остренькие ушки, маска с бровками-пятнышками, хвост бубликом, а на груди – белая манишка. Годиков двух отроду.

– Вот, приобрёл для тебя по случаю, ты же хотел собаку.

– Да, но...

Моё будущее горе уже ткнулось влажным носом в ладонь и стало собакой при хозяине.

– А... Найдёной будешь.

Это потом я узнал, что кандалакшские мужики привезли её в лес на расстрел за многие грехи. Напарник спас её, и потом больше двух лет я терпел бесчинства этого исчадия. Ладно непослушная, так ещё и воровка, каких свет не видывал. Пакостила без конца, причём изощрённо. Украденная человеческая еда пряталась в залежах кладовки, в гостиной под диваном, в детских кроватках под подушками. Если в дороге украсть и спрятать не удавалось, запросто съедала два килограмма варёной колбасы, следом пару пачек печенья и «бичпакеты». И не в том ужас, что группа охотников на три дня оставалась без еды – машина становилось непригодной к поездке. Ни один здоровый организм не мог удержать в себе такое количество еды, даже наилучшего качества.

На охотах Найдёна работала пятнадцать минут до первого выстрела. Потом бежала к машине, мол, с меня хватит. Поколачивал я эту красотку, но слегка. За это меня, кормильца и спасителя, цапала всерьёз. За что и получала. Наши трогательные отношения зашли в тупик. Избавиться от той, которую приютил, стало моей мечтой. В качестве компенсации за муки – взять от неё щенка. Родился Потап. А тут и соседи в Карелию на охоту собрались. Попросили одолжить охотничью лайку на недельку. Отдал с условием, что вернутся без неё. Вроде как в шутку, но так и вышло, причём по её же инициативе: стащила стопку из 60 (!) блинов и исчезла. Навсегда. Кому-то в подарок.

Посидел «за думками» и пошёл на речку испытать рыбацкое счастье. Ловилось так себе, да много ли одному надо. Взял неплохую кумжу, тройку хариусов. Хватит. С реки вернулся за полночь в экстремальных условиях. Светло, но пошёл дождь, камни намокли, скользко. Не шагал, а семенил, балансировал, осторожничал, как мог. С весом в центнер и оперированными ногами до беды куда ближе, чем до лагеря. А перелом или вывих в нагромождениях скальных плит и обломков – это опасно. Чего лесом в обход не пошёл?! Оставалось метров сто до дома, как вдруг упал в курумник среднего размера лицом вниз, голенью, косточкой об острое каменное ребро. Полежал в страхе и боли, встал, пошёл. Спасла многослойная одежда, голенище сапога, да слой эластичных бинтов.

– Повезло – подумал, похромал 20 метров и снова упал.

– Ёшкин кот!

Снова повезло, только очки разбил, ладно, есть запасные. Ночью сварил уху, посолил про запас. Под шум дождя и «радио Маяк» поужинал, кое-как улёгся, заснул. Спалось тревожно, ведь без охраны. Правда, последние пару лет приходилось приглядывать за самим «сторожем». Под старость дружок начал глохнуть, «тормозить» в решениях. Но вид имел бравый бодигардовский, незнакомцам боязно, мне покойно. С утра – шум моторки. Гости, хлопоты. Закончилась моя робинзонада. Жаль, конечно. Да делать нечего. С каждым годом всё теснее на земле людям, даже в заполярных дебрях.

Новое знакомство оказалось весьма полезным. Малец с примитивной удой и искренним сочувствием разъяснил, что устроился я так ловко и уютно на засадном месте рыбинспекции. Отсюда государственные люди из-за кустов высматривают рыбаков, потом быстро спускают на воду катер с мощным мотором и ловят нарушителей. Подумал: запишут меня в нарушители или помилуют – не в том дело. Впереди выходные, народу на речке прибавится, побыть одному не получится. Эх-хо-хо! Собрал лагерь: тент, палатку, газ, плиту, надувной матрас, коврик, спальник, кастрюли, сковороду, продукты, одежду, снасти, погрузил в лодку. Переехал на левый берег, нашёл укромную губу с вековыми перезревшими деревьями-великанами. Напряг силёнки, перенёс скарб поглубже в лес, поставил лагерь. Фу-у. Не так живописно, воды не видать, но укрыто, тихо. Вот и славно. Вечером гулял. На реке режут движки, орут люди, активно проводят досуг. А я бродил по лесу с думками в голове, благостью в душе и любопытством в глазах. Родной край всё-таки.

На Кольском Севере много рек. Со многими знаками. Разные они по воде, берегам, происхождению. Поной – самая продолжительная река, рождается из болотных ручьёв. Ручьи становятся речками, сливаются и вот вам батюшка Поной – могучий, целеустремленно режущий полуостров в широтном курсе. Цель – горло Белого моря. Умба – совсем другая. Меж двух когда-то диких горных систем – огромное, глубокое, когда-то чистое озеро. Из озера широким зашейком вытекает река, на которой – каскады, плёс-порог, плёс-Падун. Да какой! Грозен, беспощаден, каждый год принимает людские жертвы. Дальше – опять плёс-порог, плёс-порог. Порог Разбойник

на вид грозен и шумлив. Многометровые скальные плиты, гранитные кубики размером с избу придают величавую красоту и грандиозность Божьему творению. Голубые водяные валы и сливы устрашают размерами. Красива Умба на Разбойнике!

Долго бродил, далеко. Благость сменилась грустью, грусть – злостью. Уроды! Лицемеры! Мальчишка с тремя хариусами по кустам прячется. А в пойме реки, особой природоохранной зоны, делянки с варварски вырубленным порушенным лесом, развороченный и пропитанный машинным маслом дёрн, тракторные дороги, мятые бочки, мусор, непроходимые завалы брошенных стволов, неубранных сучьев. Берег убит за бабло... Вернулся в свой уголок, неведомо как уцелевший от топора. Ужин не осилил. Раньше и вопросов не возникло бы, куда остатки девать. Рядышком всегда сторожил меня, а скорее пищу, обжора Потап. Да-а. Потап, Потапина.

Стал я хозяином этого серого шерстяного комочка, с красивой маской на мордочке и шkodливыми глазёнками. Сын кандалакшской Найдёны и новгородского Сигнала. Назвали Потапом. Был похож на медвежонка и бегал смешно – толстая пушистая попа так и норовила обогнать головёнку. Пота-а-п. Место себе он выбрал сам в старом кресле в моём кабинете и жизнь мне особенно не портил. Конечно, перегрызенные провода и книги про животных изодрал в клочья. Без этого не бывает. После Ники, моей первой лайки, в квартире пришлось делать ремонт. Теперь помогали дети. Ване исполнилось девять, Мане – семь лет. Выгуливали, кормили, воспитывали его по своим девяти-семи годам.

Я отношусь к животным функционально. Завёл собаку, кошку, козу – должен быть толк. Защита, молоко, общение, наконец. Но толк от них требую я, а не наоборот. Мой умный пёс понял это после шести лет. От родителей ему достались стать, мощь, красота и непутёвый мамашин характер. Был бит, обласкан в воспитательных целях и снова бит. Проблемы педагогики мучили нас взаимно до зрелого собачьего возраста. У него не получалось решить самый простой кинологический тест на сообразительность – раскрутить поводок по кругу. Привязанный на пять минут к дереву или забору, он обязательно запутывался, да так, что мне приходилось попотеть, освобождая скотинку.

– Тупое чудовище, бестолочь – шептал я злобно, распутывая пса под хихиканье прохожих.

А чудовище положит башку на толстые лапы, поднимет брови домиком, посмотрит умно, да ещё и вздохнёт сочувствующе. Собаки говорить не умеют, но я ведь слышу. Команды «ко мне», «нельзя», «лежать», «ищи» – выучили. Ладно, вырастим. А рос красавцем. Этаким собачий мачо. На улице незнакомые заглядывались, знакомые спрашивали:

– Где взял? А ещё есть?

О чём раньше думали? Шестеро в помёте было. Предлагал.

Наступил ноябрь. Зверю девять месяцев. А мне нужно на десять дней уехать в Питер. Жена – против большого и непослушного Потапа. Сам упрасивал, дети уговаривали.

– Нет, убирай, куда хочешь!

Сколотил будку на работе, купил сухого корма, договорился с коллегами. Так я предал его в первый раз. Уехал. Вернулся, а Потапа нет. Рассказали, что на пятый день после отъезда затосковал дружок, отказался есть и пить, а потом сбежал. Кобель западносибирской лайки в девять месяцев, на вид взрослый и грозный, а в действительности беззащитный. Искал я его, объездил оба города, базы, дачные посёлки. Ищи-свищи ветра в поле! Поплакали с Ваней и Маней, поругался с женой, но виноват-то сам. Вот и вышли на первую охотничью тропу! Да-а. Смирился, но почему-то был уверен, что пёс не пропадёт. Молодую породистую собаку приберут к рукам.

И ведь нашёлся, чертяка! Через те же роковые девять месяцев, летом, за тридцать километров от города на отдалённом руднике. Дело было так. Из Питера на побывку приехал мой старший сын Михаил, и удалось его соблазнить в недельный поход по Хибинам. К месту старта нас взялся подбросить приятель на «Газели». Иван с Марьей поехали нас провожать. Часть дороги проходила по территории промзоны. Подъехали к шлабгауму, выхожу показать пропуск охраннику, а здоровый пёс на цепи бросается, лает.

– Осторожней, – кричит охрана, – укусит, сейчас сам подойду.

Вдруг задняя дверь машины распаивается, вылетает доченька – моя глазастая любовь – и бросается на шею собаке:

– Потапушка, хороший мой, Потапушка нашёлся!

Тут уж все ломанулись. Подбежал и я, вывалился из машины Иван, забыв, что флегматик. Пошла кутерьма. Потап на всех прыгает, мы его обнимаем, крики, вопли, рты до ушей... Охранник с остатками подозрительности спросил про особые приметы. Я рассказал о привычном вывихе на правой задней лапе. Маленький Потапка, играя с дочкой, прятался под машиной и упал в гаражную яму. Я носил его по врачам, но не помогли, остался пёс чуть хроменьким. По радостному поводу отдал сторожу бутылку водки, на том и поладили. Потап стал третьим участником нашего похода. С собакой в диких местах комфортнее, тем более с родным Потапом.

С первого дня экспедиции наш третий участник не переставал нас удивлять. Во-первых, он за день наматывал километража больше нашего раз в десять. Радость движения у бывшего цепного пса была фонтаном. Во-вторых, сжигая столько калорий, он восстанавливал их за счёт нашего пайка, рассчитанного на двух человек. Ел, как мы оба вместе. Что делать? Затянули пояса, супчики разводили пожиже, побольше включали в рацион грибов, полуспелые ягоды тоже пошли в ход. «Вперёд, наверх, а там...». А там он нас удивил, в-третьих. По отвесным скалам скакал, что твой архар, без малейшего страха высоты. Ну и собака, скалолазно-проглотная!

В будущем он себя ещё проявит и удивит. На фабрике бегал по пустым речным маршам от отметки -30 до +30 и обратно. Никто его не принуждал, не обучал. Так, из пёсего любопытства и задора. Переходил реки по скользким брёвнам. Бывало, и развернётся над ревущей стремниной, страшно со стороны смотреть. Служебных собак подобным «фишкам» годами учат, часто без пользы. Ещё драться сам не свой, неважен размер противника, порода и число. Один ввязывался в драку со стаей бродячих собак – разбегались, бандиты.

В город вернулись, как и не было разлуки. Мишутка уехал. А мы зажили вдвоём в маленькой однушке. Охотились мало. Меня убивал его поиск за 700 метров. А голосина, – будь здоров. Пока я бегал, задыхаясь, дурные марафоны, глухари улетали, дабы не оглохнуть по-настоящему. Но брали двух-трёх за сезон. Мало, конечно, но что поделаешь. До анекдотов доходило, до слёз. Рыбацкий лагерь на берегу далёкого лесного озера. Костёр, палатка, столик, рядом серая собака картинно возлежит на бугорке. Лепота! Автор старательно постирал, перебрал рыболовные сети, аккуратненько развесил между деревьями на шнуре. Сел в сторонке, закурил, любуясь на работу. «Ай, молодца» – про себя, конечно. Красивая белочка прискакала на сосновую макушку.

– Цок-цок. Цык-цык.

Чуть слеза умиления не накатила. Вернее, накатила, и совсем не от умиления. Эта рыжая не про меня цокала. Скучно ей в лесу, видите ли, без со-

бачьих беснований. Азартный «охотник» взвился молнией к дереву. Сети! Поплавочек к поплавочку, колечко к колечку, чистенькие (полдня кропотливого труда), стали громадным коконом для лохматой визжащей, скулящей «куклы». Ну, беда-а-а...

Своей основной функцией он избрал охрану меня, моей семьи и друзей. Тут «шерстяной дружок» как-то сам разбирался, когда требуется его вмешательство, а когда справляйтесь сами. Дружелюбный по характеру, спокойно вёл себя в человеческом окружении. Даже позволял панибратство. Но в квартире, когда я открывал двери на звонок, подбегал и вставал рядом. Мол, я тут, хозяин, всё под контролем. В городе на улицах не обращал внимания на публику. В лесу, в деревне – не пускал в лагерь и дом. Лаял, кидался до моего появления. Потом стоял рядом и контролировал. Проявлять настоящую агрессию Потап шестым собачьим чувством умудрялся только в нужные моменты.

Возвращаемся зимой с рыбалки на машине с другом и сыном, уставшие, разомлевшие, до дома осталось чуть-чуть. Надо завезти друга, путь через арку. Дорогу перегородила компания отморозков, человек пять-шесть. Посигналил – повернули головы, ухмыльнулись, стоят. Газанул на выжатом сцеплении, будто рвану сейчас. Перепугались, шарахнулись в стороны, обиделись и стали ломиться в дверь. Правой рукой перехватил поудобней монтажку, говорю Сергею:

– Выскакиваешь после меня и дверь постарайся закрыть, чтобы Ваньку не достали.

Левой рукой открываю дверь, задача – ударить первым. И на тебе! Через левое плечо – пасть с оскаленными клыками по три сантиметра и рыком. Не лаем, а только рыком. Но подонков как смыло.

– Всех делов-то, хозяин, – поехали. Вот тебе и тупой.

Другой пример. Лето, жара, окна «Нивы» открыты. Подъехал к универсаму, вышел. На правом сиденье от водителя – знакомая девушка, на заднем – Потап. На панели автомобиля – мобильник. Как только я скрылся в магазине, нарисовался тип, есть такая прослойка общества с конечностями на шарнирах и в наколках.

– Хозяйка, дай позвонить, позарез надо, на пару секунд, – тянет руку через окошко.

Девушка растерялась. Зато Потап без паузы:

– А не пожалеешь, р-р-р? – смысл тот же, но доходчивый.

Разводчик быстро ушёл от греха, а серый опять вольготно развалился на штатном месте, выразительно вздохнув:

– Горе с вами, – вздыхать со значением получалось у него хорошо.

И всё-таки, тупая собака. Ворюга. Отучал, отучал, всё без толку. Гены. Впрочем, живя на лоджии, имея доступ на кухню, он двери открывал от себя и на себя. Если надо, то и ручку повернёт, но не трогал ни колбасу со стола, ни сыр из холодильника. Но в лесу, когда нас больше двух, приходилось съедобное прятать и запирасть. Выражение морды всегда одинаковое:

– А чего это ты на меня подумал?

Несколько лет назад был обычай каждую осень проводить недельку на Верхнеканских озёрах. Совмещали охоту, рыбалку, сбор ягод, чаги, калгана и просто общение с осенью. С Потапом, конечно, куда ж без него. Он нас и там удивлял. Наварили ему рыбного сора: окуней, плотвы, щук, полный 5-литровый котёл. Воды чуть-чуть, одна рыба. На сегодня и завтра, здесь на три дня хватит. Съел всё сегодня. И ещё пачку печенья стащил, приготовленную для завтрака. Наказать надо было непременно. Это же вызов коллективу. Коротко привязал виновного к берёзе. На ошейник намотал порванный пакет от продукта. Сиди до вечера, думай. Дойдёт же когда-нибудь до серого лба, что воровать нельзя, это аксиома. Я же не могу летать, вот эта щука – петь, Потап – тырить. Вечером, в темноте под уху разлили по стопке. На закуску – по бутерброду с колбасой. Сказали тост, выпили. Протёр усы, теперь занюхать, хватать рукой – нет бутерброда. Там-сям пошарил, ну нет его. Стащил-таки, скотина! Не-ет, доктор Павлов не всё про собак знал. А из кустов, слышу, мне телепатируют:

– Не я это, не я. Это всё твой друг Серёга.

Затворничество продолжилось. День выдался солнечный, жаркий. На воде суeta, лодки, люди, моё предыдущее место занято рыбинспекцией. На речку идти расхотелось, ловлю я правильно, но общаться с кем-либо нет никакого желания. Не для того в лес забирался. Погулял по лесным дорожкам, нашёл родник, подъезд к самому порогу и благоустроенную стоянку на симпатичном бугре. Да-а. Ещё лет десять назад места здесь были глухие, потаённые. Потом стали рубить лес, проложили дороги. За лесорубами по-

тянулся всякий люд. Нынче ходить пешком на рыбалку не принято, вот и нарезали проезды до «колеса в воду». Народу приятно, удобно. Реке и лесу – наоборот. Оскудели уголья, оскудела река.

Побрёл дальше. В километре от берега в нетронutom таёжном уголке нашёл ламбинку, окружённую болотом. К урезу подошёл с трудом. Дернина под ногами – ходуном. Страшно. Приходилось раньше проваливаться, и не раз. Как-то даже без сапога вернулся. Надо было слегу взять, но обошлось. На глаз – озерко вроде глубокое. Померил поплавочной снастью – больше метра. Заманчиво. Достал спиннинг с блесной-вертушкой. Пятнадцать забросов – и ничего. Поставил колебалку. Снова ничего. Осталось испытать удочку. Выставил глубину, насадил толстого и бойкого червяка. Помыл руки, достал сигарету. Вообще-то, я почти некурящий, но бывают ситуации. Прикурил, забросил подальше. Вот и наступила красота. Поплавочная рыбалка веками культивировалась у народов на всех материках. Есть, есть что-то в этом непродуцируемом процессе притягательное. Правы, ох правы Сабанеев с Аксаковым. Курю в кайф, любуюсь по сторонам на лес, воду, большой яркий поплавок. А тот торчал сторожкой, торчал, да и поплыл в сторону, и утоп. Оп-па-а, подсекаю, подматываю катушку, вытаскиваю. Вполне приличный окушок. Значит, сообщается озерко, скорее всего, подземным ручьём. Потому и окунь грамм под двести, а не черныш с палец. Подарила мне ламбинка ещё тройку экземпляров и час тихой радости. И на том спасибо.

В обитель вернулся мокрый от пота, искусанный комарами и мухами. Озарила мысль: пищевая пирамида – отнюдь не пирамида, а кольцо, ведь птичка и рыбка ест комарика, я ем птичку и рыбку, комарик ест меня... Забрался в палатку, там – пекло. Разделся. Для сквознячка открыл вход, и – о ужас! – мириады кровососущих разных мастей, но с одной общей целью, полками, дивизиями ринулись на моё голое тело. Зажёг спираль. Помогло. Спасся от всех, кроме громадного шершня. Тот вломился в чужой дом, что твой участковый. Кое-как выгнал газетой. Отдохнул, подсох, сел писать. Но тут ещё один гость – здоровенный красивый паук. Прямо под карандаш лезет, грамотей. Смахнул, пишу. Он опять лезет, лапку волочит. Эх, моя вина! Как можно нежнее, прямо на листе, вынес его на улицу. Через полчаса хроменький вернулся. Пришлось прописать его на своей жилплощади и всякий раз осматриваться, чтоб не раздавить.

Расстарался обедом из трёх блюд: уха, салат, чай. Поел вкусно и сытно, полежал, почитал. Хорошо! Снова взялся за дневники. В первый день на свежем воздухе за столиком приятней было. Но за два знойных дня кровососущих гадов прибавилось до невозможности. Съедят, не успею и страницу набросать. Хорошо-то, хорошо, да не очень. На реку ехал, а сажу в кустах. Ног не намочил. Была – не была, попробую. Собрался. В 23 часа по ранее разведанной тропе вышел на порог. По берегу крадусь, а ведь окрест земля родная, не тыл врага. Нет, зря шёл. С верхнего лагеря рыбинспекции порог до середины просматривается. И внизу лагерь, катер с водомётом, не тури-

сты. Незаметно ретировался. С этой позиции порог виден тоже до середины, но вверх. Короче, не светило мне сегодня жареного хариуса. По дороге домой завернул на окупёвую ламбинку. Опять удочка, опять спиннинг. Пусто. Зато набрал с десяток сморчков. Не сезон, но вполне приличные грибочки. Сгодятся. В палатке махнул с горя водки, закурил и вспомнил Потапа.

Его главное достоинство было тащить сани. С двух лет начали приучать. Многих трудов стоили уроки нашему семейству. Сошьёю очередную шлейку – не запрячь. Втроём с Ваней и Маней с горем пополам взнуздаем. И что? Ляжет на спину, живот подставит:

– Бейте, не пойду.

Годков с четырёх процесс пошёл. Постепенно собака становилась ездовой. А хитрость вот в чём. Заметил, гуляя в парке и за гаражами, что любит дружок тащить меня за поводок по своим пёсым делам. Ладно, думаю, на улице тебе это не пройдёт, а вот на лестнице, поднимаясь домой на пятый этаж, пожалуйста. И ему физподготовка, и мне шагаться легче. Тянул здоровяк на совесть, с азартом. Хрипит, буксует когтями по плитке, но мышцы бугрятся, прёт. Команды придумал. Для старта:

– Вперед! – И «подбадривающую» – Пошёл! Пошёл! – предельно суровым голосом.

Использовал новые команды и в прогулках по горам. Настал черёд саней. Выходим на лёд. Продеваю поводок от ошейника через лямку саней к себе в руку. И «вперёд», тащи. Два отрицательных момента имели место на этом этапе. Во-первых, при одном аллюре у нас разные скорости. Или мне надо бежать, под него подстраиваясь (а этого как раз не надо), или ему плестись, спотыкаясь через лапу. Во-вторых, тянуть на ошейнике неудобно.

Приобрёл заводскую шлейку. Учимся гулять по городу в шлейке. Получается, но пока я рядом. Как только оставлю, засовывает правую переднюю лапу под грудную лямку, и назад – никак. Всегда именно правую переднюю под ту же лямку. Потом падает на бок и ждёт меня, спасителя. Ту-упа-ая соба-

ка! Приучив тянуть меня на шлейке на пятый этаж, на льду освоился быстро. А после семи лет дал, наконец, повод гордиться им. Выходим на лёд. Впрягаю, даю команду:

– Вперёд, на рыбалку! – И дружок с санями, полными рыбацкого снаряжения, уносится в километровую даль, оставляя хозяина далеко позади. У зимней рыбалки в наших краях есть своя особенность. Рыбаки кучкуются в палаточных городках на только им известном «уловистом» месте. Пёс бежит до ближнего места и ждёт меня. Догоняю и, если нам дальше, опять:

– Вперёд, на рыбалку!

Публика, провожая удивлёнными взглядами хибинского маламута, не раз подкалывала:

– Он у тебя и лунки бурит?

До лунок не доходило, конечно, а ночью грел. Ночь, мороз, спим в палатке. С одной стороны пропановая горелка фырчит, с другого бока туша шерстяная тёплая, никакие холода не страшны. На одиннадцатом году, за два года до пропажи, Шерстяной такое представление устроил для рыбаков на базе губы Кислой, что... Лучше по-порядку. Весна, Имандра, мы в пяти километрах от берега. Корюшек наловили знатно, пора домой. Собрались, пристегнул Потапа к саням, даю команду «вперёд, к машине» и провожаю взглядом упряжку, уносящуюся вдаль по снегоходному пути. Встречные и попутные люди и снегоходы, само собой, по сторонам. В Кислой губе на базе дорога дальше шла по асфальту, стоянка на горке через сто метров. Когда я спустя час дотопал до машины, застал следующую мизансцену. У машины сидит Потап, стоят сани, а вокруг мужики хохочут. Рассказывают. Вылетела собака с упряжкой на асфальт и прёт на середину проезда. Машины его объезжают, но в горку по шершавому асфальту тянуть не хватает одной псовой силы. Беда-а. Он давай орать. По этой части, к слову, Потап обладал выдающимися способностями.

– Да помогите же! У-у-у! – И его поняли.

Один из свидетелей вцепился в ляжку.

– Куда тащим? – спрашивает по-русски.

– Да вон, красная «Нива» стоит. – Отвечает тот на собачьем.

Чертяка. Вот сижу один, кукушек слушаю. А бывало, по душам с ним говорили. Я практиковал раньше, да и нынче, одиночные продолжительные походы. В напарниках – только Потап. Мало того, что в городе с утра до ночи вместе, на работу его часто брал, так и в лесу месяцами только с ним общался, ну ещё с лодкой «Полиной». На шестом году общения голосовые команды утратили надобность. Хватало жестов. А говорили мы с ним на общие темы, житейские и философские. Больше я говорил, он любил слушать. Лежит, на меня смотрит, внимает, отведёт глаза в сторону на пару секунд и опять на меня. А то и кивнёт, да вздохнёт вовремя, бестия лобастая.

– Что, дружок, прошли мы порог-то.

– Да.

– Сейчас лагерь поставим, каши сподобим.

– Да.

– Любит Потап кашу?

– А то.

Или у костра в сумерках, затягиваясь сигареткой:

– Эх, Миня, Ваня, Маня, кровиночки мои, как вы сейчас, скучает по вас папка.

– Да-а.

– А своих-то помнишь?

– Не-а.

Как-то сплавливались с ним по р. Большой. Потап уже совсем старенький, как всегда, на носу лодки. Должен лежать, а он встаёт, интересно ему, понимаешь ли. А мне как порог читать? Раз положил, два, он за своё, встаёт и загораживает. Треснул веслом – и вся недолга. И тут первый раз услышал, как он заплакал. Полчаса, наверное, тоненько, жалобно, по-стариковски плакал. Я тогда прощения просил. Конечно, он простил меня, но что толку. Самые больные раны мы получаем от самых близких. В данном случае он – от меня. До сих пор сердце рвётся, клянусь себя.

Но всё равно он был тупой, собака. Не надо ему домашнего тепла и миски, полной еды, справедливого хозяина, подавай вольную волю. Убегал в город, там его звали «Митькой». Неделью его там вылавливал. Хорошо, город маленький, много знакомых... Звонят, видели там-то. Беру кого-нибудь из детей, едем. Ко мне не подойдёт, чувствует себя виноватым. Заманиваем, едем домой, наказываю. Через месяц-другой – всё сначала. Покупался он на такой приём. Подъеду, распахну настежь пассажирскую дверцу и сигналю два коротких пи-пи. Ездить он любил. Залетает в салон, как и не шкодил вовсе. Тут уж, раз сам вернулся, шлёпну газетой для протокола, и миримся.

Но случилось и наоборот, мне в укоризну. Зашёл в бар за кружкой пива пообщаться с друзьями. Потапа привязал снаружи на установленном месте. Минут

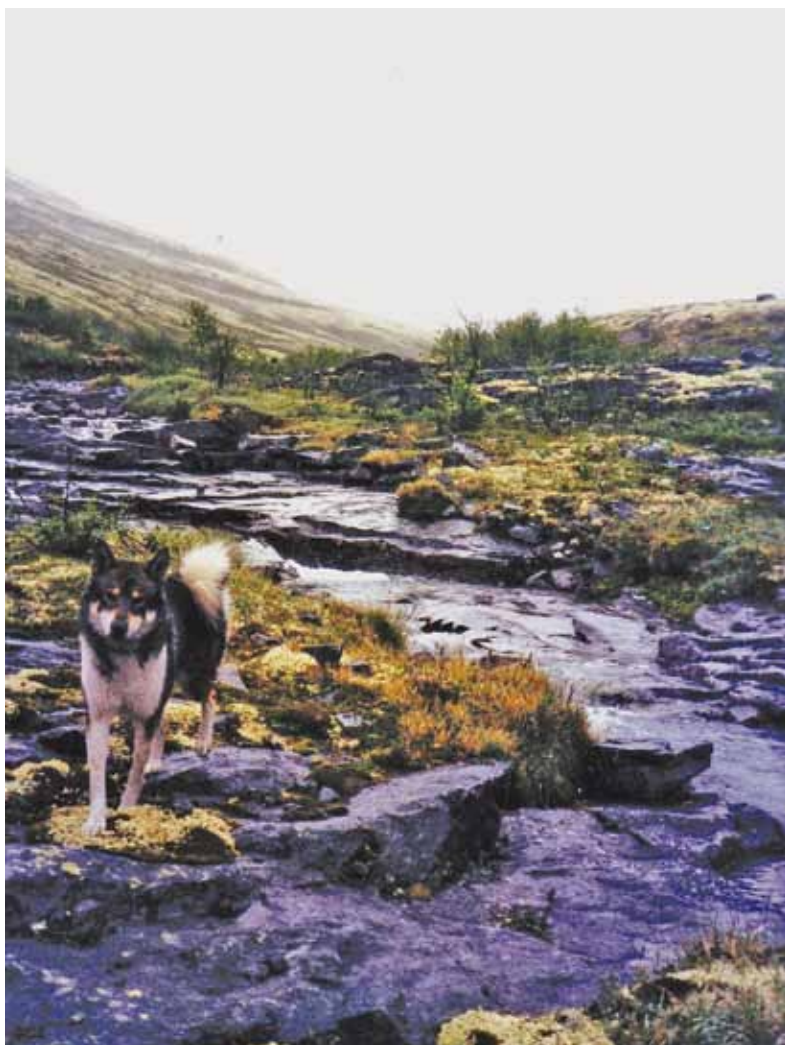
тридцать-сорок меня не было, вышел – нет собаки. Поводка, привязанного на классический узел, тоже нет. Выходит, украли добряка. Позвонил в милицию. Меня не поняли. Позвонил знакомым «хулиганам», примчались через пятнадцать минут. Я говорил уже, что пёс пользовался широкой популярностью. Пацаны опросили присутствующих и уехали. Эх, одно расстройство. Вечером друг звонит:

– Иду мимо бара, а там Потап сидит, бар закрыт. Что случилось?

Пойми его! Был на свободе, нет, вернулся, да не домой, а на место, где оставили. Вот тебе и бродяга. Потап – он и есть Потап. Отпустил его на фабрике на три-четыре дня погулять. Не всё ж зверю в городе на поводке быть. На эти дни он приспособливался жить у девчонок на КПП, а бегал по всей территории и подальше. К нему прибегали сородичи выяснять отношения, или сам рейды делал. Приём использовал всегда один. Найдёт стаю, вломит жожаку, возьмёт, чего хотел, на другой день – домой. Незатейливо, но интеллект в таком поведении присутствовал. В тот раз встретила ему стая полудиких, а может и вовсе диких собак, которые расплодились не на шутку и опустошали леса нещадно. Именно стая, с правилами и уставом. И стали Потапа, как медведя, рвать. Еле охранники палками отбили. Вызвали меня. Приехал, забрал. Раны серьёзные. Два дня пёс зализывал себя, на третий раны загноились. Месяц по врачам водил, уколы делали, мази прикладывали. Выкарабкался. Только левое ухо повисло. Зато к красоте и благородству прибавился ухарский шарм.

После вчерашних походов и ночных посиделок спал до двенадцати дня. Это хорошо. В моём возрасте плохо мало спать. В божьем мире за полупрозрачной стенкой палатки опять солнце и гул от алчущей моей крови мошкеры. Бегом на речку, быстро-быстро ополоснулся, набрал воды и так же вприпрыжку – на базу. Зажёг спиральку, сварил вкусный кофе, не спеша откушал

кефиру. Отдых благополучно продолжился. На воде подозрительно тихо. Проревели два-три раза моторы до обеда и больше за день – ни звука. То ли переловили и разогнали всех рыбаков, то ли сидят в засаде. Меня, хитрого, ждут. Сажу и я, сочиняю, точнее, вспоминаю и записываю. В шестнадцать часов пообедал, разгадал кроссворд, томно полежал, лес послушал. Лепота! Ближе к вечеру засобирался. Сегодня, может, пофартит, зацеплю кого-нибудь трофейного. Пофартило. Вешались стограммовые форельки и такие же хариусята. Отпускал без сожаления, даже с не-

объяснимой злобной радостью: «Да пошли вы!» Видать, приличные особи изъезжены или переколоты. Сменил три вертушки, зацепил и оборвал дорожный воблер. Снова прицепил вертушку. Кинул метров на двадцать вверх в буруны. Так, без надежды, для успокоения совести, мол, сделал всё, что мог. И тут – удар!

– Ёлы-палы! Ташу – фрикцион жужжит, не ташу – не жужжит.

Зацеп. Надо перейти выше по течению, попробовать отстегнуть. Стандартный приём. Но додумать не успел. Опять зажужжала катушка. «Зацеп» антинаучно пошёл вверх и наискосок в струю. Даже показалось, что видел толстую чёрную спину. Что делать-то? Смотает запас шнура и прощай, трофей бесценный, блесна за двести рублей и леска за пятьсот. Да что там, прощай, удача, прощай, вера! Бздынь! Ослабевший остаток лески поплыл вниз. Откусила, наверное, или фрикцион заклинило. У нас, рыбаков, не принято себя винить. Но это не всё. Работая спиннингом, я поплавочную удочку поставил за дерево, чтобы лишнее не таскать. Там она и будет стоять, пока кто-нибудь не набредёт. Я её не нашёл. Да Бог с ней! Лето наступило! Почти неделя в лесу. Удалась рыбалка, по большому счёту. Пора и честь знать. В городе старенькая матушка, хоть и под присмотром взрослого внука, но всё же.

Отношения пса и бабули – особая статья. Мария Васильевна баловала обжору, кормила вкусно и до отвала. В мясо добавляла морковку для витаминов, капусту, водичку холодную.

– Всё всухомятку да всухомятку. Пей, хороший мой, пей.

Тупая собака хлебала без края и тут же просилась на улицу. Объяснял, объяснял, что вываленный язык – это радиатор для охлаждения, и пьёт он потому, что вода холодная. Так нет же:

– Я мучить собаку не позволю. И никакой он не тупой, Потапушка, ум-м-мничка, ум-м-мничка!

Умничка же эту тему как мог подтверждал. Занимал в коридоре лежащую позицию, с которой мог контролировать кухню, спальню и гостиную, и смотреть хозяйке в глаза максимально умным и преданным взглядом. Я-то был уверен, что тут как раз всё наоборот. Хозяином пёс считал себя, а бабушка для него была поваром, официантом, компаньоном, к тому же старенькая, слабенькая, без присмотра не оставишь. Кончилось компаньонство едва ли не трагично. Рванул пёс как-то на прогулке, у старушки только ноги над головой мелькнули. Чудом не разбилась и под машину не попала. На совместных прогулках пришлось поставить крест, несмотря на протесты обоих.

Где я позволял ему быть полноправным членом моего общества, так это в походах. Грести он не мог, но обстановку контролировал, даже сопя на дне лодки и видя смачные сны. Неожиданные нападения зверя или плохого человека были исключены. А забирались мы в такую глухомань, что благополучное возвращение зависело именно от взаимодействия. 420 км сплава по Поною, 350 км сплава и волоков по Кисеньге, Кинемуру, Варзуге, Стрельне и морю. Водные походы по Большой, Куне, Индере, пешие – по Хибинским и Ловозёрским горам. Автомобильные путешествия по Карелии и средней Рос-

сии. Охоты, рыбалки, прогулки за грибами и ягодами. Всякое бывало. Я уже рассказывал об этом. Выручал без всяких оговорок, даже спасал. Чего только стоил провал в бочку на Бревенном пороге! Испугайся пёс, соскочи с вздыбленной тонущей лодки, некому было бы писать эти строки. А когда медведь на меня бросился, а в ружье – дробь! Счёт шёл на доли секунды. А он хватанул громадину за бок и погнал. Таким ярым я не видел его даже в драках.

Правда, и вредил, собака. В комарино-гнусинный период как-то забираемся с ним в палатку. Зажигаю на короткое время спираль, потом тушу её и засыпаю в тиши и благодати. Просыпаюсь среди ночи закусанный, заеденный до мяса. Тоже и с лохматым: вертится, скулит, чешется. Глядь, а вход в палатку распахнут! Он, видите ли, прогуляться ходил! В эту ночь выспался, проснулся сильный, довольный. С потерями смирился, не в удочках счастье. Не спеша собрался. Перетащил скарб на берег. Накачал и спустил на воду «Полину». Уложился, оглянулся напоследок.

Мой одноухий чертяка среди прочих обладал ещё одной уникальной чертой. Перед уходом, отъездом, покиданием привала он вероломно пропал напроць. Свистишь, кричишь – бестолку. Нервов погублено – не меряно. В протоках Поноя посреди кинемурских болот в центре Кольского полуострова я обречённо метался по берегу, орал:

– Потап, Потапушка, ну где ты?

Разжѐг дымный костер. Нет пса. Стреляю в воздух, другой, третий раз. На выстрел любая лайка прибежит, всё бросит. Проходит час, другой. Нет мерзавца.

– Да пропади ты пропадом!

Не от большого ума, а со злости и психу прыгаю в лодку, трогаюсь, скрипя зубами, и...

– А вот мы! Можно сесть?

– Урод, нельзя же так!

– А я что, я ничего, ладно тебе, – и хвостом по сторонам дык-дык, – нормально, всё нормально...

То ли радоваться, то ли запинать его до полусмерти? Конечно, радуюсь, но тихонько, нахмутив брови.

– Садись, горе мое.

Но каюсь, было дело, иногда пинал. А как не пнуть!? Помню, идѐм по тротуару, по левому краю. Поздняя осень, под ногами слякоть, вокруг уныло. Вдруг Потапу стало нескучно – справа из-за угла вынырнула собака. Балбес прыгает к ней, поводок между нами натягивается. А на обгон нашей связки, тоже справа, уверенно вышла пышная яркая русская женщина. С другой, глядишь, и обошлось бы. Но эта – как крейсер, у неё – инерция. В последний момент хватаю мадам за что успел, благополучно удерживаю от падения и... получаю по лицу. Яркая русская уходит. Я киплю самоваром. Потап мечется, опустив башку, собаки предчувствуют трѐпку. Подтягиваю, подтягиваю, а тот упирается. Но деться-то некуда, получай! Моя нога взлетает, попадает в

петлю поводка, путается, дёргается, я теряю равновесие и грохаюсь в грязь.

Да-а. Не понял я тогда знака. Сопровождали мы с ним друзей-туристов на перевал Северный Чорргор. Я гид, лохматого пенсионера взяли охранником. Доохранялся. Все два часа под ногами крутился. Последний взлёт на перевал по крутому снежнику. Люди «взлетели», дурачку же снег не понравился, полез в обход справа по скалам, промахнулся и оказался на пятнадцатиметровой отвесной стене. И орёт:

– Вай-вай, спасите, снимите!

Не только орёт, а ещё по краю бегают, из-под лап камни вниз летят. Попадёт таким, мало не покажется. На грех группа питерских туристов с той стороны навстречу идёт и прямо под стену. Я наперерез:

– Осторожней, наверху тупая собака камни скидывает, жмитесь к той стене.

В ответ от фасонистой без возраста дамочки:

– Собака тупая? Это у хозяина мозгов нет, довёл животное. Бедняжечка!

После такой благодарности я, уже два года как дедушка, весом 105 килограммов, полез снимать беднягу. Не удалось. Обходить вниз-вверх сил не было. Позорище закончилось почти благополучно. На обратном пути Потап, как ни в чем не бывало, присоединился к нам «охраняемым» и весело скакал поодаль до самой базы. У домика, привязывая его к дереву, вспомнил дамские реплики в свой адрес, зубами скрипнул да как пнул предателя по основанию хвоста. Но попал по сосновому корню и сломал мизинец. И это в начале летнего отпуска!

– Господи! Ну пусть я не прав, палец-то зачем ломать? – Хотя, грех роптать. Ему наверху виднее, над кем длань простирать.

Ещё раз оглянулся. Никто нервы не треплет. Да-а. Погрёб. На месте уже ждал Борисыч. Перекусили, уложились. Пора. А шея почему-то неподвластно головой вертит: «Да где же этот олух?» Поехали.

Карпов Николай Николаевич – автор столь любимой геологами песни «Дым костра создаёт уют...», что её можно включать в каждое наше издание. Но в этот сборник Н.Н. предложил ранее не публиковавшиеся воспоминания «Гимн Хибинам», подборки рассказов и стихов, за что я его искренне благодарю. Сотрудник библиотеки им. А.М. Горького г. Кировска Е.Н. Шталь описал жизненный путь Н.Н. столь ярко, что этот текст стал органической и самостоятельной частью книги. Замечу, что сам Е.Н. готовит к изданию «Летопись Хибин», которую мы с нетерпением ждём. – *Ред.*

КАРПОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Евгений ШТАЛЬ
«ЭТО ДЕТСТВО МОЁ ГОРИТ...»

Это строка из стихотворения Николая Карпова, которому в этом году исполнилось восемьдесят лет. У многих из его поколения детство было опалено войной. Родился Николай Николаевич Карпов 26 апреля 1932 г. в Рославле Смоленской области. Отец был инженером-путейцем, мать – учительницей. Когда началась Великая Отечественная война, Николаю было девять лет. Отец тогда работал в Наркомате путей сообщения в Москве и ожидал получения служебной квартиры, а мама – Ольга Сергеевна Сырейщикова, 10 июня 1941 г. уехала в Смоленск сдавать госэкзамены в пединститут. Когда началась война, она не смогла вернуться в Рославль, и девятилетний Коля остался с бабушкой Клавдией Петровной Сырейщиковой.

Под немцами

Военные события развивались стремительно. В июле 1941-го город уже был во власти немцев. Немецкие солдаты заняли дом, оставив бабушке и внуку кухню. В Рославле был установлен «новый немецкий порядок», но было разрешено обменивать товары на рынке, работали церковь и школа, выходила местная газета. Маленький Николай ходил во второй класс.

Он вспоминал, что детей заставляли зачёркивать в учебниках слова: колхозник, пионер, СССР, чтобы заменить их на: крестьянин, мальчик, Россия. Жить было голодно, но выручали свой огород и разовая работа: наколоть дрова, привезти воду с колонки, помочь немцам донести тяжёлую кладь с вокзала. Помогала и собака Мурка, таскавшая требуху с бойни, пока её не пристрелили. Николай немного знал немецкий язык, которому его обучала мать, поэтому мог понимать немецкую речь. На площади была установлена виселица, где в первые же дни были повешены четыре коммуниста, которых кто-то выдал, расстреливали евреев. Встречались и девицы лёгкого поведения, гулявшие с немецкими солдатами за плитку шоколада или пачку сигарет.

К концу августа 1943-го положение изменилось. Немецкая армия потерпела сокрушительное поражение в боях на Орловско-Курской дуге. Население города начало понемногу уходить. Кто-то уезжал добровольно в Германию, понимая, что возвращение наших ему ничего хорошего не сулит, кто-то шёл тайком на восток навстречу советским солдатам, взяв с собой самое необходимое. В городе были только старики, дети и женщины. Часть из них была вывезена на принудительные работы в Германию. Среди них были Николай и его бабушка.

НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

В Германии их разместили в лагере близ деревни Гремендорф. Режим дня был жёстким. В семь утра подъём, в восемь надо быть на бирже, где немцы набирали себе рабочую силу, в основном, для расчистки улиц и переулков после американских бомбёжек. Работали до шести вечера, кормили один раз в день (литр брюквенно-морковного супа, два ломтика хлеба, кусочек маргарина, полкружочка варёной колбасы). К концу года Николая взял к себе на постоянную работу владелец ресторана. Мальчику нужно было готовить пищу для свиней, гусей и собак, кормить их, подметать двор, мыть крыльцо и посуду, чистить картошку. Жил он при ресторане. Хозяин обращался с подчинёнными сурово, мог избить тростью, но кормили три раза в день. Так продолжалось до тех пор, пока в ресторан не попала бомба. Обслуживающий персонал ресторана находился в бомбоубежище и не пострадал. После этого Николая отправили обратно в лагерь, где находилась бабушка.

В апреле 1945-го пришла свобода. Лагерь был освобождён американскими солдатами. Управлять лагерем стали англичане. Летом в лагерь пришёл русский офицер – уполномоченный по репатриации – и сказал, что вывезенные в Германию должны вернуться на Родину. В списки желающих вернуться записались и бабушка с Николаем. Записались не все: прошёл слух, что вернувшихся без разбора ссылают в Сибирь, и некоторые решили остаться на Западе. Англичане выпускали всех из лагеря беспрепятственно.

В августе бабушку с внуком отправили домой на поезде. После допроса, где задавались вопросы: «Почему вы уехали в Германию?», «Ждали ли вы прихода фашистов?», «Почему не ушли в партизаны?» и т.п., их отпустили, и они смогли вернуться домой.

В ХИБИНАХ

В конце 1945-го семье удалось воссоединиться в Москве. После домашней подготовки Николай сдал все необходимые предметы за 4-й класс и с сентября 1946-го пошёл в пятый. Школу окончил в 1952-м с серебряной медалью и в том же году поступил на географический факультет МГУ. После окончания учёбы был оставлен на кафедре географии полярных стран, учился в аспирантуре, но диссертацию не защитил, так как увлёкся литературным трудом.

Карпов ежегодно приезжал в Хибинны как студент-практикант, впервые это случилось в 1953-м. А год спустя поездка в Хибинны привела к созданию песни, ставшей визитной карточкой поэта. Три студента и два преподавателя сидели у костра на левом берегу четвёртого северного безымянного притока р. Вуоннемйок. Костёр горел плохо, дым стлался по поляне и ел глаза. Люди пели песни, и каждый думал о своём. Именно тогда родилась у Карпова строчка «Едкий дым создаёт уют». В Москву он увёз её и настроение, породившее её. Вскоре, сидя на лекции по геологии, он набросал двенадцать строчек стихотворения. Называлось оно «У костра» и начиналось так:

*«Едкий дым создаёт уют,
Искры тлеют и гаснут сами.
Пять ребят о любви поют
Чуть охрипшими голосами».*

Стихотворение было опубликовано в журнале «Юность» в 1956 г. А через год-другой студент энергетического института Владислав Благонадеждин написал к стихам музыку, и песня пошла в народ. Сейчас она известна под названием «Пять ребят», иногда печатается с изменённой первой строчкой: «Дым костра создаёт уют...». В одной из публикаций было даже указано, что слова у песни народные. Это наивысшая похвала автору.

Кстати, опубликовать стихотворение сразу не получилось. Редакция одного журнала дала такой ответ: «Едкий дым не может создавать уют – он попросту неприятен», а к строке «Искры тлеют и гаснут сами» был дан убийственный комментарий: «А что, по-вашему, их должны тушить пожарные?». Не замедлили появиться и пожарные. В одной из статей в «Комсомольской правде» один из них высказался: «Вот попоют песенки вроде «Едкий дым создаёт уют», а потом и горят леса...».

С 1968 по 1980 гг. Карпов преподавал в Московском государственном заочном педагогическом институте и ежегодно был руководителем полевой практики студентов в Хибинах. Непосредственно нашим краям Карпов посвятил много стихотворений и, в частности, «Сверкала заполярная природа...» (в нём говорится о заключённых в Хибинах, считавшихся «врагами народа») и статью «Подкова на счастье». Пока остаётся неопубликованной его большая мемуарная проза «Гимн Хибинам». В ней он описывает поиски заблудившихся студентов: «Группе, в которую входил я, было поручено «в лоб»

подняться на Юкспорр, зайти на метеостанцию и узнать там, не видели ли метеорологи заблудившихся, потом обойти по краю всё плато и возвратиться назад. Кроме компаса и карты нам дали охотничье ружьё, чтобы мы пальнули три раза подряд, если найдём наших заблудившихся товарищей. Экстремальность ситуации, предшествующая бессонная ночь, незнакомая местность до предела обострили все чувства, и я сейчас, спустя много лет, до мельчайших подробностей помню тот маршрут, помню ощущение от первого соприкосновения с природой Хибин. Подниматься «в лоб» на крутую гору было трудно. Мы ещё не знали, что здесь, в Заполярье, в воздухе содержится на 15% меньше кислорода, чем у нас, на Русской равнине, но именно от этого быстро задыхались и останавливались, чтобы перевести дух и громко окликнуть пропавших товарищей. Целый час мы поднимались на плато и каким-то чудом нашли в сплошном тумане метеостанцию. Там сказали, что никого не видели, и мы пошли дальше, пытаясь ориентироваться по компасу и карте, но магнитная буря не кончилась, и мы сами заблудились...» В конце концов, всё окончилось благополучно – и все вернулись на Хибинскую географическую станцию.

Помимо стихотворных сборников Карпов опубликовал повести «Маленький Ostarbeiter», «Мамино счастье», рассказ «Папа, покажи меня ежам». Пока «в столе» лежат два неоконченных романа, стихи, рассказы, повести.

Шталь Евгений Николаевич, Кировск.

Выражаю благодарность Н.Н. Карпову за содействие в подготовке материала. Фото из архива Н.Н. Карпова.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА, РАССКАЗЫ, СТИХИ

В конце сентября 1954 г. близ устья четвёртого северного притока р. Вуоннемйок после одного из последних маршрутов я со своими четырьмя товарищами (рис.) сидел у костра. После ужина пели нехитрые походные песни. Костёр дымил, спасая нас от комаров, на жёрдочках сушилась промокшая за день одежда. Лирическое настроение этого памятного вечера я «довёз» до Москвы и в конце октября, сидя на галёрке, во время лекции по геологии СССР, написал простенькое стихотворение, которое под названием «У костра» было опубликовано в ноябрьском номере журнала «Юность» за 1956 г.:

*Едкий дым создаёт уют,
Искры тлеют и гаснут сами,
Пять ребят о любви поют
Чуть охрипшими голосами.*

*Если б слышали те, о ком
Эта песня сейчас звучала,
Прибежали б сюда тайком,
Чтоб послушать её сначала.*

*Чтоб почувствовать до конца
В нашем дальнем, таёжном стане,
Как умеют любить сердца,
Огрубевшие от скитаний.*

Спустя два года студент Энергетического института В. Благонадежин написал музыку, и песня зажила своей особенной жизнью: много раз перепечатывалась в журналах и песенниках, а в одном из них удостоилась высшей награды – в содержании было написано: «Слова и музыка народные...». Включая сезон 1953 г., в Хибинах и на Кольском полуострове я побывал в качестве практиканта, а затем и руководителя полевой практики со студентами пединститута в общей сложности около двадцати раз! Природа этого края настолько очаровала меня, что и после того, как я перестал ездить, не отпускала.

Перейдя в начале 1980-х на литературную работу, я продолжал писать стихи и прозу о Хибинах. Судьба моя, как литератора, сложилась неспешно. После выхода в свет первой книги стихов «Северный базар» (1978), меня легко (22 – «за», 2 – «воздержались», и ни одного «против») приняли в Союз писателей СССР, и в советское время удалось издать ещё три книги стихов: «Черничная Поляна» (1982), «Как умеют любить сердца» (1986), и «Растения заговорили» (1988). Основные публикации были в «Юности», альманахе «Поэзия», «Литературная газета», «Литературная Россия», а также многочисленных коллективных сборниках и нескольких «Антологиях русской поэзии.»

В Хибинах. Слева направо: Вениамин Петров, научный сотрудник; Николай Карпов, студент; Александр Осётров, студент; Василий Крючков, научный сотрудник; Владимир Будьев, студент. Фото автора.

В настоящую книгу вошли биографическая проза «Гимн Хибинам», более тридцати стихотворений и три рассказа, подавляющее большинство которых написано по памяти много лет спустя после встречи с Кольской землёй и, прежде всего, Хибинами. Нелишне отметить, что два рассказа и почти все стихи были опубликованы в разное время в книгах и периодике.

*Краеугольный камень книги –
Тобою прожитые миги,
Как ни крути и ни верти.
Они лишь то писать заставят,
Что годы в памяти оставят –
Иного просто нет пути!*

ГИМН ХИБИНАМ

Когда под прессом неприятностей или от долгой мучительной болезни в душе поселяется тоска, я достаю и ставлю на проигрыватель пластинки с музыкой великого норвежца Эдварда Грига. Она, в особенности первый концерт для фортепиано с оркестром, или фрагменты музыки к драме не менее великого норвежца Генрика Ибсена «Пер Гюнт», поднимает меня на своих могучих крыльях и уносит далеко. И я оказываюсь в краю, который

мне полюбился с первой встречи летом 1953 г. и памятен в деталях и сейчас, почти сорок лет спустя. Чтобы как-то объяснить эту свою любовь, я даже придумал наивную теорию, что человек не всегда рождается там, где ему следовало бы родиться для полного счастья. Что есть на земле места, увидев которые, он сразу понимает, что здесь его настоящая родина, здесь всё – воздух, вода, твердь, и людские характеры соответствуют ему, его душе, и неминуемо принесут счастье. Кроме музыки Грига, перенести туда меня может и прочтённая наугад страница из романа третьего великого норвежца Кнута Гамсуна «Пан»... Имя этой земли – Хибины – небольшой, площадью всего лишь около четырёхсот квадратных километров, горный массив в центре Кольского полуострова.

Конец июля 1953 г. Шумная группа первокурсников геофака МГУ, и я в их числе, едет на практику в Хибины, на Географическую станцию. В полночь садимся в общий вагон поезда Москва-Мурманск и едем в неизвестное, неведомое, далёкое. Долго не спим, поём студенческие песни, засыпаем под утро, полусонные выходим подышать воздухом утром в Ленинграде, и снова едем, едем, и за окнами долго ещё пейзажи, знакомые по нашей средней полосе. Неведомое начинается где-то около Петрозаводска, и заметно оно, прежде всего, по характеру земной тверди и течению рек и речушек. Тут и там появляются и остаются позади оглаженные могучим ледником скалы, поросшие буквально вцепившимися в них соснами, пенятся под гулками мостами порожистые водотоки, блестят сталью многочисленные озёра. Ночи больше нет, мы въезжаем в царство полярного дня и совсем не спим. Ожидаем, когда пересечём Полярный Круг. Кто-то с серьёзным лицом говорит, что в этом месте Землю опоясывает медный обруч. Кто-то по наивности верит и старается разглядеть его в проносящемся за окном вагона пейзаже. Потом показывается станция «Полярный Круг». Все кричат «Ура!» и поздравляют друг друга, а после разочарованно узнают, что сам круг находится, чуть не доезжая этой станции.

В другом конце вагона слышится дружный хохот – смеются над незадачливым сокурсником, который, готовясь к практике, захватил с собой две совершенно не нужные летом в Заполярье вещи – карманный фонарик и карту звёздного неба. Между тем, справа по ходу поезда, в просветах лесов, начинают открываться большие водные пространства – заливы Белого моря. И вскоре поезд, обогнув по дуге Кандалакшский залив, останавливается в Кандалакше – уже на кольской земле, в Мурманской области. Ещё около двух часов езды, и мы высаживаемся на станции Апатиты, садимся в электричку, состоящую всего из трёх вагонов, и ещё через час выходим в Кировске, в сердце Хибин. Вещи грузим на машину Хибинской географической станции, сажаем туда нескольких девушек, чтобы смотрели за рюкзаками – не вывалились бы по дороге – а сами идём налегке пешком.

Вершины гор скрыты облаками и поднявшимся туманом, и мы видим лишь крутые склоны – чёрные обрывы, покатые склоны, поросшие лесом

и слева по ходу большое озеро с чёрной водой. Стараемся держаться поближе к Кириллу Вячеславовичу Зворыкину, нашему руководителю и одновременно начальнику Хибинской географической станции, ибо он иногда называет негромко места, мимо которых мы идём. Названия все саамские и звучат непривычно: Айкуайвенчорр – голова матери бога, Юкспорр – лукгора, Расвумчорр – гора травяной долины, Юкспоррийок – река у лукгоры, Вудъявр – озеро с холодной водой. Запомнить всё на ходу не было никакой возможности, отложились в памяти лишь одинаковые окончания названий: Чорр – гора с обрывистыми склонами, Пахк

Николай Карпов. Середина 1950-х. Фото автора.

– гора с мягкими склонами, Йок – река, Уай – ручей, Явр – озеро, и прирастали эти названия, это знание местной топонимики, потом, в маршрутах во время практики. Так незаметно, примерно за час небыстрой ходьбы, дошли до Хибинской географической станции, расположенной в посёлке Юкспоррийок, где нас уже ждали её сотрудники.

К полудню мы разместились, хорошо поели, и после был объявлен день отдыха после дороги. Иначе говоря, мы были предоставлены самим себе без всяких инструкций как себя вести, так как наш руководитель, сам человек бесстрашный, прошедший войну, искренне и твёрдо считал, что лучший способ научить человека плавать – бросить его в воду. Поэтому он спокойно ушёл в двухэтажный бревенчатый дом, в свою квартиру, отдыхать, а у нас началось великое брожение умов. Уставшие и нелюбопытные – были среди нас и такие – легли спать после дороги и бессонной ночи, а остальные, словно выпущенное на волю стадо бычков и тёлочек, разбившись на группы и группки, кинулись в горы, благо они были рядом – рукой подать, и казались такими доступными и безопасными. Единственное, что нам было сказано – быть на месте к восьми вечера, конечно же, выполнено не было. Кто-то влез на крутой склон и не мог слезть обратно без посторонней помощи, кто-то за-

блудился в густых зарослях в пойме Юкспоррьюка, а одна группа, как выяснилось потом, перевалила через Юкспорр в тумане, да ещё при существенной в тот день магнитной буре, из-за которой стрелки компасов (а компасы свои были почти у всех, ибо стоили они тогда копейки, и каждый будущий географ считал необходимым иметь свой личный компас) вертелись, как заведённые, и показать верное направление не могли. Вместо Юкспоррьюка группа спустилась в долину р. Тульёк и направилась на восток, к Умбозеру. Их-то и не досчитался Кирилл Вячеславович, когда часы показывали уже не восемь, а десять часов. Из чащи поймы Юкспоррьюка выбрались сами, сидевших на уступе подняли по верёвке вверх нашедшиеся поблизости товарищи, а ушедшие в сторону Юкспорра так и не появились. Кто-то видел, в каком направлении они пошли (их стали в шутку называть «пропавшие без вести»), и решено было направить искать их три поисковые группы по три-четыре человека.

На этот раз были розданы карты, проверены компасы, определён маршрут каждой группы и обозначено точное время возвращения. Группе, в которую входил я, было поручено «в лоб» подняться на Юкспорр, зайти на метеостанцию и узнать там, не видели ли метеорологи заблудившихся, потом обойти по краю всё плато и возвратиться назад. Кроме компаса и карты нам дали охотничье ружьё, чтобы мы пальнули три раза подряд, если найдём наших заблудившихся товарищей. Экстремальность ситуации, предшествующая бессонная ночь, незнакомая местность до предела обострили все чувства, и сейчас, спустя много лет, я до мельчайших подробностей помню тот маршрут, помню ощущение от первого соприкосновения с природой Хибин. Подниматься «в лоб» на крутую гору было трудно. Мы ещё не знали, что здесь, в Заполярье, в воздухе содержится на 15% меньше кислорода, чем у нас, на Русской равнине, но именно от этого быстро задыхались и останавливались, чтобы перевести дух и громко окликнуть пропавших товарищей. Целый час мы поднимались на плато и каким-то чудом нашли в сплошном тумане метеостанцию. Там сказали, что никого не видали, и мы пошли дальше, пытаясь ориентироваться по компасу и карте, но магнитная буря не кончилась, и мы сами заблудились...

Вместо того, чтобы спуститься к Юкспоррьюку, мы пошли вниз по крутому гребню в долину Тульёка. Ни реки, ни даже ближайших отрогов не было видно в сплошной пелене тумана. Спуск становился всё круче и наконец мы с трудом добрались до площадки уступа, с которого уже совсем некуда было податься. От усталости мы даже не сразу поняли, как плохо наше положение и даже рады были, что никуда не надо идти, и сели отдыхать. Иначе как умопомрачением это состояние и назвать-то нельзя. А ветер тем временем стал потихоньку трепать нижний край огромного пласта облаков, что прилёг на Хибины, и показывал нам в образовавшийся просвет то ближний отрог, то матово-белую полосу снежника неподалёку. Мы напряжённо вглядывались в белёсый воздух, и цвет его завораживал, успокаивал,

словом, как-то сказывался на наших чувствах. Временами с горы над нами нависали тоже белого цвета, но с каким-то странным угольным оттенком, хвосты туч. Скалы и мхи чернели и казались усыпанными невесть откуда взявшейся угольной пылью. Наши лица серели и словно худели при этом свете и казались измождёнными. Наш долговязый товарищ сидел и говорил, что никуда отсюда не пойдёт, и устраивался спать на влажных моховых подушках.

Потом вдруг светлело. В разрывы изредка падал медово-жёлтый луч солнца, между серых и фиолетовых глыб зеленовато-жёлтым светом вспыхивали мхи. Этот луч словно пробуждал в нас волю, мы вставали и пробирались на край нашей каменной площадки и высматривали путь через снежник, но всё никак не могли найти пологого места. Космы тумана снижались и становились молочно-серыми, потом дымчато-серыми, густели и темнели на глазах и вновь становились углистыми, словно возвращались в исходное сумеречное состояние. В каждый просвет мы высматривали, где же находимся. Только с пятого или шестого раза поняли, что мы в незнакомой долине, где не было никакого посёлка и даже одиночного строения, и стали лихорадочно соображать, как отсюда выбраться, в какую сторону идти. А пласт тумана, смешанного с облаками над горами, всё всплескивал и беззвучно хлопал о землю, как флаг на ветру, всё больше и больше показывая нам близлежащие отроги, а потом и далёкие сизые сосновые леса в долине Тульйока. Вскоре углистый отблеск совсем пропал, и свет то вспыхивал медово, то вновь становился дымчатым, а потом и углистым. Мы, наконец, нашли пологий склон и, долго выбивая ногами ступени в крепком фирне, перебрались через снежник. За ним карниз начал снижаться и, наконец, стал таким узким, что можно было поставить только одну ступню и удерживаться руками за неровности холодного влажного тела Хибин.

Снова помрачнело. На этот раз туман стал холодным и синим, словно насыщенный льдом. От медленного движения мы стали замерзать и, наверное, поэтому, безостановочно и почти бесцельно, двигались по узкому скользкому карнизу. И когда уже почти нельзя было стоять, идущему впереди вдруг открылся узкий, забитый камнями лаз вверх – трещина в горе. Не раздумывая – иного выхода и не было – мы осторожно полезли вверх, ступая по серым в чёрных крапинках глыбам, стараясь не спихнуть их на идущего следом товарища. Прошло около получаса, а трещина всё не выполаживалась и всё так же была плотно забита камнями. И вдруг внезапно, когда мы нашли небольшой уступ и собирались отдохнуть, ветер вздыбил пелену тумана, и мы увидели, что находимся на краю плато, и кругом расстилается ровное каменное море с оловянными пятнами лишайников, а внизу курится синевато-чёрными вихрями глубокая чаша ледникового цирка. Много дней спустя, мы снова пришли на это место и долго стояли у обрыва, так и не сумев поверить, что однажды мы спустились по этой почти отвесной стене и поднялись обратно, и после этого ещё и нашли благополучно дорогу на станцию.

А пропавших студентов, уже наутро, нашла группа «спасателей», которую возглавлял сам Кирилл Вячеславович. Они были потрясены случившимся, и одна из студенток, по имени Клара, когда её обступили сокурсники, как заведённая повторяла: «Вы спрашивайте, спрашивайте, я вам всё расскажу!» После было короткое собрание. Нас, нашкодивших первокурсников, никто не ругал, но был объявлен запрет на вылазки из лагеря. На следующий день, который уже начался, нам дали отдохнуть, отоспаться, чтобы начать практику в нормальном состоянии. И лагерь погрузился в крепкий молодой сон. Я же уснуть не мог. Только что пережитое меня не испугало, а восхитило – ведь никогда прежде я не был столь близко с природой, не испытывал на себе её тяжёлую власть и одновременно очарован ею. Выйдя из палатки, я пересёк лужайку с редкими берёзами, перешёл по обсохшим валунам мелководный в это время года Юкспоррьок, нашёл большой валун, уселся на него и стал внимательно вглядываться в окружающий меня незнакомый мир.

Теперь я уже знал, что там, наверху, простирается каменная пустыня, и видел её перед глазами, и поэтому долина показалась мне оазисом среди этой пустыни. На её дне островками, сохранившимися после вырубок, росли еловые леса. Ели были довольно высокими, с узкой кроной, свежей, омытой влагой темно-зелёной хвоей и с прочернью от лишайников, поселившихся на стволах и ветвях. Лес этот занимал не только плоское дно долины, но и поднимался вверх по склонам, плавно переходя в более светлый по окраске пояс берёзового криволесья, а ещё выше – в разные типы горных тундр. Края плато и верхние части склонов были скрыты плотной пеленой облаков. Выше по течению Юкспоррьока еловый лес переходил в берёзовое криволесье, раскинувшееся на мягких моренных холмах. Всюду преобладал чистый зелёный цвет разных оттенков – от тёмного у елей до более светлого – у трав, ивняка и берёз. В воздухе совсем не было пыли, и видно было хорошо. На склоне Юкспорра в двух местах еловый лес и берёзовое криволесье были сверху донизу разорваны каменными безводными руслами серовато-белого цвета, как я потом узнал – следами постоянно сходявших здесь снежных лавин. Леса и участки берёзового криволесья перемежались влажными и ярко-зелёными лужайками, на одной из них паслись козы. Эти белые движущиеся фигурки любимых с детства четвероногих, на молоке которых я вырос, мгновенно протянули ниточку памяти на мою малую родину – в город Рославль на Смоленщине, и показалось, что эти места объединяет одно чувство, одно ощущение – покоя и умиротворения...

На следующий день началась практика. Вероятно, не случайно, что после всего происшедшего с нами, первой была лекция по технике безопасности. Прослушав её, мы в полной мере ощутили, что все вместе и каждый в отдельности нарушили все без исключения правила уважительного отношения к Хибинам. Мы переходили реки по снежным мостам, готовым в любой момент провалиться под нашей тяжестью, лезли вверх по лавинным и камнепадным лоткам, выходили на снежные карнизы, становились и хо-

дили по движущимся осыпям, которые в любую минуту могли унести нас к многометровому обрыву, и это просто чудо, что никто из нас не утонул в бурном потоке под крышей из спрессованного снега, никому не свалился на голову камень, никто не сорвался со стенки цирка, и все, в том числе наши руководители, отделались лёгким испугом.

До обеда была ещё одна лекция – об истории открытия апатитового месторождения и хозяйственном освоении Хибин. В этой лекции часто звучали рядом два имени: акад. А.Е. Ферсмана и государственного деятеля С.М. Кирова. Ферсман и его экспедиция впервые посетили Хибины в августе 1920 г., когда в стране шла изнурительная и кровавая гражданская война. Вот как описывается начало этой экспедиции в её трудах, изданных по горячим следам в Петрограде уже в 1921 г.: «В конце августа 1920 г. акад. А.Е. Ферсманом был организован специальный отряд Севэкспедиции для изучения Хибинского массива Кольского п-ова. Состав экспедиции был преимущественно из студентов, окончивших и преподавателей Петроградского университета: Ферсман А.Е., Ерёмин Е.В., Костылёва Е.Е., Унковская В.А., Бонштедт Э.М., Гуткова Н.Н., Лермантова А.В., Лихарева С.А., Росненская Р.В., Степанова М.Б., Терпугова М.В. Помимо Петроградского университета в организации экспедиции принимали участие Географический институт, Комиссия по изучению естественных производительных сил России при Академии наук, и большое содействие оказала Мурманская железная дорога...»

Ущелье Рамзая. Фото Ю.Л. Войтеховского.

И дальше в этой же лекции Иннокентий Константинович Тихомиров, научный сотрудник Хибинской географической станции, цитировал нам отрывки из путевых записей участников экспедиции и самого Ферсмана, и мы дословно записывали их и проникались духом первопроходцев: «29 августа со станции Хибины была совершена экскурсия на плато Часначорр. Взяв с собою продовольствие с расчётом по 8 фунтов хлеба на человека, по 2 фунта пшена и снаряжение: 2 брезента, палатку, чайник, ведро, топор, кружки и тёплые вещи, в 8 часов экскурсия в составе 11 человек, перейдя р. Белую через железнодорожный мост, направилась на С-В к горным хребтам...»

Особенное впечатление произвело на нас описание экскурсии в ущелье Рамзая (названо так по имени исследователя Хибин, посетившего их задолго до Ферсмана): «Оставив вещи в лагере, в 10 часов утра налегке пошли к ущелью, взяв с собою хлеба и сахара в очень небольшом количестве, так как продуктов едва оставалось до возвращения... Время не позволяло дойти до конца ущелья и выйти к озеру Вудъявру. В 18 часов повернули обратно. К 20 часам подошли к своему лагерю. На следующий день 2 сентября встали к 8 часам и после завтрака и распределения тяжёлого груза, набранных минералов отправились обратно. Возвращение было тяжёлое: сначала приходилось переходить несколько раз р. Белую и её притоки; то переходили по камням, то устраивали переходы, прибегая к рубке деревьев. Затем шёл трудный путь через лес и тундру. Ослабев от тяжёлого груза и плохого питания (провизии с собою не оставалось никакой), мы часто останавливались для 5-10 минутного отдыха, во время которого многие засыпали. Попад, наконец, на тропинку, дошли до лесной гари, а затем, к 21 часу на станцию Хибины...»

И после этого ещё раз поразили последние строки отчёта о первой экспедиции Ферсмана: «Полное отсутствие обуви и недостаток провианта не позволили удлинять экскурсии и предпринимать новые маршруты. 15 сентября экспедиция вернулась в Петроград с большим сбором до 25 пудов минералов...» Вдумайтесь в эти скупые строки: «полное отсутствие обуви и недостаток провианта» и вспомните, когда они писались. Состав экспедиции – буквально голодные и плохо одетые женщины, и академик Ферсман. Их деятельность была не только научной, но и организационно-пропагандистской – лекции и беседы. Они старались заинтересовать местное население своей деятельностью, перспективой освоения края. Потом были другие экспедиции, которые привели к открытию крупнейшего в мире апатитового месторождения, и сам Ферсман писал об этом периоде своей жизни. «Среди всех переживаний прошлого, среди разнообразных картин природы и хозяйственной деятельности человека, самыми яркими в моей жизни были впечатления от Хибин – целого научного эпоса, который почти 20 лет заполнял все мои думы, силы, владел всем моим существом, будил новую научную мысль, желания, надежды. Много лет я не мог говорить ни о чём другом, как о Хибинах. Были годы, когда весь наш хибинский коллектив молодёжи, едва вернувшись из одной экспедиции, уже начинал готовиться к

следующей. Были годы, когда вся жизнь, все интересы вращались только вокруг Хибин, заостряя мысль, укрепляя целеустремлённость, когда общность интересов создавала молодых и старых хибинцев – целое «племя» людей, увлечённых одной и той же идеей...».

Забегая вперёд, скажу, что то же увлечение Хибинами переживали и мы, молодые и пожилые географы, связанные с Хибинской географической станцией МГУ, основанной в суровые послевоенные годы. Сначала это был барак в посёлке Юкспоррйок, а в бараке сторож Иван Трофимович и начальник станции Кирилл Вячеславович Зворыкин, ещё не снявший военной шинели. И был в Московском университете профессор Тушинский – инициатор организации станции, подолгу бывавший на ней ежегодно со студентами-практикантами или с экспедицией, проводившей лавинные исследования в Хибинах. Это было начало. А потом станция зажила своей особой жизнью – жизнью островка географической науки среди суровых Хибин, зажила, как маленькая «Тиэтта» (по-саамски – наука, знание, школа, так называлась база академика Ферсмана в Хибинах), как маленькая искра от того огромного факела, который принёс в Хибины Ферсман.

После обеда была поездка на открытом станционном грузовичке в Кировск для осмотра местного музея. Это был поворотный момент в жизни многих из нас. То, что мы там увидели, поражало богатством и необычной красотой. «Окаменевшие цветы» – иначе не скажешь о минералах Хибин, многие из них действительно напоминают солнечные цветы. Это, прежде всего, воистину солнцеподобный астрофиллит. На фоне светлого полевого шпата он расплывается пучками бронзово-золотистых лучей или перекрещивающихся волокон. Иногда эти лучи исходят из одного центра, и тогда минерал подобен солнцу или звезде, откуда и его название, образованное из двух греческих слов: «астро» звезда и «филлос» лист. Близок астрофиллиту лампрофиллит, кристаллизующийся в виде сильно вытянутых бронзового цвета по-разному ориентированных тонких пластинок, тоже на фоне светлых полевых шпатов.

Солнце или звёздopodobные агрегаты образуют в Хибинах не только золотистые и бронзовые минералы. Два эгирина – зелёный и чёрный – тоже сияют, как солнца или звёзды. Название этих минералов происходит от исландского «Эгир» – бог моря. По-своему прекрасны цвета какао без молока таблички, призмочки и пластины сфена – ценного минерала, являющегося сырьём для получения титана, а редко встречающиеся кристаллы жёлтого и зелёного цвета используются в ювелирном деле. Заметны среди этого великолепия золотисто-коричневые или коричневатокрасные и хорошо выраженные длинно и короткопризматические с пирамидальными головками четырёхгранники циркона, являющегося источником для получения редкого металла – циркония. А его прозрачная разновидность – гиаинт используется для изготовления украшений. Конечно же, в музее, в самых разных видах присутствовал камень плодородия – апатит: зеленовато-белый, голубовато-

белый, светло-зелёный, бурый, в виде сахаровидных масс и отдельных, хорошо выраженных шестигранных кристаллов.

Вышли мы из музея уже «больными камнем», ещё не зная и не понимая, что просто найти какой-либо данный конкретный минерал в Хибинах не представляет особого труда. Например, апатит можно собирать вдоль дороги, по которой его везут с рудника на апатито-нефелиновую обогатительную фабрику. Но найти «музейный образец», в котором у минерала полно выражены все его внешние свойства, дело не одного дня, а может быть и не одного года. Так или иначе, в планомерное течение нашей практики с самого первого дня влилась струя азарта охоты за минералами. И если говорить о количественной стороне дела, то рекорд к концу практики побила моя однокурсница Тамара – она нашла и увезла в Москву «образец» сфена весом, наверное, не менее пуда. Я тоже заболел этой болезнью, но не сразу, а постепенно. Из каждой поездки привозил один-два образца, но я мог себе это позволить. Моя участь была решена в первый же памятный день практики, когда я понял, почувствовал всею душой, что на втором, третьем и четвёртом курсах буду всё лето работать коллектором на Хибинской географической станции и постараюсь связать с Хибинами свою дальнейшую жизнь.

Именно поэтому ко второй поездке в Хибины я готовился уже с января 1954 г. Сидел в библиотеке высотного здания МГУ на Ленинских горах, читал всё, что там было о Хибинах, делал выкопировки доступных карт, и всё это пригодилось, пошло на пользу дела, которому посвятил себя на ближайшие годы. Из этих выкопировок одна до сих пор стоит у меня перед глазами: геологическая карта Хибин. На ней, как бы с высоты птичьего полёта видно своеобразное устройство всего массива. В плане он напоминает две вложенные одна в другую подковы, открытые к востоку. Кажется, что здесь пробежал гигантский конь или мифический олень и оставил своими копытами эти волшебные следы. На карте подковы раскрашены одинаковой гаммой цветов, какой принято обозначать разновидности нефелиновых сиенитов – преобладающих пород этого края. Но в восточной подкове встречаются тоненькие линзы и слои, также вытянутые подковообразно и выделяющиеся из общих холодных тонов яркими пятнами. Эти полосы и линзы, местами выходящие на поверхность, местами скрытые в глубине, обозначают крупнейшее в мире месторождение апатита. Говорят, что найти подкову – к счастью. Это верно. Особенно, если найти такую подкову, как хибинская апатитовая. Эта подкова подарена природой на счастье нашему народу и найдена в диком северном крае ещё в двадцатые годы.

Уже в апреле 1954 г. я почувствовал «зов Хибин». Чтобы поскорее очутиться там, я выпросил разрешение в деканате, чтобы нам с однокурсником Аликом Осетровым разрешили на две недели раньше уехать с подмосковной практики и пройти практики по гидрологии и метеорологии в Хибинах, благо там был такой специалист как Иннокентий Константинович Тихомиров. И вот я в Хибинах в июне месяце. В Хибинах – разгар весны. Над речками

и ручьями всё ещё висят коварные снежные мосты, и под ними шумит вода, как в водосточных трубах. Над белым снегом – фиолетовые, вернее, бледно-сиреневые стволы берёз с только-только наклёвывающимися почками. Берёзы выглядят озябшими, но готовыми распуститься. А вдоль ручьёв и рек цветут торчащие из снега прутья многочисленных видов ив. И цветы у них разные. Одни шишечки ярко-жёлтые, другие пепельно-серые с голубоватым отливом. Запах у них свежий, нежный, и пыльца чуткая – чуть тронешь – облетает. Быть может оттого, что второй мой приезд в Хибины начался с практики на метеостанции на плато Юкспорр, в этот сезон я очень полно ощутил своеобразие хибинской летней, весенней и осенней погоды.

Бывают здесь и жаркие, как мы их называли «африканские» дни, которые так не гармонируют со скромной и суровой природой севера, когда без спички могут самовозгораться лишайники при температуре 35 градусов и выше. Но это, к счастью, редко. И в противовес этой жаре бывают, и гораздо чаще, дни серые, беспросветные, когда земля не просыхает, реки вздуваются и уносят с гор песок и камни. Но самую душу хибинского лета составляют облачные дни с небольшими просветами голубизны, часто с моросью и туманами. Когда солнцем залито всё кругом, его перестаёшь замечать, но когда сквозь морось пробивается один солнечный лучик, он подобен цветку, у которого ярко сверкают все его лепестки. Солнце, сухость и тепло только и начинаешь ценить после недельного ненастья, которое мы называли в шутку «погода номер один», когда идёт моросящий нудный дождь, то слабеющий, то усиливающийся. Выходя утром при солнце в маршрут, никогда нельзя быть уверенным, что через какой-нибудь час не дохнёт легко близкая Арктика, и этот лёгкий выдох мгновенно долетит до Хибин, пронижет холодом, заставит натянуть тёплый свитер и крепче застегнуть штормовку на все пуговицы. Поэтому даже при однодневных маршрутах надо быть всегда готовым к резкому похолоданию, дождю и даже снегу вне зависимости от сезона, и лучше носить с собой в рюкзаке необходимую одежду.

Оживляя в памяти те или иные дни ландшафты Хибин, вспоминаю латвийского художника Юргиса Скулме, который именно в этот год провёл вместе с нами часть хибинского лета на Географической станции. Мне пришлось видеть Хибины, запечатлённые на холсте, но проникнуть в их душу с наибольшей глубиной смог только он. Он писал Хибины в холод и дождь, укрывшись то и дело отлетавшим зонтом, в перчатках, приходил озябший и уставший, но довольный своей работой и нашим восхищением. Где сейчас его наброски и этюды? Стали они обобщающей картиной или нет? Знаю только, что один из этюдов он подарил Володе Бутьеву, наиболее живо из всех нас интересовавшемуся живописью. Особенно помнится мне неподражаемый жемчужный цвет переваливающих через Айкуайвенчорр облаков, так гармонирующий и одновременно контрастирующий – как поглядеть – со свежевывытой зеленью трав и листьев и угольными от той же влаги развалами глыб на склоне.

Кировск зимой. Фото Ю.Л. Войтеховского.

В первый сезон в Хибинах я повидал не так уж много: окрестности Кировска, долину Вуоннемйок, восточные склоны гор и их плавный переход в приумбинскую холмистую равнину. Зато во второй сезон, летом 1954 г. я к концу его ясно осознал, что в Хибинах можно совершить множество различных путешествий. Можно пройти из одной долины в другую, и каждый раз откроется новый мир. В долине р. Расвумйок вы увидите зелёные яркие луга с пышной травой и ивняки, темно-зелёные в тиши и серебристые, переливающиеся на ветру. В долине Вуоннемйока попадёте то на открытые пустоши долинных тундр, то под своды светлых и тёмных еловых лесов. В долинах северо-востока – в строгие чёткие чеканные сосняки, в которых всё светло – стволы сосен и их хвоя, покрытая сизоватым налётом, пепельный лишайник стереокаулон и любимая оленями кладония.

Но самое удивительное путешествие – по временам года. В один и тот же день можно «пройти» из весны в зиму, из осени в зиму, из лета в весну. И всё это совсем близко – рукой подать – какой-нибудь час ходьбы с гор в долину или из долины в горы. В дни глубокой осени леса в долинах пылают необычной и тревожной красотой. Берёзы с покрасневшими листьями, голубика – тоже с тёмно-красными с тёмно-синим отливом листьями, потемневшие строгие готические верхушки елей и прозрачная холодная вода рек. По утрам уже очень холодно вылезать из нагретого спального мешка. На траве и кустарниках – иней, похрустывает смёрзшаяся корка на подушках мхов. По ночам в безоблачную холодную погоду из влажной почвы растёт ледяная трава, выпирая из почвы камешки и песчинки и передвигая их с места на место. Течение рек становится медлительным, и вода кажется на взгляд такой холодной, будто состоит из жидкого льда. Но всё же это ещё осень. Ещё не улетели все птицы. Они только собираются в стаи и с шумом перелетают с одного места на другое, как бы тренируясь перед долгим и трудным путём на юг. Снега ещё нет, и многие привычные к холодам растения стоят зелёными, всем своим видом заявляя, что это ещё не зима.

Но зима, тем не менее, рядом. Стоит только подняться на высокие столбообразные плато, как вы попадаете в мир белого безмолвия. В дни, когда ветер не мешает слушать, здесь царит гробовая тишина. Вдоль нагромождений камней вытянулись гряды снега первозданной чистоты. По вечерам,

когда сядет солнце и воздух быстро холодеет, снега оживают и горят приглушённой синью, как будто смотрит сказочным, нежным и холодным взором сама Полярная Ночь... А вообще, хибинская погода и – шире – хибинская природа – более всего подобна хорошей музыке, настраивающей человека на определённый лад, делающей его лучше, чище.

Вот два примера. Я помню ленивого студента Вальку – футболиста и мечтателя маниловского толка. В его глазах Хибины зажгли огонь интереса, затронули в душе его удивительно звонкие и ранее далеко запрятанные струны. Валька начал писать стихи, и мне до сих пор помнятся две замечательные строки: «И небритой щекою папы / Мне кажется можжевельник...». Помнится мне и ветреная девчонка Алка, думавшая только о нарядах и совсем не любившая свою будущую профессию – учителя географии. И помню я ту же Алку, смотревшую ясными глазами на далёкие чёрные воды Умбозера. В этот момент она напоминала птицу, впервые осознавшую себя птицей... Не обошли и меня Хибины своей душевной милостью, но об этом чуть позже...

Каждое лето Хибинская географическая станция радушно принимала группы студентов-географов из разных концов страны. Приезжали рослые, несколько замкнутые латыши, звонко и прекрасно поющие литовцы, смуглые узбеки в тюбетейках, темпераментные огненные молдаване, да мало ли кто ещё. Когда пересекались пути двух и более групп, вечерами, после трудового дня, устраивали у подножья г. Юкспорр общий большой костёр и до полуночи, а то и позже – светло ведь! – пели попеременно песни на разных языках, словно соревнуясь, кто лучше споёт, и песни эти были действительно одна другой лучше и душевнее. Завязывались мимолётные знакомства, переходившие иногда в долгую переписку и дружбу. Мне до сих пор жаль, что не уберёг я по легкомыслию наметившееся дружеское расположение с литовцем по имени Альгис или полностью Альгимантас. Как напоминание об этом, хранятся в моих бумагах подаренные им открытки с видами Литвы. А как литовцы пели! Однажды вечером, после тяжёлого маршрута, когда мы провели их по наиболее интересным местам и показали всё, что знали сами (преподавателей на хибинской станции было мало, и в пору наплыва экскурсантов руководство станции поручало вести некоторые маршруты и нам, студентам геофака МГУ), после ужина мы и они ушли на отдых. Разместили их всех (на станции было тесно) в одной комнате, соседней с нашим закутком, отгороженным лишь фанерной стенкой. Перед сном они потихоньку запели, видимо, чтобы не тревожить нас. Но песни были так хороши, так мелодичны, что когда они смолкли, мы постучали в стенку и попросили: «Спойте ещё». Концерт продолжился часов до двух ночи, и пели они – обычная, можно сказать рядовая студенческая группа, как настоящий маленький хор – слаженно, без фальши, с разделением на голоса.

В 1954 г. начальником станции стал Константин Максимилианович Громов – человек уже немолодой, всю свою жизнь проведший в Заполярье, главным образом в Сибири. Его маленькая, даже миниатюрная фигурка в

кепочке и неизменном, выдавшем виды прорезиненном плащике с такой же неизменной папироской во рту, непременно самой дешёвой и поэтому самой крепкой, стоит как живая и сейчас перед моим мысленным взором. Когда на дороге из Кировска появлялась очередная группа студентов, он выходил из своего кабинета – комнатки в бараке – становился прямо под вывеской, на которой было написано «Хибинская географическая станция», оглядывал нас, тоже вышедших встречать неведомых гостей, улыбался своей неповторимой доброжелательной улыбкой и говорил: «Кыл идёт...» Мы уже знали, что так говорят в Якутии, когда появляются огромные стада диких северных оленей, совершающих сезонные миграции. У «кыла» своя структура, свой строй. Впереди движутся кучкой наиболее выносливые и «авторитетные» животные, по бокам бежит резвый молодец, а позади плетётся всяческая слабосилка. И слово это «кыл» действительно подходило к студенческим группам – они точно так же расслаивались в зависимости от выносливости и степени любопытства к новым открывающимся местам. От появления авангарда «кыла» до последних ещё плетущихся особей проходило иногда не меньше часа, и это на расстоянии всего в пять километров от Кировска до Юкспоррйока.

Уже говорилось, что в Хибинах можно совершить множество разных маршрутов. Один из наиболее доступных для «безлошадной», то есть не имеющей возможности арендовать транспорт, группы – такой. Если сесть в Кировске возле «круглой столовой» на автобус, идущий в направлении Апатитовой Горы, где расположен и поныне действует первый рудник по добыче апатита, сойти на остановке «У камня» и посмотреть на север, – откроется удивительный и своеобразный мир котловины оз. Большой Вудъявр. Само озеро – глубокое и всегда тёмного цвета – лежит чуть западнее, у подножья г. Вудъяврчорр, а прямо перед взором расстилается довольно большая по здешним меркам, слабонаклонная равнина без единого деревца, поросшая карликовой берёзкой и вереском. В пору цветения вереска в тихую погоду над этой равниной висит тонкое облако медового верескового аромата, а цвет она приобретает нежно-лиловый. Почва здесь всегда сухая и можно лечь ничком, уткнуться лицом в цветущий вереск и вдыхать его целебный аромат. Сейчас, правда, значительная часть этой долинной вересковой тундры «окультурена», вереск и карликовая берёзка уничтожены, а на их месте высеяны кормовые травы, но в северной части первозданные участки ещё сохранились. Интересно это место тем, что здесь нарушена вертикальная поясность ландшафтов: дно долины занято тундрой, а на склонах близлежащих гор растут еловые леса, сменяющиеся, как и положено, берёзовым криволесьем, а ещё выше – различными типами горных тундр.

У остановки автобуса, от которой можно начать этот маршрут, действительно лежит огромный чёрный камень, сорвавшийся некогда с г. Юкспорр, и почти от него через долинную тундру идёт прямая дорога на север. В конце её, чуть к западу, у подножья Вудъяврчорра, видна группа аккуратных

домиков, а чуть повыше и более крупный двухэтажный бревенчатый дом, попасть к которому можно, перейдя по мостику голубовато-белую, всегда шумящую Вудъяврйок. Здесь разместился самый северный в мире Полярно-альпийский ботанический сад, который уже не одно десятилетие ведёт работу по озеленению северных городов и акклиматизации растений из самых разных районов Земли, из разных географических зон, и добился уникальных результатов. Сразу за Ботаническим садом всю широкую котловину Большого Вудъявра в направлении с запада на восток перегораживает высокий конечно-моренный вал, поросший елово-берёзовым лесом, очень похожий на тот конечно-моренный вал, на котором обосновался Кировск. Дорога через этот вал идёт не «в лоб» – слишком круто! – а плавно поворачивает к западу, взбирается на вершину и с этой вершины взор охватывает ещё более величественную картину – котловину Малого Вудъявра и обрамляющих её гор Тахтарвумчорр, Поачвумчорр и Кукисвумчорр.

В северную оконечность Вудъяврчорра и Тахтарвумчорр врезаны природой три больших ледниковых цирка, напоминающих огромные кресла с крутыми спинками и плавно снижающимися «подлокотниками». В скандинавских странах их так и называют – «кресла великанов», а в облачную погоду, когда переваливающиеся с запада через плато облака падают вниз, кажется, что в синевато-чёрной мгле можно разглядеть и самих этих великанов, огромных и бородатых. Первый цирк – Ганешина – назван по имени погибшего здесь учёного-ботаника, а второй и третий – соответственно, «первый молибденовый» и «второй молибденовый». Здесь действительно есть молибден, вернее, минерал молибденит, добывавшийся в этих местах в тридцатые годы. В «подлокотнике» кресла великана между цирком Ганешина и первым молибденовым зияет чёрный вход в горную выработку, наклонно уходящую вглубь Тахтарвумчорра. Проникнуть в неё невозможно – она затоплена подземными трещинными водами, но в отвалах, уже заветренных, если хорошо поработать молотком или кувалдой, можно и сейчас найти в тёмноцветной породе голубовато-серые, мягкие зёрнышки молибденита, оставляющие на бумаге светло-серую черту.

Но и в самом цирке Ганешина не менее интересно. После довольно крутого, но непродолжительного подъёма сквозь заросли берёзы извилистой на конечно-моренный вал, замыкающий цирк, вы попадаете в один из самых живописных уголков ближайших окрестностей Кировска. Природа здесь кажется совершенно нетронутой. На вершинах плавных валов расстилается узорчатый ковёр из разных видов лишайников кремовой тонковолокнистой кладонии – любимой пищи северных оленей, пепельного стереокаулона, коричневатой цетрарии исландской, а также прижатых к земле длинных ветвей толочнянки, похожей на бруснику, вороники с «хвойными» веточками и чуть выдающейся повыше голубики. За каждым из невысоких – всего несколько метров – валов располагаются небольшие ледниковые озёра, мелеющие и даже совсем пересыхающие к концу лета. Только самое последнее озеро,

Ущелье Географов. Фото: www.esosedi.ru

примыкающее западным берегом к Вудъяврчорру, всегда полноводное, вода в нём ярко-синего цвета и в ней плавают, приспособившись к местным, далеко не райским условиям, крохотные ярко-красные животные. Вода в озере спокойная и видно, что его дно устлано крупными глыбами местных пород из спускающейся вниз крупно-глыбовой осыпи, на которой часто до нового снега не исчезают снежники-перелётки.

К северо-западу от этого озера Вудъяврчорр и Тахтарвумчорр разделяет глубоко врезанное ущелье Географов, в стенах которого и на его дне в нагромождении камней можно найти, пожалуй, самый яркий минерал Хибин – эвдиалит или «лопарскую кровь». Он чаще встречается в виде сплошных масс, но иногда образует таблитчатые и призматические кристаллы краснокоричневого или малинового цвета. При больших скоплениях может служить рудой на цирконий, но встречается редко. Используется как поделочный камень, но из-за хрупкости трудно поддаётся обработке. Название «лопарская кровь» получил от следующей саамской легенды, записанной академиком Ферсманом со слов саамской женщины Аннушки.

«Так вот слушай. Это было давно, когда меня ещё не было, не было и Василия Васильевича, что пасёт оленей на Малом озере; не было и старика Архипова на Мончегубе; очень давно это было. Нашли на нашу землю чужие люди, сказывали шветы, а мы были лопь, как лопь – голая, без оружия, даже без дробников, и ножи то не у всех были. Да и драться мы не хотели.

Но шветы стали отбирать быков и важенок, заняли наши рыбыи места, понастроили загонов и лемм – некуда стало лопи деться; и вот собрались старики и стали думать, как изгнать швета; а он крепкий был такой, большой, с ружьями огнестрельными. Посоветовались, поспорили и решили пойти все вместе против него, отобрать наших оленей и снова сесть на Сейтьявр и Умбозеро. И пошли они настоящей войной – кто с дробником, кто просто с ножом, пошли все на шветов, а швет был сильный и не боялся лопи. Сначала он хитростью заманил на Сейтьявр нашу лопь и стал её там крошить. Направо ударит – так не было 10 наших, и капли крови забрызгали все горы, тундры да Хибины; налево ударит – так снова не было 10 наших, и снова капли крови лопской разбрызгались по тундрам. Ты ведь знаешь, сам мне показывал, такой красный камень в горах – это ведь и есть та самая кровь лопская, кровь старых саами. Но осерчали наши старики, как увидели, что швет стал крошить их, спрятались в тальнике, пособрались с силами и все сразу обложили со всех сторон швета; он туда-сюда – никуда ему прохода нет, ни к Сейтьявру спуститься, ни на тундру вылезти; так он и застыл на скале, что над озером висит. Ты, когда будешь на Сейтьявре, сам увидишь великана Куйву, это и есть тот швет, что наши саами распластали на камне, наши старики, когда войной на него пошли. Так он там и остался, Куйва проклятый, а наши старики снова завладели быками и важенками, снова сели на рыбыи места и стали промышлять.... Только вот красные капли саамской крови остались на тундрах; всех их не соберёшь, много их пролили наши старики, пока Куйву осилили...». Такая вот поэтичная легенда....

Днище котловины оз. Малый Вудъявр как две капли воды напоминает котловину Большого Вудъявра. Здесь ровная поверхность, сложенная быстро впитывающим влагу галечником, покрыта зарослями карликовой берёзки и вереска с мохово-лишайниковым напочвенным покровом. Во время одной из полевых практик студентов-географов здесь находился временный палаточный лагерь. Однажды вечером, когда студенты отдыхали, в лагерь забрёл молодой медведь и начал облизывать невымытые нерадивым дежурным миски. Тут его увидела одна из студенток и так завизжала, что медведь кинулся бежать, оставляя за собой следы «медвежьей болезни». Сидевшая над озером на стволе берёзы парочка, увидев несущегося медведя, дружно упала в воду и всплеском ещё больше напугала бедного зверя, и он мчался без оглядки до г. Поачвумчорр и быстро исчез там среди елей и берёз. И это было всего в нескольких километрах от Кировска и посёлка Апатитовая Гора.

Второй сезон в Хибинах окончился для меня печально. Когда все мы во главе с Константином Максимилиановичем собирались в Вуоннемйок, чтобы построить там зимовье, вдруг на моё имя пришла телеграмма, где мне предписывалось немедленно прибыть в Москву для сдачи задолженности по физкультуре. Грозили отчислением или, по крайней мере, лишением стипендии. И всё из-за того, что я в своё время не пробежал за положенное время тысячу метров. Пришлось ехать, хотя по существу, доказал уже свою профпригод-

ность, выдержав два полевых сезона и делал я всё наравне с другими. Так меня лишили возможности участвовать в постройке зимовья, и я был раздосадован до слёз. А в Москве мои друзья помогли мне пробежать злополучную тысячу метров. Светка Кузнецова принесла плакат, на котором было написано, сколько я потеряю, если лишусь стипендии, а остальные стояли вдоль трассы и криками подбадривали меня. Ну, мог ли я не пробежать?!..

Следующий сезон 1955-го памятен мне многим, но более всего последним маршрутом. В сентябре, когда все основные летние исследования проведены, добрейший Константин Максимилианович Громов, которого сотрудники и студенты любовно звали «Зевс» за его фамилию, отпустил меня одного, презрев все правила техники безопасности, на целую неделю пожить в зимовье, чтобы завершить сбор материала для курсовой работы. Собрался я загодя, с вечера уложил рюкзак, а утром, позавтракав поплотнее, вышел, провожаемый всеми, кто был тогда на станции. Последнее, что я слышал, были слова Зевса: «Коля, не взбирайтесь на отвесные стенки цирков, не путайте толокнянку с брусникой и помните, что ровно через неделю мы ждём вас...» (Тут я должен сделать отступление: толокнянка внешне похожа на бруснику, но оказывает сильное слабительное действие). Я шёл, изредка оборачиваясь, и видел, что все стоят и машут мне руками, желая удачи, пока не скрылся в берёзовых зарослях недалеко от слияния р. Гакмана (названа по имени топографа – исследователя Хибин) и Юкспоррйока.

Перейдя по камням почти пересохший водоток, я вошёл в редкий елово-берёзовый лес и вступил на тропу, ведущую к перевалу Юкспоррлак и далее в Вуоннемвум. Тропу эту мы между собой называли «боевой тропой», потому что по ней начинались все наши дальние и ближние маршруты на восток и север Хибин. С утра было прохладно, но штормовку я не надел – знал, что разогреюсь от ходьбы с рюкзаком за плечами. Идти было приятно. Первые заморозки уже прибили комаров и мошку. Небо было чистым, дул лёгкий встречный ветерок и освежал лицо. По этой тропе приходилось ходить много раз, но всё равно хотелось смотреть, узнавать знакомое и замечать ранее незамеченное. Слева по ходу возвышался Малый Юкспорр, его склоны были расцвечены красками осени. Снежки у края плато растаяли, и ниши, где они залегали, выделялись зелёными пятнами на фоне осенней желтизны и красноты. Еловый лес плавно перешёл в редкий березняк – здешнюю лесотундру, а потом берёзы и вовсе ушли со дна долины на склоны, где было теплее и не такими сильными были ветры, дующие зимой с Юкспоррлака.

А вот вдали показался и сам перевал с двумя седловинами, круглый год занятыми слежавшимся твёрдым снегом и фирном, и разделяющей их скалой, которую окрестили и называли между собой «Зуб мудрости Хибин». Справа от тропы журчал ослабевший, изрядно высохший Юкспоррйок, пока совсем не скрылся в нагромождениях каменных глыб у края снежника. Путь до этого места, хотя и полого, шёл всё время в гору, и перед перевалом по неписаному правилу полагалось отдохнуть. Нахожу удобную глыбу, сижу,

смотрю. Вспоминаю, что если подняться здесь на Малый Юкспорр, обязательно найдёшь ещё и сейчас цветущие лапландские маки жёлтого цвета, ибо там, на плато, местами снег лежит почти до нового снега и вегетационный период у многих растений начинается очень поздно – где-то в середине июля. Холодный ветер с Юкспоррлака быстро восстанавливает силы, минут через пять встаю и ступаю на ячеистую поверхность снежника. Идти по нему легко – ячеи размером примерно со ступню, ноги ставятся в них твёрдо и не скользят, словно идёшь по чьему-то следу, указанному самой природой. На приподнятых краях ячеек тёмные полосы мелких обломков горных пород, снесённые сюда ветром. По обеим сторонам снежника отвесные влажные стены чёрного цвета, иногда с небольшими уступами, на которых ютятся подушки ярко-зелёных мхов и единичные стебельки высокогорных растений вроде щавеля арктического, осоки гиперборейской и дриады – куропаточьей травы. Ветер пронизывает фланелевую ковбойку, невольно приходится убавлять шаг, чтобы поскорее миновать перевал.

Но вот и его высшая точка. С неё сразу открывается вид на истоки Вуоннемйока: с высоты метров в триста – обрыва Юкспорра – низвергаются три водопада, внизу сливаются в один поток, который и течёт по долине Вуоннемвум до самого Умбозера. Название этой долины переводится с саамского двояко и взаимоисключаяще: либо «тёщина долина», либо «долина отдыха». Я предпочитаю второе, ибо работы на этот раз у меня не на неделю, а вдвое меньше, и я смогу побыть наедине с природой, отдохнуть, не утруждая себя дальними рискованными маршрутами и восхождениями. Сразу после перевала «боевая тропа» круто поворачивает на восток и вначале идёт по самой середине крупно-глыбовой осыпи северного склона одного из отрогов г. Расвумчорр. После поворота почти сразу открывается вид на всю долину, протянувшуюся с запада на восток. В ясный солнечный день видны холмистая приумбская равнина, тёмное Умбозеро и сверкающие пятнами вечного снега на вершинах Ловозёрские тундры. После осыпи тропа выходит в тундру и становится мягкой и коричневой из-за того, что почва здесь заторфована. Идти легко – нет боязни оступиться и можно всю смотреть по сторонам.

Вот слева показалось огромное ущелье Ферсмана, разделяющее г. Юкспорр и Эвеслогчорр. Крупно-глыбовые осыпи загромаждают его дно, а высокие отвесные стены кажутся издали совершенно чёрными. Но если пойти туда и хорошо поработать молотком и зубилом или кувалдой, можно найти один из самых красивых минералов Хибин – астрофиллит, астрофиллитовое солнце на фоне очень светлого полевого шпата. Коллекционерами этот минерал ценится очень высоко. Из-под осыпи ущелья вытекает безымянный ручей, первый северный приток Вуоннемйока. Сейчас он еле струится, но весной бывает мощным. Иногда на нём образуются селевые потоки, отложения которых подпруживают валом реку, и на ней сверкает сейчас под сентябрьским солнцем небольшое озерцо. Идти полого вниз и вниз легко, вот уже кончается тундра и впереди видны первые причудливо изогнутые берёзы.

Сразу за ними, уже в поясе берёзового редколесья, здешней лесотундре, начинается трудный участок пути с холмисто-котловинным моренным рельефом, где тропа то опускается на дно котловины, то поднимается на вершину холма, и так десятки раз подряд. Криволесье становится густым, борт долины не виден сквозь листву и переплетение тонких стволов. От такой ходьбы становится жарко, и я с облегчением вздыхаю, когда выхожу, наконец, на вересковую пустошь с редкими кустами можжевельника. Тут тропа становится опять прямой и выводит к удобному броду через Вуоннемйок, который здесь поворачивает к югу и подходит прямо к чёрному обрыву г. Коашвы. Река здесь широкая, но мелкая, с песчаным дном. Разуваюсь, закатываю брюки выше колен, перехожу на левый берег, обуваюсь и продолжаю путь по заторфованной равнине, вхожу в редкий еловый лес, держась поближе к реке, и быстро нахожу зимовье. Снимаю рюкзак, ставлю на землю и внимательно осматриваю место, где мне предстоит прожить неделю. Ветра нет, высокие по здешним меркам – пятнадцать-двадцать метров – финские ели стоят, не шелохнувшись. Их ветви слегка колышутся, лишь когда на них опустится стайка чечёток или щуров, уже готовящихся к отлёту в более кормные и тёплые края на зиму. Кроны у елей узкие, лишь книзу расширяющиеся, они отдалённо напоминают шпили готических церквей.

Сходство усугубляется тем, что зелень хвои затемняется чёрными лишайниками, обильно растущими на ветвях и стволах. Стоят ели свободно, метрах в десяти, а то и более друг от друга, пропускают много света на почву, и поэтому вся она покрыта плотным ковром из ягодных кустарничков, в основном, черники и вероники. Перед зимовьем небольшая полянка со старым кострищем и несколькими пнями, на которых удобно сидеть. Само зимовье сложено из здесь же спиленных елей, с плоской крышей из жердей и дёрна, с низенькой дощатой дверью и высоким порогом, так что входить туда приходится согнувшись. Внутри нары, застеленные старым сухим лапником, чурбаны для сидения и узенький столик возле крохотного оконца. В стены вбиты гвозди для развешивания одежды, а в углу – куча сухих дров на случай, если путник придёт сюда в дождливую сырую погоду. На одном из гвоздей висит мешочек соли и коробок спичек, обёрнутый в промасленную бумагу. Тихо. И только плеск холодной воды Вуоннемйока, текущего в нескольких десятках метров к югу от зимовья, не нарушает, а скорее дополняет эту тишину.

Однако надо устраиваться. Разбираю рюкзак, нахожу каждой вещи своё место, беру топор и иду заготавливать дрова. Нахожу и валю несколько сухих стволов, перетаскиваю их к зимовью, рублю, укладываю на кострище так, чтобы от одной спички зажечь костёр, иду за водой с котелком и чайником. Спускаюсь с небольшого обрыва, нагибаюсь, чтобы зачерпнуть чистой воды и вздрагиваю от неожиданности: из воды навстречу высывается влажная морда. Не больше секунды смотрят на меня круглые глаза, а потом всплеск – и видение исчезает. В душе смеюсь над своим испугом, набираю воды и

вижу, как выдра – а это была она – уже далеко от меня плывёт вниз по течению. После обеда до самого вечера усердно заготавливаю дрова на неделю, и кажется, делаю это с большим запасом. Но ничего – легче будет жить здесь тому, кто придёт за мною следом. Вечером пью чай, доедаю остатки супо-каши и долго сижу у догорающего костра – намечаю мысленно завтрашний маршрут и ложусь спать. Уснуть долго не могу – спальный мешок холодный и неудобный, пока не согреешь его своим телом. Наконец, засыпаю и сплю до утра без сновидений.

Просыпаюсь и, чтобы прогнать остатки ночной расслабленности, быстро вылезаю из мешка в бодрящий холод сентябрьского утра. Надеваю брюки, обуваюсь и бегу умываться на Вуоннемйок. На песчаном берегу от ночного заморозка выросла ледяная трава, и на вершине каждой травинки покоится песчинка или даже камешек. Под ногами трава хрустит и рассыпается на блестящие обломки. Вода в Вуоннемйоке голубого цвета от обилия растворённого в ней кислорода. Умываюсь по пояс, растираюсь полотенцем и после этого готов к маршруту, преодолению препятствий и восприятию неведомого. Путь мой сегодня лежит к верхней границе леса на Эвеслогчорре в районе четвёртого северного притока Вуоннемйока. В полевой сумке карта, записная книжка, карандаш, лупа, перочинный ножик, ломоть хлеба и кусок сахара размером с кулак. На шее висят бинокль и фотоаппарат, в руке геологический молоток на длинной ручке, который можно использовать не только по прямому назначению для отбивки образцов, но и как палку, на которую можно опереться при ходьбе.

Одет легко: кеды, брюки от штормовки, фланелевая ковбойка – ничего лишнего. Быстро прохожу ельник-черничник и выхожу на лужайку близ берега притока, вижу следы нашего прошлогоднего лагеря, и воспоминания охватывают меня. Сажусь на сухой ствол ели, на котором сидели мы впятером год тому назад, и словно вижу перед собой дымящий из-за сырой погоды костёр, лица товарищей сквозь дым, ощущаю невесомое давление тёмно-синих сумерек, слышу песню, которую мы пели, и песня эта о любви, потому что все мы молоды и о чём же нам ещё петь. И заново переживаю, как в тот вечер в лагере, который мы в шутку называли «Удлем», что расшифровывается как «удушенный лемминг» (потому что один из нас, Володя Бутьев, по заданию музея Землеведения заготавливал здесь леммингов для изготовления чучел), в душе моей, внушённые Хибинами и биотоками моих товарищей, родились простые слова, записал которые я много позже, уже в Москве, кажется, сидя на скучной лекции по геологии СССР: «Едкий дым создаёт уют, Искры тлеют и гаснут сами, Пять ребят о любви поют Чуть охрипшими голосами. Если б слышали те, о ком Эта песня сейчас звучала, Прибежали б сюда тайком, Чтоб послушать её сначала, Чтоб почувствовать до конца В нашем дальнем, таёжном стане, Как умеют любить сердца, Огрубевшие от скитаний...» Два года спустя этот бесхитростный всплеск души был опубликован в журнале «Юность», кто-то положил его на музыку, и по-

явилась песня, которая и посейчас ещё живёт и поётся под названием «Пять ребят». Но это всё потом, потом, годы спустя....

А сейчас я встаю и продолжаю свой маршрут. Сквозь переплетения ветвей и стволов зарослей берёзы извилистой продираюсь на открытое пространство – конус выноса селевого потока и по валунам, перепрыгивая с одного на другой, иду вверх по течению, потом поднимаюсь на склон, отмечая по anerоиду верхнюю границу леса и наношу на карту. Она тут несколько необычна: вместо берёз на единоборство с тундрой выходит ель. Но это не те, высокие и строгие ели северной тайги, господствующей на днищах долин. Здесь ели у крайнего предела своего существования изнурены, изуродованы борьбой с ветром и снегом и имеют причудливый вид. Где-то на уровне метра с небольшим от поверхности земли, на стволе, мощный каркас из крепких густых ветвей, на которые можно сесть, как на стул, и не провалиться. Выше каркаса или, как его принято называть «юбки», ствол совершенно голый, лишённый ветвей. А у самой вершины несколько зелёных веточек, но только с одной стороны. Объясняется такое строение дерева очень просто: ветви могут расти беспрепятственно и – главное – сохраняться только под снеговым покровом, и растут они гуще обычного, как бы компенсируя их отсутствие выше «юбки», где летящий по насту на огромной скорости жёсткий снег буквально срезает любой побег. Ближе к вершине дерева воздействие снега меньше, и поэтому на стороне ствола, противоположной господствующему зимой направлению ветра, всё же сохраняется часть ветвей, напоминающая флаг. Поэтому такие формы называются «флаговыми», а про ели с хорошо выраженным упоминавшимся каркасом говорят «ель в юбке». Каркас ветвей или «юбка» бывают настолько густы и прочны, что совершенно не пропускают мелкий северный дождь и морось – всё стекает, поэтому под «юбкой» всегда сухо. Нам в маршрутах не раз приходилось, пережидая дождь, залезать под кров «флаговых» елей на сухую толстую подстилку из опавшей порыжевшей хвои.

Иногда в верхней границе леса ели выходят не в одиночку, а группами, и выстраиваются своеобразными колоннами, вытянутыми по направлению господствующих зимних ветров. В такой колонне стоящая впереди ель принимает удар на себя, выглядит наиболее угнетённой и раньше других погибает, но под её защитой другие растут лучше, а в хвост колонны подстраиваются всё новые и новые особи. Но вот крохотные островки леса позади, и я иду сначала по кустарниковой, образованной в основном зарослями карликовой берёзки тундре, затем по кустарниковой с преобладанием толокнянки медвежьей, вороники и голубики, а ещё выше – по мохово-лишайниковой тундре. Уже близко верховье ручья, и время за полдень, поэтому пора устроить привал и перекусить. Спускаюсь к воде, сажусь на крупный валун, макаю в воду сахар и ем его с хлебом. Комаров после заморозка мало, я отдыхаю и впитываю в себя окружающий пейзаж. Через полчаса поднимаюсь и про-

Николай Карпов. Середина 1950-х. Фото автора.

должаю путь к верховьям, отвесным скалам небольшого цирка.

Но, кажется, я вторгся в чужие владения – сначала слышу тревожный крик птицы, а потом вижу, как она стремительно падает на меня камнем, и я вижу оперённые до пальцев ноги, светло-рыжеватую окраску брюшной стороны и непроизвольно, но вовремя отскакиваю назад, а на то место, где я только что стоял, падает струя помёта. Это обитатель здешних мест мохноногий канюк или зимняк так обороняет своё гнездо, где, должно быть, сидят уже почти взрослые птенцы. Я мог бы пойти дальше – у него явно не хватило бы помёта, что-

бы отпугнуть меня, но предпочитаю не волновать напрасно живое существо, отхожу метров на двадцать назад, устраиваюсь на валуне, достаю бинокль и начинаю, методично осматривая стенку цирка, искать гнездо. А успокоившийся канюк делает ещё два круга надо мной, чтобы убедиться, что хорошо меня напугал, и улетает восвояси. Ловлю его в бинокль и вижу, как он опустился на еле заметный уступ – место, недостижимое ни с плато, ни с днища цирка никакому наземному хищнику. В гнезде видны самка и птенцы. Эта семья несомненно «владеет» небольшой долиной четвёртого северного притока Вуоннемйока и в течение всего лета собирает здесь дань в виде бедных леммингов, которые «кормят» собой всех здешних бегающих и летающих хищников и вынуждены поэтому интенсивно размножаться.

Выглядит лемминг прямо-таки франтом: у него желтоватый мех и чёрный воротничок, длина тела 10-15 сантиметров. В Хибинах преобладает лемминг норвежский, из-за пёстрой окраски называемый пеструшкой. Селятся лемминги в сухих местах и устраивают гнездо под крупными глыбами, куда даже в периоды дождей вода не проникает. От норки в разные стороны расходятся тропинки, протоптанные и выгрызенные леммингами среди мхов и

кустарничков. Тропинки эти особенно хорошо заметны во мхах, где представляют собой ложбинки, похожие на водостоки, и мхи обгрызены почти до поверхности почвы. По таким ложбинкам леммингам удобно бегать за пищей из своего гнезда. В период, когда в гнезде появляются малыши, а это бывает в зависимости от наличия корма два-три раза за тёплый период, лемминг становится отважным. Не раз приходилось видеть, как он бросается, что-то гневное выкрикивая на своём языке, на огромный резиновый сапог человека, ступившего ногой в опасной близости от гнезда с детёнышами. Но если присесть поблизости от того же гнезда и не шевелиться, можно часами наблюдать, как эти милые зверьки снуют взад-вперёд по своим тропинкам в заботе о прокорме многочисленной семьи. Ловить их совсем нетрудно – достаточно придавить животное ногой на мягкой моховой подстилке, а потом взять двумя пальцами за шиворот. В этот момент лемминг перестаёт двигаться и покорно висит в руках у охотника, видимо, понимая, что ему пришёл конец. В этом году леммингов сравнительно мало, но поднявшись из каменистого русла в кустарничковую тундру на левом берегу ручья, всё же нахожу одну семью. Они быстро бегают и издают характерный писк, а при приближении прячутся в нору под глыбой хибинита. Только глава семьи остаётся у входа и громко ругается на меня, обнажая передние зубы.

Спускаюсь опять в русло, иду вниз по течению и неожиданно натываюсь на небольшой обрыв с выходом на поверхность коренных пород. Мне определённо везёт – передо мной небольшая жила натролита. Аккуратно откалываю молотком образец размером с ладонь и долго любуюсь своей находкой. Минерал белого цвета представляет собой столбчатые кристаллы и пучки волокнистых кристаллов, хаотически переплетающихся друг с другом. Окаменевшие лучи света – вот что напоминает он. Кладу его в полотняный мешочек вместе с этикеткой, где пишу место и дату находки и, довольный добычей и всем виденным, пускаюсь в путь к своему зимовью.

Уже в поясе берёзового криволеся замечаю за извилистыми, словно смятыми впопыхах стволами, какое-то движение и слышу хруст веток. Олень! Но ведёт он себя как-то странно – прыгает то в одну, то в другую сторону и бьёт передними копытами о землю. Увлечённый своим делом, он не замечает меня, а я подхожу ближе и вижу, что он убивает копытом лемминга, хватая его в свой вегетарианский рот и жуёт. Всё это ради ничтожного количества соли, содержащейся в мочевом пузыре несчастной жертвы....

До самого зимовья меня сопровождала любопытная и крикливая птица – кукушка. Она, как и наша сорока, поднимает шум из-за любого события в лесу и постепенно успокаивается лишь тогда, когда я скрываюсь в своём убежище и какое-то время сижу там на нарах – отдыхаю после дневного, пусть и не очень трудного маршрута. Отдых мой длится и после ужина у догорающего костра, когда над Вуоннемйоком сгущаются сумерки и от солнца, скрывшегося где-то за Юкспорром, остался только багровый отблеск на редких облаках. Я сижу и вспоминаю своих хибинских товарищей, грущу,

что нет их со мной, но и радостно думаю, что сюда, в Хибины, я приеду и на следующий год, на преддипломную практику, а потом, если повезёт – распределюсь сюда на постоянную работу. Костёр гаснет сам собой. Ветра нет и заливать его не нужно. Я спокойно ложусь спать, но заснуть мешают какие-то звуки извне, похожие на осторожные шаги. Уж не медведь ли? Вылезаю из мешка, подхожу к окну и различаю силуэт, по-видимому, того самого оленя. Он бродит возле кострища, жуёт опавшие листья, на которые я утром случайно просыпал соль. А потом за редкими елями ищет место, где я и мои предшественники справляли малую нужду, и тоже пережёвывает солёный от мочи мох и верхний слой почвы....

Оставшиеся дни в Вуоннемйоке прошли при той же хорошей устойчивой погоде, столь редкой здесь. Удалось обойти всю долину, сделать необходимую для курсовой работу и просто полюбоваться ландшафтом северной тайги, точнее, северного редколесья. Леса эти низко-производительны и по классификации лесоводов не выходят за рамки самого низкого, пятого класса бонитета. Только в отдельных наиболее благоприятных участках растут стройные ели рангом повыше, но число их невелико. Так что же, совсем непригодны они? Нет! Есть в этих кряжистых низкорослых деревьях своя стать, своё достоинство, своя мощь. Их тонкие смолистые годовые кольца из года в год складываются в крепкие небольшие колонны стволов, способные нести на своих плечах большую тяжесть. Они годны не только на то, чтобы пойти в печь и нагреть воздух в ладных северных домах. Они способны на большее: могут держать на себе пласты готовой обрушиться горной породы – они рождены быть крепёжным лесом. Но рубить их можно только выборочно, иначе лес может и не возобновиться, как почти не возобновляется он после пожара, особенно близ верхней границы. Большие, фиолетовые издали от цветущего обильно иван-чая, гари разрывают их зелёный ковёр и являют собой острова запустения и смерти. Гниющие стволы, заболоченность после пожара и обилие вредителей, развивающихся в гнилых стволах и сучьях, мешают возобновлению. У верхней границы приходилось наблюдать остатки обгоревших корней, уже сплошь покрытые тундровой растительностью.

В редких случаях можно встретить леса побогаче, особенно в тех местах, где близко к поверхности подходят апатитсодержащие породы или почва питают воды, вытекающие из этих пород. Там деревья получают дополнительное фосфорное питание, выглядят значительно лучше и дают больший раз в два прирост, а напочвенный покров под такими деревьями богаче и пышнее. По данным непосредственных измерений, у берёзы листовые пластинки вдвое больше по площади, чем в обычных местоположениях. По результатам таких исследований, задолго до открытия месторождения апатита на северо-востоке Хибин мне удалось предсказать его по аномальному увеличению приростов древесных пород в районе оз. Ньюрьявр и р. Ньюрьяврйок. Возможно, с этим связана и необычно крупная черника – почти с вишню, у подножья г. Ньюрпахк. В том же месте удалось вдоволь налюбоваться

группой необычайно красивых ледниковых озёр в моренном ландшафте. Лес вокруг них – ельник-черничник, ельник-голубичник и ельник-вороничник с примесью берёзы и рябины, а озёра памятны тем, что в чистейшей воде видно дно, в каждом озере своего цвета: у одного – голубое, у другого – жёлтое, у третьего – зеленоватое, у четвёртого – палевое. Только ради того, чтобы увидеть эти озёра, стоило проходить перевал Юкспоррлак и пройти всю долину до конца, почти до её выхода на приумбскую равнину.

На обратном пути встречаю двух саамов без оленей, они ходили в Кировск. Останавливаюсь, говорю немного с ними, и они дарят мне лакомство – кусок оленьей ноги. Вечером отвариваю мясо и ем с большим удовольствием. Оно жёсткое, постное и по вкусу отдаёт ягелем – любимой пищей северных оленей. И тут же в мельчайших деталях вспоминается моя первая встреча с саами год тому назад. В тот день воздух казался смешанным с водой. То и дело из него появлялись мелкие капли, вначале невидимые, но вот они овеществляются и оседают тонким слоем на лица, руки и одежду и тихо стекают большими чистыми слезами по ветвям берёз и иголкам елей. Мы собираемся уходить из бывшего бобриного царства – долины р. Майвальтайок. Уже уложены вещи в рюкзаки и свёрнута палатка, кто-то делает последнее необходимое дело – тушит тлеющий костёр, заливая угли из только что вымытого котелка. Костёр шипит, от него взвивается белесый пар, тут же смешивающийся с тихими хвостами низких облаков, задевающих лес и землю.

Перевал Сев. Рисчорр. Вдали – долина р. Каскаснюйок. Фото Ю.Л. Войтеховского.

Из влажного воздуха вдруг доносится далёкий голос, за ним другой, третий. Слышен разговор – как будто саамская речь. И действительно, вскоре на том берегу реки на холмах появляются трое оленеводов и два выючных оленя с небольшими узелками, перекинутыми через спины. Ещё пять минут и они, перейдя зелёную реку, оказываются в нашем лагере, который мы называли «Козьегонск», так как соорудили вблизи кострища нечто вроде загона из ветвей ив и берёз для защиты от ветра. Говорим с саамами обо всём понемногу. Они рассказывают нам, что за их оленьим стадом бродило целых пять росомех, и что двух из них они уже убили, а вот остальные всё ещё бродят. Они спрашивают, не видели ли мы их следы. Наш главный «егерь» Володя Бутьев говорит, что видел тайник, куда россомаха зарыла кусок убитого оленя, а также видел следы медведя неподалёку. Старший высокий саам оживляется и подробно расспрашивает, где и какие по размеру следы видел Володя. По решительному виду оленевода видно, что для медведя встреча с ним небезопасна. Поговорив обо всех лесных делах и покурив немного, мы расходимся в разные стороны: они – лёгкие и быстрые, привычные к горам идут в направлении Умбозера, а мы, сгибающиеся под тяжестью, вероятно, не столь уж необходимых вещей в огромных рюкзаках, – в противоположную сторону, в долину Каскаснюйок и далее через Тульйок на свою Хибинскую географическую станцию.

Мы идём и думаем: из чего же складывается их преимущество перед нами? Ведь они сегодня к вечеру придут в свою столицу – село Ловозеро, а до него километров сорок и два перевала, или кружной путь по берегу Умбозера – тогда будут все пятьдесят! А мы? Мы за это время едва доберёмся до соседней долины – Каскаснюйок или Тульйок и разобьём до сумерек лагерь. И пройдем мы не больше десяти километров и всё-таки наверняка устанем. Почему? Мы идём и медленно переговариваемся, и каждый мысленно сравнивает себя по всем статьям жизни в лесу с оленеводом. И сравнение оказывается не в нашу пользу, хотя кочевая жизнь – наша профессия. Мы психологически не готовы к жизни в этих, так любимых нами, но всё же не родных местах. Они не наши, а кажутся, напротив, чуждыми и опасными. Каждый шаг здесь – это шаг гостя, но не хозяина. Мы не знаем всего скрытого гостеприимства этих серых скал и чеканных сосновых и более мягких еловых лесов и разномастных скатертей тундр. Если мы и делаем что-то правильно, то это рациональная правильность. Мы словно говорим себе в каждом отдельном случае: вот этого делать нельзя, так как это опасно, а это делать можно и нужно, так как это выгодно. Мы обдумываем, как жить в этих горах и всё, естественно, обдумать не можем. А они, наши советчики и ненавязчивые учителя, с детства впитали в себя этот мир, и в них хранится вся информация о поведении и жизни здесь.

Выходя из Ловозера, они берут с собой немного. Это хлеб, соль, чай, спички, сахар, котелок, чайник, ложка, миска, нож, кружка. Остальное им дарят лес и тундра, где всегда есть возможность прокормиться и обогреться.

Можно поохотиться на куропаток, собрать грибов, ягод. Можно даже – это уж совсем по цивилизованно-научному – приготовить витаминный напиток из хвои сосны или ели, когда ещё не созрели ягоды. Конечно, нам, таким плохим охотникам, нечего и рассчитывать прожить охотой, но для большей быстроты передвижения можно сильно сократить наши ноши, где лежит огромное количество одежды. Тут смена носок и портянок, куртки, свитера, и прочее. Мы боимся промокнуть и ходить в сыром. А высушить быстро промокшее у костра мы ещё не умеем. Мы боимся посидеть у костра, сняв с себя что-то, и поэтому тащим огромный запас. А наши спальные мешки? Это же тяжёлый и громоздкий заменитель тепла от огня, который, умея, можно поддерживать всю ночь. Наша одежда тяжела и неудобна. Хорошо пройти по болоту в резиновых сапогах. А по камням? Не очень! А по лесу, захламлённому горелыми упавшими стволами? Тоже не очень! Конечно, мы не можем достать себе такие лёгкие пимы, которые носят саами, но можно ведь надеть кеды, которые, если и промокнут, то легко и быстро высохнут. Много хлопот доставляют нам штормовки. Если лёгкий брезент их быстро сохнет, то байковые (вдумайтесь – байковые!) карманы долго действуют как нежелательный компресс и высыхают на ходу лишь через день-другой.

Многое из золотого запаса знаний, как прожить в Хибинах, и любом другом суровом крае, мы уже знали, но не применяли по инерции мышления, ложного нерационального действия. Ведь меня, к примеру, ещё на первом курсе мой учитель Кирилл Вячеславович Зворыкин научил, как спать в тепле без палатки, с одним тонким тентом, можно даже из обычной простыни. Всего-то делов: поставить наклонно этот тент, чтобы можно было улечься под ним и не промокнуть от прямого дождя, с другой стороны разложить немудрёный костёр – вбить в землю четыре колышка, положить между ними два сухих длинных (в свой рост) бревна, чтобы одно упиралось на колышки с одной стороны, а другое с другой, то есть асимметрично, между брёвнами положить немного сухих веточек или стружек и разжечь. Огонь займётся вдоль брёвен и будет гореть всю ночь, верхнее бревно по мере прогорания будет опускаться всё ниже и ниже, и в щели между брёвнами будет поддерживаться всю ночь хорошая тяга.

А наши кострища? Убогое и жуткое зрелище! Якобы для сохранения окружающей среды мы окапываем их чуть ли не рвом с водой, чтобы огонь не пошёл дальше и не охватил лес или тундру. Саами делают проще: быстро выкладывают плоскими камнями круг и в середине круга разводят маленький костерок. Огонь за черту камней не пойдёт. Чайник или кастрюльку они вешают на палку, один конец которой воткнут наклонно в землю, а другой открыто висит над самым центром каменного круга, в котором горит костёр. Держится эта палка на двух перекрещенных рогатинках, котелок своей тяжестью вдавливают их в землю – рыть ничего не надо, и котелок снять легко. Этот «саамский очаг» мы всё-таки внедрили в свой полевой быт, а вот с тентом ходить в маршруты так и не решились...

Все дни в Вуоннемйоке меня посещали воспоминания – мои товарищи разных лет словно и сейчас были со мной и сопровождали каждый мой шаг. Пересекая долину, я часто натыкался на затёсанные топором стволы елей и берёз. На них чернели написанные краской номера.... Это было после окончания первой полевой практики, осенью 1953 г., когда Кирилл Вячеславович предложил шести студентам остаться ещё на полтора месяца в геоморфологическом отряде, задачей которого было проложить безопасную трассу для будущей автодороги из Кировска вдоль восточных склонов Хибин в долину Вуоннемвум к г. Коашва, в недрах которой тоже покоился мощный пласт апатитосодержащей породы. Конечно, в этот отряд я горячо попросился и меня взяли. Пять недель работы в загадочной должности «промывной рабочий» остались в памяти по сей день. На деле это означало рытьё шурфов, рубку просек для полуинструментальной съёмки, затёсывание стволов деревьев и нумерация точек.

Мы были в том счастливом возрасте, когда огромное желание работать, познавать, открывать намного превышает опыт. Это желание можно остудить, исковеркать педантичным руководством и косным недоверием. И как нам повезло – вокруг была яркая, разнообразная, дикая и суровая природа, полная мнимых и действительных тайн, и умные чуткие руководители – Кирилл Вячеславович Зворыкин и Людмила Петровна Полканова, бывшая всё время рядом, в то время как Кирилл Вячеславович приходил только консультировать её, как более опытный и знающий. А Людмила Петровна, может быть, немного посмеиваясь над нами в душе, выделяла среди напряжённой и тяжёлой работы дни и часы, давала нам самостоятельные научные задания, читала наши первые записи в дневниках, спорила с нами, как с равными, но никогда не убивала слишком трезвыми доводами наши пылкие фантазии. Вот тогда-то и укрепилось в нас восторженное отношение к Хибинам, мы окрепли духовно и физически, и чувство юмора сопутствовало нам во всех передрягах, в какие мы по неопытности попадали.

Однажды наши «съёмщицы» – две Наташи – вышли на очередной прямой отрезок, чтобы замерить направление просеки, и к ужасу своему увидели у свежей зарубки с ещё непросохшим номером большого медведя. Он стоял и обнюхивал затесь. Наташи онемели от страха и повели себя совершенно неадекватно – они вдруг запели одну из наших песен дребезжащими от страха голосами. Не ожидавший этого зверь испугался больше, чем они, и с ним случилось то, что всегда случается с испуганным медведем – он понёсся прочь, оставляя за собой след, похожий на черничное варенье, поскольку питался в это время ягодами. В лагере вечером стоял гомерический хохот, и с того дня, как только Наташи пробовали у костра запеть что-нибудь, им всегда говорили: «Не пой, красавица, при мне...».

Вероятно, потому, что двое из нас, приехавших на второй год в Хибин, прошли через эту экспедицию, нам из-за нехватки преподавателей иногда поручали провести ту или иную группу студентов-географов из других

институтов и университетов. И горе было тем, кто осмелился пренебрежительно высказаться о Хибинах – мол, что это за горы, невысокие, без острых пиков и гребней. Их ждало неминуемое наказание – в проводники им выделяли самого выносливого из нас – зоогеографа Володю Бутьева, которому по специфике профессии ежедневно приходилось ходить гораздо больше, чем кому-либо из нас. И он вёл группу так, что она проходила всё, что положено, но таким кружным и трудным путём, что к концу дня все валились с ног от усталости и на следующий день никуда не могли пойти. Но о Хибинах, говорили уважительно...

Вот и настал последний день моего вуоннемйокского одиночества. А впрочем, какое же это одиночество, когда в мыслях со мной были мои друзья и товарищи? С утра я сходил в короткий маршрут на левый берег Вуоннемйока, в редкостный чисто рябиновый лес, росший в зоне вероятного влияния апатитового рудного тела в недрах г. Коашвы. Управившись с описанием и определением положения верхней границы леса, вышел к Вуоннемйоку и застыл от изумления и радости: на том берегу, прямо напротив меня стоял красавец-лось и пил воду из реки. Он наклонялся к воде замшевой мордой, пил, потом поднимал голову, и с его губ падали искрящиеся на солнце капли воды. Я быстро открыл футляр своего «Зоркого», настроил его и в тот момент, когда надо было нажать кнопку, поскользнулся, и правая нога поехала вниз на подушке мха. Почти падая, старался удержать лося (первого в моей жизни!) в кадре и сфотографировал-таки его, не надеясь, что снимок получится. Но он получился, хотя и на редкость странный: в центре совершенно чётко видна голова лося, а вокруг него деревья смазаны, как будто в момент съёмки кто-то сильно качнул их или налетел внезапный порыв ветра. Я не упал, не сломал ногу при этой съёмке, но к реке скатилось несколько мелких валунчиков из-под моей ноги. Лось поднял голову, посмотрел в мою сторону, хотя вряд ли что-нибудь видел – он ведь близорук, повернулся и неторопливо скрылся за стволами и лапами елей. Перейдя реку, я уже минут через пять был у зимовья. Доел остатки завтрака, залил костёр и тем же путём, через Юкспоррлак, вернулся к вечеру на станцию, где меня уже ждали.

Так хорошо и покойно, как в эту неделю в Вуоннемйоке, в Хибинах бывает далеко не всегда. Путешественнику или изыскателю они предоставляют, порой неожиданно (и чаще всего неожиданно) возможность испытать свою волю, силу и выносливость. Так случилось и с нами, тремя четверокурсниками геофака МГУ, в сентябре 1956 г. в самом конце преддипломной практики. Мы – Алла, Женя и я – совершали последний в сезоне, но самый длинный и тяжёлый маршрут: вдоль северных склонов Хибин с возвращением через долины рек Калйок, Майвальтайок, Касакаснюйок, Тульйок и Вуоннемйок. В самом конце маршрута, точнее, за два дня до контрольного срока возвращения на станцию, в низовьях Майвальтайока нас настигла внезапно налетевшая волна арктического холодного воздуха, на границе которого с тёплым образовался ярко выраженный холодный фронт со всеми

его «прелестями»: шквалистым ветром, резким понижением температуры, обильным снегопадом и метелью.

Сутки, пока он бушевал, мы отлёживались в палатке, которую ветром отрывало от земли, и она, как раненая птица, начинала хлопать крыльями оземь, словно пытаясь взлететь. Приходилось вылезать из тёплых нагретых спальников и при слепящем снеге укреплять её, придавливая края большими валунами, перевязывая покрепче верёвки к вбитым в землю колышкам. Готовить горячую еду было трудно, и мы сутки питались всухомятку, лишь один раз вскипятив чайник чая. Обсудив ситуацию, решили: как только чуть стихнет метель – собираться и идти, как адмирал Макаров «к полюсу напролом» восвояси, останавливаясь лишь для определения верхней границы леса там, где это было нужно для наших дипломных работ. Ждать пришлось долго. Фронт бушевал до следующего дня, и нам на возвращение, на весь обратный путь, оставалось часов семь-восемь светлого времени суток. С трудом развели костёр, сварили макароны с консервами, плотно поели, уложились и вышли. Предстояло перейти вброд Майвальтайок, Тульйок, перевалить через Эвеслогчорр, пройти всю Вуоннемвум и через знакомый до каждого камня Юкспоррлак придти к назначенному сроку на станцию, где наверняка уже беспокоятся и ждут нас. Особенно трудна была переправа через реки. Раздевались снизу до пояса, тщательно укладывали одежду и обувь под клапаны рюкзаков, брались крепко за руки и вступали в обжигающе холодную воду. Выше по течению шёл я, как самый тяжёлый из всех, ниже по течению – Женя, а Алла посередине. У Жени и у меня в руках были палки для устойчивости, так как дно в местах переправ было валунное, ноги скользили и проваливались между валунов. Но боли мы не чувствовали – в ледяной воде ноги мгновенно немели, по выходе из воды мы поочерёдно растирали их оставленным в кармане рюкзака полотенцем. Обувь: у Аллы и меня – кеды, у Жени – ботинки, промокла в первые полчаса ходьбы по свежевыпавшему снегу, и мы решились лишь после последней переправы через Вуоннемйок надеть сухие запасные носки на последний отрезок пути.

Майвальтайок одолели сносно, не замочив верхней и нижней одежды, а в Тульйоке хорошего брода не нашли и перешли его по глубокому месту. Пришлось после выжимать трусы, нижние части рубашек и штормовок, и вновь надевать их, так как сухой смены не было, и идти дальше с холодным «компрессом» вокруг пояса. Чтобы не сверяться всё время с картой, подниматься на Эвеслогчорр решили по левому берегу ручья Тымшасуай, что в переводе с саамского означает «ручей точильного камня». Подъём был не очень крутой, но долгий и утомительный. Снег совсем перестал, ветер немного ослабел и дул в спину, словно подгоняя и помогая. На плато лежали целые наметённые сугробы первозданного снега. Мы пересекали их, сначала выискивая, где снег неглубокий, а потом напрямик, погружаясь чуть ли не по колено.

Но ещё страшней был спуск в Вуоннемвум. Мы постоянно скользили на снегу, на промёрзших листьях кустарничков и постоянно падали, рискуя

Вид на г. Эвеслогчорр. Фото: <http://images.rambler.ru/xn--80adia6ati6g.xn--p1ai>

сломать руки или ноги. Легче стало лишь в лесном поясе, где мы нашли быстро оленью тропу и по ней вышли к небольшому озеру, окружённому со всех сторон еловым лесом. Силы наши были истощены, и мы решили сделать привал, хотя времени вернуться засветло уже не оставалось. Достали сухари и сахар, подкрепились и пошли искать тропу, чтобы не петлять по заснеженному лесу. Но тропа тоже была занесена, только во влажных местах снег подтаял, и отдельные отрезки её были видны и выделялись тёмными полосами. Мы то теряли её, то вновь находили, но были спокойны, так как из родной долины просто некуда было деться, кроме как выйти на Юкспорлак. Уже в сумерках мы вышли к последней переправе через Вуоннемйок.

Небо очистилось от облаков, и местность освещалась только слабым отблеском лучей зашедшего солнца да сиянием свежего снега. Холода воды мы даже не почувствовали, потому что ноги были совершенно одеревеневшие и нечувствительные. Деталей пейзажа мы уже не замечали, видели только его крупные черты – чёрный треугольник Коашвы, чёрные стены ущелья Ферсманова и приближающуюся громаду Расвумчорра. Все силы и внимание уходили на то, чтобы идти по тропе, не потерять понапрасну набранной высоты и не оступиться на скользких камнях. Стало подмораживать. В чистом небе появились первые звёзды и, кажется, прибавили немного света, но его было недостаточно, а впереди ещё один трудный участок пути – перевал Юкспорлак. Через него мы шли буквально наощупь, сначала идущий впереди осторожно пробовал ногой, нет ли под снегом пустоты между камнями, а другие шли за ним след в след. На переход через перевал ушло не меньше часа,

тогда как в обычное время мы проходили его минут за десять-пятнадцать. До станции рукой подать и путь теперь всё вниз и вниз, тропа похожа на канавку, так что сбиться с неё нельзя. А вот вдаль сквозь редкие деревья видны освещённые окна станции! Нас ждут, и мы пришли почти вовремя, с опозданием всего на два часа. Разговоры – на завтра, а сейчас – переодеться в сухое, поесть, попить горячего чаю и – спать, спать, спать....

Это был мой последний изыскательский маршрут в Хибинах. Потом ещё один приезд зимой 1957 г. в надежде устроиться после окончания университета на работу, потом – разлука на целых десять лет, и новая встреча, новые двенадцать поездок уже в качестве руководителя комплексной полевой практики со студентами-заочниками педагогического института, когда пришла пора отдавать накопленные в студенческие годы знания другим. Менялись люди, с которыми я ехал, менялось время, менялась в какой-то мере и сама природа, менялась задача и сроки поездок, но неизменным оставалось одно: приближение Севера я начинал ощущать с Петрозаводска, а с Кандалакши, не отрываясь, смотрел в окно, чтобы не пропустить тот миг, когда над пиками северных елей покажутся пятнистые от снежников вершины моей земли обетованной – Хибин....

Поездки со студентами-заочниками, а точнее – студентками, поскольку студентов в каждой группе в тридцать человек было раз-два и обчёлся, давали возможность только заглянуть в Хибины дня на три-четыре. Но эти дни я старался использовать максимально, чтобы самому повидаться с любимой землёй и привить эту любовь своим питомцам, вернее питомицам. Выручала возможность арендовать автобус для экскурсий, что позволяло с физически неподготовленной группой посетить самые интересные места из ближайших и даже отдалённых окрестностей Кировска или Юкспоррйока. Мы обычно останавливались по предварительной договорённости в школе Кировска либо на Хибинской географической станции, пока жив был мой Учитель Константин Максимилианович Громов. За считанные дни делалось много, особенно если удавалось арендовать автобус с одним и тем же водителем – замечательным человеком – Рэмом Фёдоровичем Левченко. Отправляя студентов на автобазу, я так и наказывал: «Арендуйте автобус с Рэмом Фёдоровичем». У него добродушное приятное лицо, весь он излучает доброжелательность и всегда готов повезти нас куда угодно, не боясь угробить автобус, зная, что в любую минуту со смехом и шутками вытащим его машину из любой ямы и колдобины.

Помнится, говорю ему: «Рэм Фёдорович, нам бы надо въехать по серпантину на плато Расвумчорр через Ловчорр, но там, кажется, пропускают машины только с горняками?» А он отвечает: «Поедем, раз надо, только чуть после смены, когда там никто не стоит, и уж если въедем туда, пусть спрашивают, как сюда попали, ответим, что и слыхом не слыхивали ни о каких запретах», и улыбается. Нам с ним хорошо, и мы много успеваем сделать и увидеть, но и ему нравится, что на пустых перегонах, когда не надо делать

частые рабочие остановки, мои ученицы поют русские и украинские народные песни или песни изыскателей, которым я их успел научить в Кандалакше и на пути из Кандалакши в Кировск. А уж в «охоте за минералами» он просто-таки выручает нас: за считанные часы мы объезжаем все известные и малоизвестные отвалы и карьеры. На одном находим обилие хорошо выраженного сфена, на другом – эвдиалита, эгирина и арфведсонита, на третьем – титаномагнетита, и к вечеру возвращаемся на своё временное пристанище, переполненные впечатлениями и нагруженные сборами. У меня выработалось некое чутьё на минералы, заключённые в обычной с виду глыбе нефелинового сиенита. Найдя нечто многообещающее, я скликаю своих учениц и, наблюдая за собой со стороны, кажусь себе таким петухом, скликающим кур к россыпи отборного зерна. Посмеявшись молча над собой, начинаю шутить, ведь с шуткой любая работа идёт лучше. Когда какая-нибудь симпатичная, русоволосая и, как ещё говорят на Руси, «справная» студентка подносит мне микроскопический образец, я нарочито серьёзно и долго рассматриваю его, потом с невозмутимым видом отбрасываю его в сторону, требуя, чтобы образец для школьного кабинета географии был, по меньшей мере, с ладонь будущей учительницы...

Но ведь такое обилие образцов везти тяжело и попросту не уместится в небольшие рюкзаки моих учениц и учеников. Наутро одна из них подходит ко мне и говорит: «Николай Николаевич, я хочу образцы отправить посылкой, но боюсь, что такую тяжесть муж не понесёт домой с почты, ведь я ему напишу или лучше позвоню предварительно, что в посылке камни». Глядя на её озабоченное лицо, советую: «А Вы сверху положите пару пахучих копчёных рыбин, и тогда он понесёт посылку домой бегом, чтобы поскорее выпить пива и закусить этой рыбой!» Студентка смеётся и поступает в точности по моему совету, тем более, что рыба в те далёкие времена была здесь отменная и сравнительно дешёвая – рубль с копейками за килограмм морского окуня холодного копчения, который за растопыренные при копчении крупные передние кости в народе прозвали «Крылья Советов»...

Главный маршрут со студентами – восхождение на г. Малый Юкспорр с целью изучения вертикальной поясности ландшафтов. Если базируемся у Константина Максимилиановича на Хибинской географической станции, автобус в этот день не арендуем – от станции до начала маршрута всего пятнадцать минут ходу. В этот день после подъёма в семь утра и зарядки идём в Апатитовый цирк в горняцкую столовую, а оттуда напрямик к начальной точке восхождения. Поднимаемся медленно, с остановкой в каждом поясе, где делаем ландшафтные описания, берём почвенные образцы и растения для гербария. Идём по мягкому ковру из кустарничков, мхов и лишайников, то перепрыгиваем с глыбы на глыбу курума или остановившейся, медленно зарастающей осыпи. Как правило, погода благоприятствует нам, ведь конец июля – начало августа являет собой разгар «бархатного сезона» в Хибинах. Но иногда и не без сюрпризов. Памятны два восхождения, в одно из кото-

Долина Гакмана со стороны ловчорритового рудника. Фото Ю.Л. Войтеховского.

рых в начале августа 1968-го попали на плато в метель при нуле градусов, а в другое — не помню в каком году — угодили в ливень и так промокли, что вернулись в гостиницу в Кировске в таком виде, что хоть выжимай. Хорошо, что в этот день была горячая вода и мы, выстроившись в длинную очередь в ванную комнату, отогревались и приходили в себя до полуночи.

Малый Юкспорр, как, впрочем, и все горные массивы Хибин, лишь с виду легкодоступен. Снизу, из северо-таёжного пояса, и из пояса берёзового криволесья не видно, что ожидает путешественников в поясах тундр. Когда последние единичные берёзы остаются позади и открывается вид на долину Юкспоррйока справа и Гакмана слева, над полого повышающейся поверхностью кустарниково-кустарничковой тундры виден чёрный уступ — выходы более стойких к выветриванию коренных пород. Он сравнительно невелик, над ним видно чистое небо или облака, и кажется, что вот поднимешься на него, и там откроется ровная поверхность. Не тут-то было! Уже готов из груди вырваться вздох облегчения, что тяготы восхождения позади, как над следующей наклонной задернованной поверхностью вырастает новый уступ коренных... Чтобы у моих подопечных не опустились руки и не подкосились ноги, говорю, что это последнее препятствие, хотя знаю, что их ещё четыре или пять, и что в некоторых расщелинах круглый год лежит снег, а вокруг снежников цветут только что вступившие в весну камнеломки, кассиопы и селены. Пусть всё это будет им сюрпризом и наградой за непривычный для россиянок с Русской равнины труд восхождения.

Но бывают и незапланированные награды. В одной из таких экскурсий из-под моих ног выпорхнула куропатка и криком приказала затаиться своим малышам. Одного пушистого птенца я взял на ладонь и показал студентам, а потом отпустил его, и он тут же слился с окружающей растительностью, так что, ступив шаг в сторону, вторично обнаружить его не было никакой возможности. Пришлось это место обходить стороной, чтобы случайно не раздавить спрятавшегося птенца. А в другой раз в расщелине мелькнул и исчез горностай. И таких встреч с животными вблизи Кировска было много в разные годы. Но вот, наконец, преодолен последний уступ, и мы на узком плоском плато, лишь чуть волнистом, с перепадами высот в два-три метра, не больше. Лица у всех покрасневшиеся, возбуждённые и радостные – приятно смотреть. Делаем последнее описание, кладём в сумки почвенные образцы и растения – в гербарные папки и доходим до узкой перемычки плато, откуда справа хорошо виден перевал Юкспоррлак, а слева – заброшенный ловчорритовый рудник в долине Гакмана, где ещё до Великой Отечественной войны была налажена добыча ловчоррита, похожего на застывший столлярный клей. Туда прямо с плато спускается мелко-глыбовая осыпь, состоящая из разрушенного нефелинового сиенита.

Со студенческих времён помню, как хорошо бежать вниз по этой осыпи. Ступаешь ногой, и осыпь проносит тебя несколько метров, ступаешь другой – ещё несколько метров. Несёшься вниз с огромной скоростью и в течение считанных минут преодолеваешь спуск, на который ушло бы обычным способом не менее получаса. Перекидываю полевую сумку через левое плечо, прижимаю её рукой к правому боку, чтобы не мешала, и говорю своим питомцам: «Смотрите внимательно, как я буду спускаться, и спускайтесь так же вслед за мной», и начинаю бег серпантином, чтобы не развить неуправляемую скорость и не сломать шею. И вот я уже внизу. В ушах заложило, как в самолёте при заходе на посадку. За мной сразу пустились самые молодые и отчаянные, а потом, видя, что в этом пренебрежении техникой безопасности нет ничего страшного, и все остальные. Лишь несколько человек медленно спускаются по «берегу» осыпи обычным способом, опираясь руками о выступы коренных пород. Но вот все, наконец, внизу, у всех глаза горят от только что пережитого. А я в душе рад, что сумел доставить им эти минуты радости, лихачества, безрассудства. Хорошо, что никто из институтского начальства не знал об этом «фирменном» спуске с Малого Юкспорра, а то не миновать бы мне выговора или, по крайней мере, неприятных разговоров с сильными мира сего...

Рэм Фёдорович возил мои группы буквально куда угодно. Особенно памятна поездка в запретную зону на плато Расвумчорр. Поднимались по уже упомянутому серпантину через плато Ловчорр (по имени которого, кстати, назван минерал ловчоррит, что свидетельствует о его открытии именно здесь, в Хибинах) с остановками для описания и сбора образцов. Из тундры со склона горы открывалось взору могучее и всегда тёмного цвета Умбо-

зеро и пятнистые от многочисленных снежников-перелетков Ловозёрские тундры. Снег был и здесь, под ногами, и лежал в затенённых расщелинах коренных пород, возможно, не стаивая до нового снега. Студентки и единичные студенты играли в снежки, дул лёгкий, настоящий на запахах десятков растений ветерок, поэтому комаров почти не было. Нас никто не остановил, мы спокойно проехали на рудник Расвумчорр и наблюдали, как после очередного взрыва из открытого карьера мощные МАЗы везли апатитонепелиновую руду и сваливали её в вертикальную трубу или воронку, пробитую в коренных породах. Руда летела вниз несколько сотен метров, разбивалась на более мелкие куски и накапливалась в специальных накопителях, из которых грузилась потом в подогнанные в туннеле во чреве горы вагоны. Затем её везли сначала под землёй, а потом по долине Юкспоррйока и далее на апатитонепелиновую обогатительную фабрику. Таким остроумным способом была решена здесь доставка руды. Но иного и не было дано, так как проложить железную дорогу на высоту в 1100 метров попросту невозможно.

На обратном пути, недалеко от высокого здания подъёмника, где ежедневно от подножья Расвумчорра на лифте поднимались горняки на смену, мы нашли прямо на дороге огромную – метра полтора в поперечнике – глыбу горной породы, почти сплошь состоящую из эвдиалита – минерала, как уже говорилось, редкого, иначе называемого «лопарская кровь». Мы набросились на эту уникальную находку со своей кувалдой, передававшейся из группы в группу по наследству и носившей имя «Звезда Лапландии». Все, кто захотел, а захотели все, увезли в свои Владимирские, Тульские, Рязанские и другие области по кусочку малинового минерала Хибин. И стоят они там до сих пор, украшая старинные буфеты и новомодные серванты и стенки.

По-своему красив и сам Кировск – столица Хибин. Особенно хорошо было побродить по нему в полночь, когда солнце едва скрывалось за Вудъяврчорром, свет от него упирался в облака и, отразившись от них, падал за город. Воздух в такие «ночи» кажется серовато-розовым. Тихо. Все окна зашторены – ведь людям надо создать иллюзию ночи, чтобы отдохнуть перед завтрашней работой. Пустынно. Лишь изредка пройдёт одинокий прохожий. Автобусы спят в автопарке. Город кажется не вымершим – он производит впечатление очарованного или заколдованного. Невольно поддаваясь этому очарованию, разговариваем вполголоса, громко не смеемся, а лишь улыбаемся, а если и запеваем песню, то чуть ли не шёпотом. Но так она глубже проникает в душу и остаётся от неё в памяти на долгие годы всего одна строка, одна фраза: «Хочешь, я пойду с тобой рядом?»

И этот путь рядом продолжается для всех, кому остались дороги Хибин, у кого в душе поселился Север – для моих студенток и студентов, для коллег преподавателей, деливших со мной радости и тяготы полевых практик на Кольском полуострове: Бориса Николаевича Старикова и Галины Михайловны Кузнецовой. Первый старше меня: у него за плечами война, плен, по-

бег из плена, борьба с фашистами в рядах французского сопротивления. Он высок, седовлас и внешне похож на де Голля, за что я осмеливаюсь в шутку называть его «мой Генерал». Он не оставался в долгу, звал меня несколько иронично не иначе как «Сударь» и посмеивался надо мной, когда я во главе группы устремлялся в маршрут, неизменно говоря, обращаясь к нашим ученикам: «Вы только посмотрите – снег почуял и несётся как лось»... Галина Михайловна, напротив, значительно моложе меня, родом из Ярославской области, тоненькая, за что зову её «ярославской вербочкой». Помнится, когда она впервые вошла в аудиторию в институте, состоялся такой диалог двух студентов: «Кто это?» «Не знаю, наверное, какая-нибудь второгодница»... Так и зову её с тех пор. Она, услышав в телефонную трубку: «Это второгодница?» – знает, что звоню я. Если меня не остановить, я могу, всё глубже и глубже погружаясь в недра памяти, извлекать оттуда всё новые и новые подробности своих встреч с любимыми Хибинами, но пора и честь знать...

Однажды, приведя своих питомцев к подножью Малого Юкспорра, я почувствовал себя плохо – заболело сердце и временами казалось, что готово остановиться и не сможет вынести нагрузки даже при медленном подъёме. К тому же при каждом шаге возникала острая боль в спине – отголоски старого радикулита. Мне стало ясно, что пойти со студентами не смогу. И они это почувствовали – ведь у большинства из них были чуткие к чужой боли души. Глядя на моё побледневшее лицо, сразу в несколько голосов спросили: «Что с Вами?» И я сказал, что идти не смогу, но они пойдут одни, а я им расскажу, как идти и где останавливаться, на что обратить внимание. Одна из студенток принесла деревянный ящик, я опустился на него лицом к горе, а они все встали полукругом, тоже лицом к Малому Юкспорру. И я на память проложил весь сегодняшний маршрут, упомянув при этом чуть ли не каждую кочку, поваленный ствол дерева, глыбу породы. Они пошли, грустные, но полные решимости выполнить всё без меня. Только в тех местах, где надо было делать описания и брать образцы, останавливались и ждали моего сигнала – троекратного взмаха платком, который мне оставила одна из студенток. Если сигналов не было, продолжали искать намеченную точку, пока я не сигналил им своё «добро».

Через год я ушёл из института. Без возможности ездить в Хибины мне там нечего было делать. Теперь я только вспоминаю о былом, и чем больше напрягаю память, тем больше подробностей всплывает на поверхность. Чтобы усилить работу памяти, работу души, я ставлю на проигрыватель музыку Грига к драме Ибсена «Пер Гюнт» и особенно чутко вслушиваюсь в фрагменты «Шествие троллей» и «В пещере горного короля». Теперь уже не для себя, а для других людей, которые могут найти в Хибинах такое же счастье, какое нашёл я, мысленно говорю и пишу: «Поезд туда отходит в районе полуночи из Москвы с Ленинградского вокзала и называется "Арктика"».

ЗЕВС-ГРОМОВЕРЖЕЦ

Это «олимпийское» прозвище или «подпольную кличку» мы дали ему не из-за каких-то его божественных внешних данных, а по скудости воображения своего – воображения советских студентов конца 1950-х, оттолкнувшись от его фамилии – Громов, перейдя от неё к грому, громовержцу, а затем и к короткому, как приказ, слову Зевс. Всё-таки кое-что мы знали, и потом вспомнилось мне, что дореволюционные гимназисты, превозносимые ныне как люди образованные, тоже для прозвищ своих наставников брали то, что лежит на поверхности. Дедушку моего, преподававшего в гимназии родного Рославля, называли загадочным и оскорбительным на слух словечком «скыть». Оказывается, они произвели его от слова «дескать», которое дедушка часто употреблял и часть его – первый слог – проглатывал в скороговорке, вот и вышло: «скать», «скыть». Так что во все времена, независимо от системы, недопёски и бурсаки не отличались изобретательностью и интеллектom.

Совершенно не соответствуя внешне могучему богу-громовержцу, наш Зевс был, напротив, маленьким щуплым человечком, лысым, с выпуклыми голубовато-серыми глазами Пана – бога лесов из греческой мифологии. По неизвестным нам причинам, он не любил ни малых, ни тем более больших городов и всю жизнь скитался со своей женой по полярным станциям и под конец осел здесь, в Хибинах, недалеко от Кировска. Где-то на Колыме к ним прибилудилась старушка Анна Васильевна, с одной стороны явно «божья», так как однажды во время пожара выпрыгнула с третьего этажа и не разбилась, а с другой стороны безбожная, так как во время вечеринок по случаю окончания полевых сезонов хлебала из тарелки ложкой тюрю, состоящую из водки и крошенного в неё чёрного хлеба, совмещая, таким образом, выпивку и закуску.

Однако, вернёмся к главному герою нашего повествования – Константину Максимилиановичу Громову, начальнику Хибинской географической станции. Не только во внешности его, но и в характере не было ничего от «громовержца», мечущего по любому поводу «громы и молнии». Напротив, был он деликатен и никогда не повышал голоса на своих подчинённых и многочисленных студентов-практикантов, наводнявших Хибины в летнее время. Хотя эта публика не всегда вела себя достойно: не вовремя напивалась, сквернословила и мнила о себе гораздо больше, чем представляла. По привычке старого полярника он полагал, что летом нужно работать, а пить можно только по случаю окончания полевого сезона. Но пить основательно, не один день, а минимум неделю...

Но «Это присказка покуда, – Сказка будет впереди...». После первой полевой практики в Хибинах мне долгое время казалось, что прелесть этих заполярных гор в их неброской, но прекрасной природе, в возможности за какой-нибудь час пройти три копии географических зон: от северной тайги и лесотундры до тундры и аналога арктической тундры. И только в зрелом

возрасте, лет тридцать спустя, понял всем сердцем, что образ Хибин в душе моей слился с образом внешне неприметного Человека – Константина Максимилиановича Громова, ибо он был и остаётся в моих глазах и глазах моих товарищей по Хибинам «Человеком на своём месте...». Его давно уже нет с нами, и я не знаю, где он похоронен, но, полагаю, что там, в Хибинах, на кладбище возле Кировска...

Как сейчас, вижу замечательную картину, когда он вместе с нами, «старожилыми» Хибин, выходит на дорогу, ведущую из Кировска, встречать очередную группу летних практикантов – будущих географов – из Москвы, Вильнюса, Риги, Тбилиси, Ташкента, Ашхабада и других городов нашей, Великой тогда, не обгрызанной «демократией» Родины, и произносит свою коронную фразу: «Кыл идёт...». Такие загадочные слова обозначали в сибирском Заполярье видение сезонной миграции диких оленей к летним пастбищам в тундру из тайги и лесотундры. В стаде всегда видна была некая иерархия. Впереди шла опытная старая самка, а следом – самцы, другие самки и молодняк. Воспрепятствовать этому могучему движению самой природы ничто не могло. Так же выглядели в глазах Громова толпы студентов, у которых впереди тоже шла «опытная», точнее, выносливая «самка». В случае с нашими студентами это была лыжница-разрядница, привычная к большим физическим нагрузкам, по имени Тамара. Когда всё «стадо» подтягивалось к нашему бараку, начиналось размещение приехавших: кого в «лавиноопасный» дом, кого в комнатки в самом главном бараке, а кого и в палатки, которые ставили тут же, на пустыре. Мы: Володя-орнитолог, Алик-северовед, Веня и Вася – сотрудники станции и я, тоже северовед, «руководили» строительными работами. После размещения была кормёжка и вводная беседа к практике.

А наутро начинались будни – ежедневные учебные экскурсии, к проведению которых из-за малого количества сотрудников Зевс привлекал и нас, «старожилов». Но перед тем как отправить всех по маршрутам, всегда интересовался, как отзываются о Хибинах, которые для всех нас были самым лучшим местом на земле, заезжие студенты. И однажды, узнав, что латыши презрительно отозвались о нашей «земле обетованной»: «Что это за горы? Так, пригорки! То ли дело Кавказ!», решительно сказал: «С этими пойдёт Володя!» А что это означало, знали только посвящённые. Дело в том, что Володя был зоогеографом, и специализировался на изучении орнитофауны Хибин. «И ежу ясно», что такая работа требовала хорошей ходьбы (попробуй уследить за быстро перемещающимися «объектами!»). И Володя выдавал хулителям Хибин такой маршрут, который они долго будут помнить. Поучительно было посмотреть на них после возвращения. Они даже есть не хотели, и сразу ложились пластом в своих палатках или комнатах. Ведь Володя сознательно не соблюдал нашего железного правила «за потерю высоты бить!» и вёл их то вверх, то вниз по каменистым склонам, не давая передышки. Наутро латыши с уважением смотрели на нависающий над пос.

Юкспор, и уже не сомневались, что это настоящая Гора с большой буквы... После каждого такого «учебного» маршрута, когда «учёба» шла впрок учащимся, Зевс прилюдно благодарил Володю... А тот в ответ произносил традиционное: «Рад стараться, Ваше благородие!».

В пору заездов практикантов никто на станции не знал отдыха. И лишь когда они кончались, Зевс разрешал небольшой отдых перед научными маршрутами. Ведь в расписании работ любимой Хибинской географической станции, кроме учебной, значилась ещё и научная работа, львиная доля которой выполнялась летом, и была она на первом плане. Именно поэтому Зевс ненавязчиво опекал наши честолюбивые мечты о научных открытиях и часто сопровождал нас в маршрутах, когда мы отправлялись в очередной «Великий поход». Не уподобляясь вожаку оленьего стада, он никогда не шёл впереди, но одет был по-парадному: в чёрном костюме и белоснежной рубашке. Единственное, что роднило его с нами – это сапоги в силу необходимости. Ведь в штиблетах по Хибинам не походишь. К комарам он за долгие годы жизни за Полярным кругом настолько привык, что вовсе не замечал их, ходил с непокрытой головой и без накомарника. Впрочем, к накомарникам и у нас было резко отрицательное отношение: в них плохо дышалось, трудно было рассмотреть дорогу и прекрасные окрестности, где нас ждали и никак не могли дожидаться «великие географические открытия», которыми мы намеревались продвинуть науку.

В самый первый научный поход Зевс сопровождал обязательно. Доводил до места, жил с нами сутки, а потом возвращался на станцию, договорившись с нами о сроке возвращения, так называемом «контрольном сроке», после которого за нами полагалось посылать «спасателей». Живя с нами, он опять-таки ненавязчиво учил нас жизни в природе Севера, обходясь малым. Так, мы тащили на себе тяжёлые палатки, тратили силы на их установку, а он обходился лёгким тентом из тонкой ткани, который натягивал под углом перед костром и спал в тепле, но на свежем воздухе. Полярный день, видимо, действовал на нас одуряюще, и нас посещали самые что ни есть «космические» идеи. В один из дальних походов в долину Вуоннемйок (что в переводе с саамского двояко: то ли «долина отдыха», то ли «тёщиная долина») мы решили проверить, можно ли выжить в дикой природе без благ цивилизации в виде консервов и макарон. Стали ловить и жарить леммингов (для непосвящённых – это мышеобразные крошечные зверьки, в изобилии встречающиеся в тундре и лесотундре). К такой «жарёнке» пришёл в наш лагерь сам Зевс. Мы угостили его, а потом сказали, что он ел. Ничуть не смутившись, он сказал: «Люблю всякую дичь...». И это было в его духе, он никогда не высмеивал наши причуды, а иногда прощал и явные «безобразия» в виде летних «полевых романов», которые случались почти с каждым из нас по нескольку раз за сезон. Гневался он, когда кто-то из нас шёл без его благословения в недельный маршрут с очередной прелестницей, полагая, что от этого может увеличиться население... Но и

Снежник-перелеток на перевале Сев. Рисчорр. Фото Ю.Л. Войтеховского.

это «нарушение правил техники безопасности» он всё-таки прощал нам и не употреблял свою власть. Он никогда не выражался нецензурно, и только в случае крайнего нашего неповиновения однажды гневно сказал: «Я вам начальник станции, а не х.. собачий!». Словом, манией величия он не страдал.

А вот мы страдали, да ещё как! Свои дальние походы мы называли звучно: «Великий северо-восточный поход», «Великий северо-западный поход», никак не меньше. Цели ставили соответствующие. Так, перед северо-восточным походом мы «на кончике пера» вычислили, что именно там, на северо-востоке Хибин, мы найдём, наконец, то единственное, чего не хватало любимым горам – ледник. Он должен был находиться в одном из цирков, в котором сочетались бы западный перенос снега на склон северной экспозиции. То есть максимум материала для ледника и минимум тепла. И надо же! Мы нашли этот ледник именно там, где полагали. И что из того, что назывался он скромно «навешанный фирнглетчер»? Для нас он был ледником, ибо мы его «выстрадали»! Мы прокопали вручную почти всю его толщу, а до самого дна углубились при помощи бура, вытащив оттуда голубой глетчерный лёд.

Кроме открытий, нас сопровождали неперенные приключения. Так, в этом самом «Великом северо-восточном походе» в наш лагерь в долине р. Каскаснюйок пришли два крайне возбуждённых лопаря (деликатнее – два саама) и рассказали, что по горам ходит кто-то странный, босой, под-

поясанный верёвкой, с топором и наводит сглаз на их оленей. Мы утешили оленных пастухов, сказав, что это, конечно, наш Алик, который проверяет, можно ли босиком ходить по камнепадам, а оленям никакой опасности не представляет. В той же долине случилась первая и единственная в моей жизни рыбалка. Шёл я вдоль берега в одиночку, нарушая, как и все мои товарищи, правила техники безопасности, и захотелось мне вместо надоевшей супо-каши с консервами поесть свежей рыбы. Удочки у меня не было, а если бы и была, я не знал, как с ней управляться. Оставалось одно – ловить рыбу так, как её ловят медведи, то есть, выбрасывая лапой на берег. В чистой воде реки было хорошо видно, что параллельно берегу плывёт рыба средних размеров. Попробовал подцепить её и выбросить на берег, но она всё видела и увернулась. Тогда я дождался, когда она подплывет под лист водного растения и не сможет видеть меня, и повторил попытку. Вечером мы испекли рыбу в горячей золе и с удовольствием съели по маленькому кусочку. Но больше мне не удалось поймать ни одной рыбины, эта «рыбалка» так и осталась единственной в моей биографии. И мы стали разнообразить своё меню куропатками, которых регулярно приносил Володя, и грибами, которые здесь можно было косой косить.

В «Великом северо-западном походе» мы совершили давно задуманное восхождение на высшую точку Хибин – г. Часначорр. При этом попали в ливень у самой вершины, карабкаясь по глыбам хибинита величиной с хорошую палатку. Спустились в долину р. Лутнёрмайок мокрые и долго шли, ища сухое место для лагеря. Весь остаток дня ушёл на приведение себя в порядок – сушку одежды и обуви, приготовление ужина и заполнение дневников. Надо сказать, что у каждого из нас была своя тема, по которой мы собирали материал, кто для курсовых, а кто (как Володя) – для диплома. И в день заранее известного возвращения нас всегда встречал Константин Максимилианович. Когда мы издали замечали его фигурку на дороге возле станции, нам всегда казалось, что он улыбается и говорит: «Кыл идет...». По заведённому негласному порядку нас сначала кормили «цивильной едой» (например, щами), и только потом мы отчитывались «о проделанной работе» перед нашим Зевсом.

Как раз перед нашим возвращением на местную почту пришла телеграмма, приведшая в недоумение «мирное население» Юкспоррйока. В ней значилось: «Пришлите срочно двадцать солёных леммингов!». Пришлось давать объяснение, что в Москве, откуда была телеграмма, голода нет, и лемминги нужны для оформления стендов в музее Землеведения, где из шкурок этих зверьков, собранных и засоленных (чтобы не испортились в пути) нами, таксодермисты изготовляли чучела. Я до сих пор помню, как впоследствии «опознавал» своего лемминга, помещённого в витрину – фрагмент хибинской тундры. Конечно, это была живодёрская работа. Мы ловили и душили несчастных зверьков, но чего не сделаешь ради науки? Лагерь в долине р. Вуоннемйок, где мы этим занимались особенно интенсивно, так и назы-

вался «УДЛЕМ», то есть «удушенный лемминг». Кроме леммингов «добывали» белок и другую живность. Снимали шкурки, солили и посылали в Москву. Причём Володя, который всем этим руководил и выдавал нам патроны, требовал, чтобы мы стреляли метко, не портили шкурки и старались попасть в глаз, как заправские охотники.

В «Великом северо-восточном походе» он выдал мне «боекомплект», и я долго выслеживал белку. Сначала принял звук от трения сухих ветвей за тревожное верещание зверька и только через какое-то время понял свою ошибку. Понуро побрёл к лагерю и буквально за полкилометра до нашей «стоянки неандертальцев» увидел белку на сосне метрах в пяти-шести, снял ружьё и стал целиться. Выстрел – и белка свалилась к моим ногам. Подобрав её, увидел, что дробина попала прямо в глаз! Возликовал от своей «удачи», приложил к ранке пучок сфагнума, чтобы кровь не испортила мех, и почти побежал к лагерю, чтобы обрадовать товарищей и прежде всего Володю. Каково же было моё разочарование, когда Володя, приняв добычу, нашел на ней ещё одну ранку, кровь из которой вытекла на шубку зверька...

Этот поход был последним в сезоне. Константин Максимилианович после тёплой встречи собрал нас и рассказал о планах на осень. Они носили хозяйственный характер – речь шла о «расширении владений» станции. Посёлок Юкспор сокращался за счёт оттока жителей в город, и освобождавшиеся дома предлагалось занять Университету. Это было очень кстати, так как летом, в пору практик, мест для размещения студентов катастрофически не хватало. На завтра нам предстояло осмотреть Г-образное строение, принадлежавшее до этого ПТУ, переехавшему в Кировск. Строение было вместительным и располагалось на берегу Юкспоррйока. После завтрака «комиссия» во главе с самим Зевсом торжественно направилась принимать «дары ПТУ».

Каких только экзотических личностей мы не встречали! Однажды, возвращаясь в полночь из «Круглой столовой» Юкспора, после очередного празднования окончания полевого сезона, мы подобрали у развилки пьяного человека и помогли ему добраться до дома – лавиноопасного двухэтажного строения по соседству с нашей родной Хибинской географической станцией. Немного протрезвев в пути, он рассказал свою удивительную историю. Оказалось, он был контрабандистом и возил после войны женские чулки и комбинации из Польши в СССР на военном бомбардировщике! Прощаясь с нами, он показал рукой на лагерь на склоне Айкуайвенчорра и сказал: «А мой командир ещё там досиживает, ему дали больший срок, а с меня спрос меньше – я ведь был штурманом...».

Во всех походах и выходах Зевса сопровождала собака. Громы держали именно такую, какая должна быть у настоящих людей, не для престижа, не для того, чтобы где-то в обществе сказать: «Она у нас любит осетрину» или «ест огурцы». Это была обычная дворняга, подобранная по любви, состраданию к живому, неведомо где, скорее всего, у помойки в морозный день, голодная, облезлая, чуть живая...

Однако надо особо рассказать о днях отдыха между разными «Великими походами». Константин Максимилианович позволял нам «расслабиться» и сходить «в увольнительную» в Полярно-альпийский ботанический сад, где обитали летом ровно пять прелестных существ, проходивших там, как и мы, свою летнюю полевую практику. Тут надо отметить, что в этом случае Зевс не боялся, как в случае с прелестницами своими, с Хибинской станции, что наши визиты приведут к увеличению населения, ведь это не в его хозяйстве, и за то, что творится нами на стороне, он не отвечает...

В день увольнительной у нас с утра были короткие маршруты в ближайшие окрестности, на Юкспоррлак (перевал, ведущий в долину Вуоннемйок) или в цирк Подъёмный, находившийся прямо напротив нашей станции. После возвращения и обеда мы начинали тщательно готовиться к походу в гости — брились, начищали кеды мелом, надевали «фирменную» одежду: защитного цвета штормовки и коричневые свитера, собирались у крыльца. Зевс выходил напутствовать нас и назначить контрольное время возвращения (гульба гульбой, а порядок надо блюсти!) и на лице его читалось: «Вы там не очень безобразничайте...». Перед выходом мы душились «Шипром» и, благоухающие, шли на автобусную остановку. Ехали до «Камня» и от него по прямой шли через долинную тундру, лиловую от цветущего вереска, к Ботаническому саду. Нас ждали, сперва усаживали пить чай с только что сваренным брусничным вареньем, а потом начиналась «лирика»... Уже за чаепитием в непринуждённом разговоре и «романе взглядов» образовывались пары и потом разбредались по углам просторного жилья наших соблазнительниц, где они, уже наедине, преподавали нам уроки «страсти нежной»...

Мне в «романе взглядов» досталась самая маленькая из ботаничек: сероглазая, ладненькая, с пухлыми губками, из которых, казалось, не может сорваться не то что бранное, но даже нескромное слово. Ан, нет! Когда мы с нею нацеловались настолько, что уже не владели собой и готовы были к грехопадению, она оценила наши перспективы и прошептала: «Милый, у нас ничего не выйдет с тобой, ты слишком велик для меня...». Похожие сценарии разыгрывались и у моих товарищей, и к назначенному Зевсом сроку — три часа ночи — мы, измученные ласками, возвращались восвояси пешком, так как автобусы уже не ходили. Солнце слало свои косые лучи откуда-то с Севера, и мы на подходе к родной станции издали замечали знакомую фигуру, а когда подходили, слышали неизменное: «Ну, что, наелись черники?» Так наш громовержец реагировал на наши почерневшие от поцелуев губы...

За неделю губы наши приходили в норму и мы, в очередной промежуток между Великими походами, просились в увольнительную к милым ботаничкам, и Зевс благодушно напутствовал нас традиционным: «Вы там не очень безобразничайте...». А наши соблазнительницы, войдя во вкус, стали просить нас ходить с ними в маршруты для сбора материала к курсовым и дипломным работам. Тут уж Зевс отпускал нас не очень охотно, но всё же отпускал. Моя «Дюймовочка» изучала условия обитания крошечного кустарничка ивы арктической, крона которого едва достигала уровня

мхов и лишайников. Найти эти уникальные творения растительного мира можно было только в условиях арктической тундры, то есть на самых высоких плато Хибин, одно восхождение куда занимало около двух часов. Но очарование северного безлюдья, тишина и красота окружающего пейзажа, его изменчивость от освещения, вдохновляли нас не на сборы гербария и описание мест обитания изучаемого растения, а совсем на другое... И, едва отдышавшись после трудного восхождения, мы забывали об арктической иве и видели только друг друга... Чем это кончилось – «история умалчивает», так как ни я, ни мои товарищи никогда не позволяли себе хвастаться сердечными победами... Всему, однако, приходит конец. Красавицы наши уезжали раньше, и мы дружно проводили их, обещая не забывать и навещать на биофаке. И действительно, несколько раз мы ещё встречались в Москве, а потом дорожки наши разошлись, влекомые разной жизнью двух факультетов. Но в душах остались светлые воспоминания о «тропе любви» через лиловое поле цветущего вереска...

В духе времени Хибинская географическая станция вела научную работу для народного хозяйства и в 1954-56 гг. под руководством Константина Максимилиановича разрабатывала прибор для мгновенного определения влажности почвы в полевых условиях, без отбора образцов в бюксы, их последующего взвешивания, сушки и подсчётов процентного содержания влаги в почве. Я не знаю, как окончилась эта работа, но если она увенчалась успехом, это было весомым вкладом в науку и практику земледелия... После преддипломной практики в 1956 г. я волею судеб расстался с любимыми Хибинами на долгие годы, до лета 1968 г., когда приехал туда уже в качестве руководителя комплексной полевой практики студентов 4 курса Московского государственного педагогического института. В группе было 30 студентов, из которых только один-два, от силы три-четыре мужчины. Разбита группа была на четыре бригады по числу ключевых участков – Кандалакшский, Мончегорский, Мурманский и Кировский, причём завершать практику мне всегда хотелось именно в Хибинах, навевавших ностальгические воспоминания о студенческом прошлом... В то лето 1968 г. попал я в Хибины и на родную Географическую станцию в довольно плохом состоянии: у меня не было «ни кола, ни двора», жил я одиноко на съёмной квартире (точнее, в крохотной комнатухе) у сердобольной еврейки Розы Ефимовны в Лосинке и был неухоженным настолько, что приехал на практику в тёмно-синих брюках, изъеденных молью и заштопанных белыми суровыми нитками.

Вся моя подноготная была, конечно же, известна моим студенткам, и они из благих, а иногда из «охотничьих» побуждений опекали меня, каждая на свой манер. Одна, откуда-то узнавшая, что вырос я в Рославле на козьем молоке, невеста откуда добывала мне это молоко здесь, в Хибинах. Другая вызывалась постирать носки и рубашку. Третья постоянно угощала дефицитным тогда растворимым кофе. Словом, не жизнь, а малина. Но мне всё не шло впрок. Я страдал от неустроенности жизни. И в последний день перед отъездом, презрев статус преподавателя, напился, ходил в лес с одной

из студенток и целовался с ней, а после этого пошёл попрощаться с Константином Максимилиановичем и его женой. Они встретили меня, как родного, несмотря на то, что я еле стоял на ногах и «лыка не вязал», и утешили как могли, выслушав мою несвязную речь о житейских неурядицах. Потом напоили крепким чаем, а когда пришло время уезжать, вышли проводить меня и моих питомцев. Долго стояли на дороге, глядя вслед автобусу, увозившему нас в Кировск к электричке до Апатитов, где мы садились на поезд Мурманск-Ленинград...

А когда через год я привёз в пос. Юкспор очередную группу студентов, Константина Максимилиановича уже не было, и не у кого было узнать, где он похоронен... И живёт он теперь в моей благодарной памяти...

ЭНТУЗИАСТ

Омерзительней, чем в этот июльский день, погоды нельзя было и придумать: моросящий непрерывающийся дождь, холод, низкое грязно-серое небо и вдобавок резкий пронизывающий ветер с Кандалакшского залива. А тут ещё выматывающая тряска на жёстких деревянных лавках в открытом грузовике, везущем нас – моих студенток и меня – из Кандалакши к одной из сёмужьих речек, по которой рыба идёт на нерест, взлетая вверх по водопаду, к озеру во глубине Кандалакшских гор. Насчёт студенток я не оговорился: в группе из тридцати человек был всего один студент, поэтому к нему возникло и держалось особое отношение как к редкому виду, занесённому в Красную Книгу и поэтому подлежащему охране. Хорошим в этой поездке виделось только одно: теснота на лавках в кузове, ибо от этой тесноты было хоть чуточку теплее. Я сидел на передней лавке, чтобы видеть путь и что-то рассказывать своим питомицам, перекрывая звук мотора, об окружающем ландшафте. Практика-то краткосрочная и я старался минуты не пропустить, чтобы не напичкать их и единственного студента нелишними, на мой взгляд познаниями. Не знаю, случайно ли, но справа и слева от меня сидели две самые справные студентки. Их женским теплом я и грелся всю дорогу, лишь поэтому не замерз и не простудился. К слову, насчёт «справности» я не оговорился: женщину, какая бы полная она ни была, никогда нельзя называть «толстая» и тем её обижать. «Полная» – ещё куда ни шло, подразумевая под этим полноту, прежде всего теплом, нежностью и состраданием... Настроение, однако, у всех, в том числе и у меня, хоть старался вида не подавать, было скверное, ведь ехать ещё часа полтора туда и столько же обратно. Но не ехать нельзя – зрелище могучей рыбы, преодолевающей в жажде продления рода пятиметровые водопады, стоило того. А ветер становился всё свирепее, и я горестно подумал о своих ученицах: «Простудятся они у меня».

Но тут кто-то осторожно тронул меня за плечо. Это был, мой единственный студент, худенький, невысокого росточку, с небольшой бородёнкой клинышком, разумеется, в очках и защитного цвета штормовке, свидетельнице и участнице многих его путешествий – он ведь всерьёз занимался туризмом,

и куда только не водил своих школьников. Он попросил меня подвинуться, перешагнул через скамью, встал лицом к своим, нахохлившимся, как вороны в ненастье однокурсникам, спиной к кабине, улыбнулся доброй детской улыбкой и громко сказал: «Дорогие радиослушатели! А сейчас давайте разучим русскую народную песню «Во кузнице»! Это было так неожиданно, что «вороны» встrepенулись, заулыбались и вспомнили, что действительно была когда-то такая передача по радио, и она так и называлась: «Разучим песню». А он с серьезным лицом продолжал: «Прослушайте эту песню сначала в исполнении одинокого мужского голоса...» Все засмеялись уже дружно, уже проснулись они, мои милые студентки, от своего оцепенения и стали слушать.

И это надо было слышать, передать словами это невозможно. Ни голоса, ни слуха у единственного моего студента не было абсолютно, но он пел! Пело всё его тщедушное тело, пела душа. Когда он окончил, однокурсницы вынули свои озябшие ладони кто откуда: из подмышек, из-за пазухи, а некоторые из теплой впадины между круглых мягких колен, и долго аплодировали ему, как аплодируют знаменитому артисту обезумевшие от любви к нему поклонницы. Он улыбнулся, раскланялся, вновь натянул на лицо серьёзную маску и провозгласил: «А теперь прослушайте и запомните первый куплет», и медленно полупропел – полупродиктовал его в своей без голоса и слуха манере. За ним второй, третий со всеми припевами, и так до самого конца этой дивной весёлой песни. Когда же её кто запомнил, а кто просто вспомнил – и таких было большинство – он поднял, как дирижёр, свои руки и со словами: «А теперь все вместе!», запел, то голос его, его безголосье, потонуло, растворившись в звонких прекрасных женских и девичьих голосах. И над каменистой пустынею древней ледниковой озёрной котловины, поросшей низкой больной сосной, полетела радостная мелодия с бесхитростными словами. Лица у всех просветлели, всем стало тепло, и чтобы не растерять его, это живое тепло, молодые женщины и девушки положили руки на плечи своих соседок и стали волнами раскачиваться в такт пению. Перепало тепла и мне – мои соседки ещё теснее придвинулись ко мне, словно раскрепостившись и забыв, что я их преподаватель, обняли с двух сторон, и я пел вместе со всеми, полный простой человеческой радостью, согретый, пусть и заёмным на время, женским теплом...

«Пойдем, Дуня, во лесок!» – неслоь над мрачным пейзажем. А какой там «лесок»? Вокруг, насколько видит глаз, стояли на расстоянии пятнадцать-двадцать метров друг от друга низкорослые сосны с опущенными вниз от постоянной печали кронами, все облепленные чёрными лишайниками-паразитами. В таком «лесочке», если и по нужде захочешь сходить, место найдёшь укромное разве что за километр... А «дирижёр» наш всё пел, и ему вторил, перекрывая его, хор моих учениц, и никто уже не обращал внимания, что дождь давно перешёл в жесткую, секущую крупу. Казалось, что душа у нас большая, тёплая и прекрасная – одна на всех...

Переделкино, 14.02.1997 – Бирюлево, 25.07.2000

ТРИУМФ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

В этом промозглом мраке, на то и дело теряющейся тропке, почти превратившейся в ручеек из-за обложных дождей, среди унылых болот и старых гарей со скелетами деревьев, трудно было даже предположить, что всего в каких-нибудь ста метрах выше, над плотной пеленой слоистых облаков, светит яркое солнце. Так же трудно в этих обстоятельствах представить тёплый сухой дом Хибинской географической станции, куда мы возвращались из последнего, уже осточертевшего маршрута, мокрые, продрогшие, невыспавшиеся, истосковавшиеся по ласковым письмам наших милых однокурсниц. Мы только что спустились с высокого плато, и следом за нами, словно изгоняя нас из сердца любимых нами Хибин, спустилась, нет, скорее рухнула громада плотных, тёмных, чернильно-мрачных облаков, перенасыщенных влагой. А нам идти и ехать ещё не меньше, чем до позднего вечера, сначала выйти к станции Имандра, сесть там на поезд до Апатитов, оттуда на электричке до Кировска, а уж из Кировска до Юкспора на местном автобусе либо пешком. От сознания, что путь до цивилизованной жизни до бани (главное – до бани!) так далёк и изнурителен, настроение у нас не из лучших.

Но «дорогу осилит идущий», и мы осиливаем. Вот уже чуть развиднелось впереди, открылся просвет между серой нависшей пеленой и мокрым, чавкающим под ногами дном долины. В конце этого туннеля блеснули холодной сталью воды Имандры. Мы чуть-чуть повеселели, ноги сами собой пошли побыстрее, и мы не разуваясь, – всё равно все мокрые, хоть выжимай – перешли вброд реку, вышли на окраину посёлка Имандра и почти побежали к станции, стараясь попасть на ближайший поезд. Шли сначала по дощатым тротуарам, заботливо подведённым чуть ли не к каждому сиреневато-серому, иссечённому снегом дому. Потом, чтобы сократить путь, пошли напрямик по зелёной сочной траве и каменным проплешинам среди нее – «бараньим лбам», уже чуя характерный запах железной дороги. Совсем близко от станции на траве и камнях лежали несколько пьяных. Они не случайно лежали здесь, возле станции – места злачного. Только тут, вскочив во время короткой стоянки в вагон-ресторан поезда, можно было круглые сутки купить по расписанию выпивку, и расписание это они знали наизусть. Наши шаги по траве не потревожили пьяных во время их отдыха перед следующим поездом. Но когда кто-то из нас ступил на твердь «бараньего лба» подкованным сапогом, один пьяный недовольно (кто это тут мешает отдыхать?) приподнял голову, но тут же уронил её обратно. Она глухо, как пустая тыква, стукнулась о камень.

Что-то в нас зацепило его внимание – он увидел нашего товарища в круглых, похожих на пенсне очках, с аккуратной бородкой и высоким, чистым интеллигентным лбом. И поднял голову снова, потом опёрся на руки и стал приподниматься всей верхней частью туловища, как тюлень на лапах на лежбище. Лицо его стало меняться на глазах: из него исчезла пьяная тупость,

Хибинская база МГУ. Фото Ю.Л. Войтеховского.

из синего оно становилось белым, в глазах появились блеск и интерес к жизни. Весь его облик говорил, что он всю жизнь ждал этого момента, не надеялся дожидаться, но всё же дождался. Лицо его окончательно просветлело, нет, оно осветилось внутренним светом. Совершенно изнемогая от свалившегося на него счастья, он произнёс, всё ещё не веря в явь происходящего: «Антон Палыч!..», а затем восторженно, но уже теряя силы от непосильного переживания, выдохнул: «Чехов...», и упал, совершенно счастливый, на твердь. В этот момент, словно по заказу, мощный порыв арктического ветра сдёрнул над Имандрой покров облаков, и в образовавшийся прорыв хлынуло солнце! От резкой перемены освещения пьяный вновь очнулся, нашёл мутнеющим взором нашего товарища и заплетающимся языком, напрягаясь из последних сил, произнёс, пролепетал: «В человеке... всё ... путём...» Слова «должно быть прекрасно» не дались ему.

Вспомнив эту давнишнюю подлинную историю, я подумал: «Народ, в котором последний забулдыга видит на краю белой горячки не зелёных чертей, а Антона Павловича Чехова, бессмертен, и никакие смуты и реформы ему не страшны – он всё перемелет!».

Переделкино, 08.02.1997

КОЛЬСКИЙ СЕВЕР

Стальные реки, сиги, саги,
Сугробы, сполохи, снега.
И мягкость – липовые сани,
И строгость – чёрная тайга.

Горят озёра, как лампы,
Средь серокаменных вериг.
И на замёрзшем водопаде
Сверкнуло имя – Эдвард Григ.

И посейчас грохочут громы,
И содрогается земля –
Всё продолжают танец гномы
В пещере горной короля.

И реют сосны, словно стяги,
В седые древние века,
Когда вторгались в Русь варяги.
Как валуны из ледника.

И в снежно-каменной пустыне
Слились на кромке бытия
В единый лик моя Россия
И Скандинавия моя!

* * *

В краю, где поздняя весна
Чем долгожданней, тем дороже,
Растёт корявая сосна,
Что на судьбу мою похожа.

Она, как я, уже стара,
Почти всегда по пояс в снеге,
Стоит, встречая все ветра,
Что рвут и рвут с неё побеги.

Но, пропитав смолою ствол,
С корой, ободранной частично,
Она вынослива, как вол,
Хоть и не очень симпатична.

Она хранит достойный вид
В теплынь и долгие морозы.
И если вдруг заговорит,
То не унижится до прозы....

* * *

Ходил, пока ещё ходилось, –
Ходил вблизи, ходил вдали,
Воспринимая, словно милость,
Дары нехитрые земли.

Поляну, полную брусничкой,
В еловой чаще – зимовьё,
Не принимая мысли дикой,
Что это всё вокруг – твоё.

Брал от природы понемногу,
Не был от жадности слепым,
И не протапывал дорогу
Там, где достаточно тропы.

Берёг неяркое цветенье,
А лишь дарил прощальный взгляд.
И мне казалось, что растенья
Вот-вот со мной заговорят.

* * *

Путём, что мне уж тридцать лет знаком,
Сюда я возвращаюсь ненароком.
Рябина, чуть покрытая снежком,
Стоит одна в раздумии глубоком.

Здесь не в почёте пики и углы,
Здесь горы, как разрубленные плиты,
Похожи на гигантские столы,
И скатертями снежными накрыты.

ИЗЫСКАТЕЛЬ

Опять завывло, замело
В безлюдном каменном пейзаже.
Как здесь живётся тяжело –
Тебе растения расскажут.

Жильцы угрюмых этих мест,
Стоят, насупившись сурово.
И заменяет вид и жест
Им человеческое слово.

Вот ель с ободранной корой,
Как пограничник на опушке.
Она по-нашему – герой
С зелёным флагом на верхушке.

Она не так ещё стара,
Но покорёжена, побита.
Её терзают все ветра,
Поскольку всем она открыта.

А я за тридевять земель
Сюда приехал на разведку.
Передо мной маячит цель:
Как провести дороги ветку.

Я с выводом не поспешу,
И как зимою здесь пуржило,
Я досконально расспрошу
У молчаливых старожилов.

Ведь если спрашивать всерьёз
У них, живущих здесь от века, —
Они на каждый мой вопрос
Ответят лучше человека...

Я напишу про чахлый лес,
Я заключу в записки душу,
Чтоб наступающий прогресс
Не распростился с этой глушью.

И чтоб дороги новой нить,
Что в лес, как лезвие, вперолась,
Смогла сберечь и сохранить,
Что здесь страдало и боролось...

ЮКСПОРР

Пейзаж угрюм и нереален,
Пуста окрестность и мертва,
В ней груды каменных развалин
И ни живого существа.

Туман велит забыть о лете,
Что где-то в глубине долин.
А здесь, как на иной планете,
Ты беззащитен и один.

Но вдруг средь серости и мрака,
Из этой каменной земли,
Возник цветочек жёлтый мака,
Как точка солнышка вдали.

В МАРШРУТЕ

По тундре, чахлой и сырой,
В прохладе, белыми ночами,
Бреду с брезентовой горой
За чуть покатыми плечами.

А над моею головой,
К еде охвачен нетерпением,
Всегда кружится мошек рой,
Как над отбившимся оленем.

Со мной палатка и топор,
Еда нехитрая со мною.
Мне далеко ещё до гор,
Стоящих серою стеною.

Перехожу ручьи в пути —
Они слегка коричневатые.
Здесь человека не найти —
Кусты и травы не примяты.

Когда почувствую — устал,
И нарастает жажда дома,
Спокойно делаю привал
Вблизи любого водоёма.

И, счастья своего творец,
От налетающего ветра
Креплю брезентовый дворец,
Что ростом чуть поболее метра.

Потом завариваю чай,
Разогреваю ужин в миске,
И ветровой пустынный край
Мне кажется родным и близким...

ВУДЬЯВРЙОК

Взглянуть бы вновь издалека,
Хотя б одно мгновенье,
Как мускулистая река
Ворочает каменья.

Она по цвету голуба —
Её лишь пена белит.
Она, по сути, как судьба,
Что горе перемелет...

«ВРАГИ НАРОДА...»

Сверкала заполярная природа –
Мы шли в маршрут вдоль проволоки
стальной.

Нам говорили: «Там враги народа,
За этой охраняемой стеной».

Маячили на вышках конвоиры,
Ступали мы сторожко след во след,
И люди – существа иного мира –
Кричали, не надеясь на ответ.

С той каменистой, оголённой горки,
Открытой взорам – убежать нельзя –
Они просили хлеба и махорки,
Но мы угрюмо прятали глаза...

А ныне, в жизни много претерпевший,
Вобравший свет вернувшихся идей,
Склоняюсь у ограды проржавевшей,
Как пред могилой лучших из людей.

А на душе осел осадок горький,
И мне покой уже не обрести:
Ведь я тогда ни хлеба, ни махорки
Не смог, не захотел им принести...

* * *

С горы открылся дальний вид:
Касаясь кромки в небосклоне,
Безмолвно озеро лежит,
Зажато в каменной ладони.

Мне этот вид в награду дан
За восхождения отвагу –
Как будто хмурый великан
В горсти протягивает влагу.

Она, как небо, голуба,
Но в глубине мерцает сталью,
Как чья-то грустная судьба,
Улыбки скрытая вуалью.

Я вниз спуститься не спешу
К своей нежданной награде.
Я далью каменной дышу
В нагорной ветреной прохладе.

По глади блески серебра
За ветром вслед бегут послушно.
Природа всё-таки добра,
А не уныло-равнодушна...

ОЛЕНИ

Встань, затаись не дыша —
Радостно это мгновенье:
Будто плывя, не шурша,
Двигается стадо олень.

Ягель по ходу едят –
 Может быть, чувствуют даже:
 Скоро грядёт снегопад –
 Снегом над ягелем ляжет.

Будет глухая зима,
Будет бессолнечным небо.
Скудными станут корма –
Их добывать из-под снега.

Ну, а пока ещё тут
Не наступила острада,
Тихо олени плывут,
Как уцелевшее чудо...

МУРМАНИТ

Нашёл на склоне редкий минерал,
Лиловым светом до краёв налитый.
Я никогда подобных не встречал —
Он мне казался камнем Аэлиты...
И посейчас — лишь пристально
вгляжусь —
Я вижу мир, чужой и отдалённый.
Мерцает в камне неземная грусть,
Как будто о любви неразделённой...

РАССВЕТ В ХИБИНАХ

Спим под кривой берёзой
Возле угасших костров.
Рассвет пронзительно розов,
Холмы как стадо коров.

На скате зелёном, мягком,
Словно огни зажглись –
Полярные жёлтые маки
Резво сбегают вниз.

Холод речной безвреден:
Окатишься – и бегом!
Возле палатки медведи
Играют твоим сапогом...

За кашу берёшься рьяно,
Чай обжигает рот,
И чистое – без тумана –
Багровое солнце встаёт...

* * *

Я одолел высокий перевал
И сбросил с плеч намокшую поклажу.
Здесь до меня навряд ли кто бывал, –
Всё первозданно, судя по пейзажу.

В седых камнях начало брал ручей,
Чтоб где-то ниже речкою разлиться.
Пейзаж был мой, и более ничей,
И жаль, что не с кем было поделиться.

* * *

Сижу над горною рекой,
Она пород шлифует плиты.
Вокруг прохлада и покой,
И мы на миг с природой слиты.

Вблизи мелькнула чья-то тень,
И легкий шаг коснулся слуха,
И подошёл ко мне олень,
И воздух трепетно понюхал.

Потом побрёл своим путём,
Куртинки ягеля срывая,
И продолжала мне о нём
Вода рассказывать живая.

Я не опомнился ещё
От посещения оленя,
Как птица села на плечо,
Перепорхнула на колени.

И я сидел, и в тишине
Боялся чуть пошевелинуться,

Как в дорогом желанном сне,
Когда не хочется проснуться.

НА ПЛАТО РАСВУМЧОРР

Внизу шумела горная река
В расщелине, зияющей и тесной.
Я шёл, держась рукой за облака,
Чтоб не сорваться с крутизны отвесной.

Иных в округе не было перил.
В груди моей быстрее сердце билось.
За близость к небу страхом я платил,
Но страх забылся, небо – не забылось.

ХИБИНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Перо, немного туши чёрной,
Иль просто чёрный карандаш, –
Пишу невыдуманный, горный,
Дождями вымытый пейзаж.

Скалы угластые изломы –
Лицо чудовища анфас –
Как стены комнаты знакомы,
Где обитаю я сейчас.

Здесь надо всем довлеет камень:
Обломки, глыбы, валуны.
Лишь ели чёрными штрихами,
Как восходители видны.

Им не добраться до вершины,
Не задержаться даже тут –
Их белоснежные лавины
В одно мгновение сметут.

И словно рухнувшие с неба,
Лежать останутся стволы
Среди камней и скопищ снега,
У ног ликующей скалы.

В ВЕРХОВЬЯХ ВУОННЕМЙОКА

Три сверкающих струи –
Три гигантских водопада.
Отдыхаю в забытии –
Здесь и свежесть, и прохлада.

А они спешат, спешат,
Словно спешка им в охоту,
И водой своей вершат
Незаметную работу.
Пилят чёрную скалу,
Ни на миг не иссякая,
Серебристую пилу
От скалы не отпуская.
Пролетят за годом год
Вдохновенного веселья.
Мой потомок здесь найдёт
Три зияющих ущелья.
И, возможно, как и я,
Поражён картиной странной,
Смысл увидит бытия
Лишь в работе неустанной.

НА ЧАСНАЧОРРЕ

На кручу влез, цепляясь за кусты, —
Открылась мне нагорная равнина:
Немое море дикой красоты,
Где все детали слиты воедино.
Камней замшелых серые пласты
И кустики лишайников кудрявых —
Всё лишено налёта суеты
И воплотилось в формах величавых.
Лимонный мак в расщелине цветёт,
И блещет цветом розовым селена.
Гляди, вбирай — о, сколько же щедрот
В тобой открытой и живой вселенной!
...Пора спускаться — времени в обрез,
Попутчики уж кличут в нетерпенье.
Но на плато недаром я залез —
На душу снизошло успокоенье.
И там, внизу, в разреженном лесу,
На тропке, спотыкаясь о коренья,
В своей душе картину пронесу,
Что так свежа, как в первый день
творенья...

* * *

А мне ненадобно зарядки —
Она уныла и мертва!
Я вылезаю из палатки —
И за топор, и за дрова!
Рублю гигантскую лесину,
Неторопливый, как медведь.
Тут надо к ловкости и силу
Незаурядную иметь!
И зарядившись этак плотно,
И после сбегав за водой,
Я развожу костёр походный —
Огонь извечно молодой.
И после завтрака крутого,
Что супо-кашею зовут,
И покурив ещё немного,
Иду в намеченный маршрут.

Вконец выматываюсь за день
И прихожу едва живой...
Но мною путь для трассы найден
В обход лавины снеговой!

НА ПЛАТО

Лежит развал камней гигантский
Насколько видно — без конца.
Пейзаж как будто марсианский:
Ни кустика, ни деревца.
И лишь куртинки камнеломок,
Что крепко лепятся к скале,
Вовсю твердят тебе: «Ты — дома,
Ты, как и прежде, на земле...»

* * *

Такая крупная черника,
Что миновать её грешно!
Устроим отдых невеликий
И наедемся заодно.
Чтоб спины малость поостыли,
На время скинем рюкзаки.
Но наши радости простые
Всегда безмерно коротки.

И, вновь взвалив рюкзак на плечи –
Нас подгоняют комары, –
Идём, – ведь нам ещё далече
До той сверкающей горы.

На ней, от той зимы доныне,
Слепя уставшие глаза,
Поля сверкают ледяные, –
Нам не дойти до них нельзя.

Взобраться на крутые скалы,
Потом со скал обратно слезть.
Собрать в дороге минералы,
Чтоб даром хлебушек не есть.

В УСТЬЕ ТУЛЬЮКА

Да, жизнь тогда казалась розовой –
Не раздражала, а ласкала,
Когда водою мне Умбозеро
На кеды рваные плескала.

А я стоял на камне сглаженном,
Следил за волнами крутыми.
И на плечах рюкзак прилаженный
Казался крыльями моими.

Что до поры спокойно сложены,
Ещё не тронуты ветрами.
Но грянет миг – и я восторженно
Взлечу над снежными горами!

* * *

Пейзаж печальный и унылый,
Но ты внимательней взглядишь,
С какой неистовою силой
Его осваивает жизнь.

Средь крепких глыб породы чёрной,
На неприметном островке,
Вон притаился щавель горный –
Листки на тонком стебельке.

И уж совсем как будто дома,
Вступив в законные права,
Цветут куртинки камнеломок
И куропаточья трава.

За краткий срок до мглы морозной,
До ветровейных жёстких дней,

Здесь куропатки строят гнёзда
Среди разбросанных камней.

Презрев погоды вероломство
И постоянный жуткий страх,
Выводят славное потомство –
Комочки пуха на ногах.

И веет нежностью и лаской,
И паутинки липнет нить.
И ты идёшь уже с опаской,
Чтоб ничего не повредить.

Едва заметная тропинка
Ведёт к далёкой буровой.
И машет каждая травинка
Тебе цветущей головой...

В УЩЕЛЬЕ ГАКМАНА

Как глубоко я в прошлое проник! –
Туда ведёт узкоколейки ветка.
Пейзаж души: заброшенный рудник
И ржавая, пустая вагонетка...

Полоски рельсов скрылись в лебеду,
Им бег колёс не слышится, не снится.
Давным-давно тут выбрали руду,
Остались лишь ничтожные крупницы.

Но верю я, коль постараться мне, –
Тогда в пластах, в изогнутых породах,
Ещё сверкнёт в подземной глубине
Невиданный доселе самородок!

ПОЛЯРНЫЕ МАКИ

Я шёл в тумане, и во мраке –
Созданья каменной земли –
Мне путь указывали маки,
Что тоже вниз куда-то шли.

Нестройной, редкою толпою,
Лимонно-жёлтой, золотой,
Они стремились к водопою
Вслед за стекающей водой.

Средь глыб, нахмуренных и серых,
Вдали тропинок и дорог,
Они в меня вселяли веру,
Что я совсем не одинок.

И путь казался безопасным,
И ненатужно я постиг:
Уж если что в пути неясно –
Вполне могу спросить у них.

* * *

Грянул взрыв, и развалилась
Словно надвое гора.
Сердцевина обнажилась
Серебристого нутра.

Волны пыли оседали,
Продолжался камнепад.
Резво гномы убегали,
Что хранили этот клад.

Эхо грохота умолкло –
Снова слышен плеск реки.
Но в траве мелькали долго
Их смешные колпаки.

Словно их простое братство,
Затаившись до поры,
Уносило всё богатство
Из расколотой горы.

Колпаки с травой смешались
И растаяли вдали.
Руды ценные остались,
Только сказку унесли...

КОЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Источник для стихов
Пробился невеликий:
Зелёный бархат мхов
И кустики брусники.

Да редкая сосна,
Крепка и коренаста,
И снега белизна
Поодаль для контраста.

И моросью вокруг
Всё вымыто до блеска.
Вспорхнёт синица вдруг,
Испуганно и резко.

Процинькает она,
Откуда – незаметно,

И снова тишина
На сотни километров.

...Окончен вернисаж
Под небом – тонкой крышей.
Люблю простой пейзаж
Любых иных превыше.

Где пасмурная даль
К признаньям не неволит,
Но каждая деталь
О вечности глаголет...

СЕВЕРНЫЙ БАЗАР

Краски северного базара
Не сравнишь с полыханьем пожара:
Всё здесь блекло и всё белёсо,
Как песчаные косы у плёса.

Голубика сияет странно,
Словно вынутая из тумана.

Ряды мясные
Продают не борова,
А дары лесные,
Дары бора:
Светлые перья –
Цвет доверья,
Струйка красная –
Цвет потери...
Эх, тетёрочка,
Эх, тетеря!

А из серой холщовой сумы
Выглядывают пепельные пимы:
Не скупись – купи и надень, –
Станешь стремительным, как олень!

Только мне не нужны пимы –
Далеко ещё до зимы.
Наберу я брусничных бус,
Кисловато-терпких на вкус.

И пойду по базару, пойду.
И хоть я у всех на виду,
Но никто за полу не тянет.
И тонет базар в тумане...

Приглушённые голоса,
Ненавязчивая краса...

В ЛОВОЗЕРЕ

Под голубыми небесами,
Обутый в старые пимы,
Саам спокойно ладит сани
Для наступающей зимы.
Они точней зовутся нарты,
И дикой тундрою самой
На них без компаса и карты
Он будет странствовать зимой.
Там белизна вокруг сквозная –
Нет ни тропинки, ни пути.
Олень и сам отлично знает
Куда и как его везти.
Ему, сааму, всё знакомо –
Болота, пустоши и лес.
Он в тундре ветреной как дома
Под серым пологом небес.
Он не берёт вещей случайных,
Как изыскатель и студент.
Его поклажа – старый чайник,
Немного соли, спички, тент.
И я стремлюсь, хоть это трудно –
Он жил здесь века испокон –
Познать разбросанную тундру,
Пускай не так, как знает он.
И чтоб в труде своём несладком,
В жару и холод, в дождь и снег,
Смог обходиться без палатки
И находить везде ночлег.
Неторопливо, как природа,
Жить, как другие здесь живут.
И поучиться у народа
Не посчитать за тяжкий труд.

В ЛЕСУ

От женщины пахло лесом,
Хвоей, смолой, тимьяном.

Шла она тихо рядом,
И руки наши касались.

Лицо её было смуглым
И, словно от слез, блестело,
Омытое чистой влагой
Северного циклона.

Она говорила мягко,
С глубокой сердечной грустью,
О жизни своей прошлой,
О грубом и злом муже.

Я слушал её повесть,
Немея от изумленья:
Судьба её, как две капли,
С моею судьбой схожа...

И я неотвязно думал,
Она – оказалось – тоже:
Что счастье из двух несчастий
Строить нам будет трудно...

ДОРОГА КИРОВСК-КОАШВА

Я был тогда простым рабочим, –
Валил, где нужно, чахлый лес,
В шурфах лопатою ворочал,
На кручи каменные лез.
Я трассу будущую метил –
Дорогу к залежам руды.
С годами стали видны эти
Трудов давнишние следы –
Средь скал, обветренных и голых,
Средь ледниковых валунов,
Взрос сверкающий посёлок
Из белых кубиков – домов.
К нему сквозь гиблые болота,
К подножью шахтного ствола,
Как белый след от самолёта,
Моя дорога пролегла.
Она была теперь крылата –
По ней летел машин поток, –
Я ж прошагал её когда-то
С поклажей вдоль и поперек.

И, горд сознанием законным,
Что в каждой капельке руды,
Из недр на пользу извлечённой –
Мои заложены труды.
И значат пусть они немного –
Не в мере, видимо, вопрос, –
Я говорю: «Моя дорога, –
Я на себе её пронёс!»

АЙКУАЙВЕНЧОРР

У заполярного вокзала
Электровоз вскричал «Пора!»
Меня в дорогу провожала
В снега одетая гора.
Ветрами согнутые ели,
По ней брели – по склону ввысь,
И струи белые метели
Над ней, как волосы, вились.
Она казалась мне живою,
И как-то вырвалось само:
«Я всей душой навек с тобою,
Я напишу тебе письмо!»

ВОСПОМИНАНИЕ

Заполонив пространства пустоту,
Морозный воздух трассами пронзая,
Несётся снег, сверкая на лету,
Несётся снег, из вида исчеза.

Когда-то я в такой же снегопад
Пешком по тундре шёл оледенелой,
Без компаса и карты – наугад,
И жизнь моя на волоске висела.

Продрогший, незадачливый студент,
Чтоб не ходить измученно по кругу,
Разжёл костёр по прозвищу
«Ташкент»

И переждал взбесившуюся вьюгу.
...А за окном снежинки всё летят –
Уже давно предзимье, а не осень.
И неизменно каждый снегопад
Меня на крыльях к юности уносит...

* * *

Над палаткой развиднелось –
Завершился снегопад.
Как нагрывавшая зрелость,
Гроздь красные висят.

Припорошенные снегом,
Стали ярче и сочнее...
Мне прожить под этим небом
Ну, от силы десять дней.

Сделать краткие маршруты
Неустойчивой зимой.
И объявятся минуты
Возвращения домой.

Чтобы там, в столичном гаме,
В жизни шумной и живой,
Измерять асфальт ногами
По привычке полевой.

Красоту трудов минувших
Вспоминать наверняка.
И ходить, слегка согнувшись,
Как под гнётом рюкзака.

Вспоминать, что там осталось
Одиноким зимовьё.
И хранить в душе усталость,
Словно счастье своё...

ОТСВЕТ СЕВЕРА

Миновала вечность целая,
Ночь окончилась едва –
Прилетела туча белая,
Как полярная сова.

Тихо крыльями захлопала,
И в ответ на каждый взмах,
Оседали снега хлопьями
На долинах и холмах.

Никакого грома-молнии,
Беспокойствия и зла –
Белоснежное безмолвие
К нам на крыльях принесла.

ЛУКЬЯНОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА

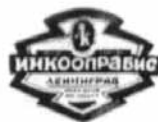
Лукьянова (Соседко) Татьяна Александровна – кандидат геолого-минералогических наук, минералог. Родилась в Ленинграде, с августа 1941 по ноябрь 1944 г. была в эвакуации в Миассе, Южный Урал, где неоднократно встречалась с акад. А.Е. Ферсманом. В 1957 г. закончила геологический факультет ЛГУ и до 1962 г. работала в Геологическом институте КФ АН СССР. Затем обучалась в аспирантуре ЛГУ у проф. В.А. Франк-Каменецкого, по её окончании защитила диссертацию. В 1966-1993 гг. работала в отделе минералогии и петрографии ВСЕГЕИ. Выйдя на пенсию, написала замечательную книгу «Хотя на миг причастен будь» (СПб.: ВСЕГЕИ, 2004) об отце к.г.-м.н. А.Ф. Соседко, соратнике акад. А.Е. Ферсмана, известном исследователе геологии Кольского п-ова, первооткрывателе редкометальной провинции Колмозеро-Воронья. С видеостудией «Эдельрим» (СПб) создала цикл научно-популярных видеофильмов «Академик Ферсман» (2008), «Исследование Центральной части Кольского п-ова» (2009) и «Самоцветы» (2011), образовательное и патриотическое значение которых трудно переоценить. В работе – ещё два видеофильма. В памяти у Т.А. – множество интересных событий, время от времени побуждающих к написанию рассказов, которые и предлагаются вниманию читателей. – *Ред.*

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Из военного детства

Причастность

Началась война, и в конце июля 1941 г. я, в возрасте 7 лет, вместе с мамой эвакуировалась из Ленинграда на Урал в г. Миасс. Три года, проведённые на чужбине в условиях военного тыла и сурового уральского климата, для нас, детей, были временем тяжких испытаний. Мы учились, трудились дома, рано взрослели, отчётливо понимая смысл слова «надо», ответственно и серьёзно относясь к своим обязанностям. Мы ценили дружбу и маленькие радости. Всех людей нашей страны объединяло тогда всеобщее желание победить. Для этого каждый трудился, не жалея сил, не только на рабочем месте. Дети тоже делали, что могли. Мы шили кисеты для солдат, собирали тёплую одежду для отправки на фронт; ходили в госпитали, где пели для раненых бойцов и помогали писать письма домой тем из них, которые сами это сделать не могли. Дома тоже было много работы. Приходилось копать целину, чтобы посадить картошку – основную нашу пищу, летом пилить дрова, чтобы варить еду и отапливать жилое помещение. Много было и других необходимых дел. Дождались победы и, радуясь ей, испытали чувство причастности к этому великому делу. Но сейчас вспоминаются, пожалуй, не трудности, голод и лишения, а маленькие и большие, забавные и смешные, порой очень, события тех лет. Городские дети, мы оказались в условиях деревенской жизни старого Миасса, и наше не часто выпадавшее свободное время проходило среди коров, овец, кур, огородов, сеновалов. Мы находили там возможность весело проводить время, радуясь собственным выдумкам и самодельным игрушкам в любое время года. Был простор для творчества. Эти незатейливые забавы до сих пор при воспоминании вызывают улыбку.

*ПЕТЕРГОФСКИЕ
ФОНТАНЫ 1941*

Таня Соседко у Петергофских фонтанов за две недели до начала войны.

Зимой и весной

Вспоминаются суровые уральские зимы с 50-градусными морозами, а с ними катание вдвоём с подружкой одновременно на одной паре коньков, прикрученных на валенки с помощью палки и верёвки. По одному коньку на каждую... Узнав о том, что мы занимаемся такого вида спортом, отец выменял на рынке ржавые коньки «снегурки» на хлеб. Он всю ночь трудился над ними, чтобы они блестели и выглядели, как новые, а утром в день моего рождения положил их у моей кровати... Как в сказке «Серебряные коньки»! Этот подарок для меня был самым дорогим из всех, какие я когда-либо получала в своей жизни!

Когда река освобождалась ото льда, сковавшего её на всю зиму белым толстым панцирем, приходили старатели, которые, стоя много часов в воде, мыли золото. Тогда с реки доносился скрежет железной лопаты о каменную дресву. Старатели черпали лопатами со дна реки донные осадки, бросали их на верхнюю часть драги, которая походила на катальную горку, и промывали их водой. Она сносила обратно в реку частицы лёгких минералов, оставляя на покрытых ворсистым материалом ступеньках драги тяжёлые золотинки. Так я впервые познакомилась с добычей полезных ископаемых. Нам нравилось помогать старателям в их работе, а потом купаться в сделанных ими ямах. В ноябре 1944 г. в возрасте 10 лет, покидая дом, который приютил нас на 3 года, я остановилась на мгновение, чтобы ещё раз посмотреть на старателей и послушать «звук их работы».

С наступлением весны солнышко избавляло землю от бремени большого количества снега и льда. Белый пушистый покров превращался в воду. По дорогам, где плотный, слежавшийся снег, перемежаясь со льдом, толстым слоем лежал на тротуарах и проезжей части улиц, талая вода проделывала «глубокие каньоны». Мы тогда любили играть у своего дома на набережной р. Миасс, по которой почти никто не ездил. Это занятие у нас называлось «помогать весне». Мы убирали заторы на пути весело бегущей и звенящей воды, пробивали для неё новые пути, спуская её из образовавшихся лужиц и направляя течение к реке. Не было лопаток, но мы для этого использовали любые подручные средства. В результате наших усилий бежал новый ручеёк, журча, сверкая на солнце и «напевая» песенку:

*Солнце в золоте, ручей мне подмигивает,
Через улицу ручей перепрыгивает.
«Ах, ручей, чей ты, чей?» – «Я из снега и лучей.
Я бегу, я смеюсь, я сейчас с другим сольюсь».*

Огород на подоконнике

Однажды в конце лета 1943 г. мне подарили 3 кустика цветущих помидоров с маленькими зелёными помидорчиками, которые я посадила в старые кастрюли. Пока было тепло, они стояли во дворе на возвышении, чтобы не поклевали куры. С наступлением ранних холодов кастрюли с растениями были

перенесены в дом и поставлены на подоконник. Поливала и любила я свой «огород», наблюдая за развитием маленьких помидорчиков из цветов. Они мне доставляли большую радость, как куст цветущих роз у окошка Кая и Герды в сказке «Снежная королева». Каждое утро я отмечала, насколько помидорчики подросли и, однажды, проснувшись, увидела, что один уже совсем красный и спелый. С того момента каждое утро вплоть до глубокой осени я с радостью обнаруживала несколько созревших удивительно сладких и вкусных плодов. В общей сложности их созрело 70 штук!

В лесу

Горы вплотную подходили к Миассу, и от его последней улицы вверх вела извилистая тропинка на вершину горы, где рос чудесный, преимущественно сосновый, лес. Летом и осенью мы ходили туда за дополнительным питанием. В нашу корзинку попадали рыжики, маслята, подберёзовики, а главное, знаменитые, вкусные уральские белые грузди. Вырастая, груздь часто не вылезает весь на поверхность, а лишь приподнимает над собой еле приметным бугорком землю или мох. Виден лишь кусочек белой шляпки гриба. Не просто было найти белый груздь. Уральская лесная клубника, вкусная и ароматная, была лакомством для нас. Конечно, собирали чернику с костянкой и бруснику. Много было под деревьями и на открытых полянках красивых цветов, среди которых запомнились анемоны – крупные фиолетовые цветы с мохнатыми лепестками. У нас их «культурные» родственники называются сон-травой. В лесу можно было найти покинутую на лето медвежью берлогу и залезть в неё, не опасаясь гнева бывшего хозяина, что мы однажды и сделали. Склон горы, обращённый к городу, голый и до-

Уральский лес на берегу оз. Тургойак. г. Миасс. Фото Т. Соседко.

вольно крутой. Вершина горы и другой – пологий её склон, покрыты густым хвойным лесом. У подножья – Ильменское озеро. На берегу озера в домиках, где до войны была турбаза, жили некоторые сотрудники А.Е. Ферсмана по ЭОН (экспедиции особого назначения). Среди них – семья Д.Л. Арманда, который с моим отцом работал у Александра Евгеньевича в этой экспедиции. Однажды меня пригласили на ёлку, устроенную для детей Арманда – мальчика Алёши и его младшей сестры. Мне было тогда 8 или 9 лет. Я была очень удивлена, увидев вместо ёлки наряженную к празднику сосну. Ёлок в лесу было мало. Этот мальчик Алёша Арманд, в середине 1950-х стал сотрудником Геологического института Кольского филиала АН СССР, где мы с ним и встретились спустя много лет.

Общение с лошадьми

Очень часто на Урале нам, детям, приходилось оставаться одним, так как взрослые были заняты. Игрушек у нас не было, и делали их мы сами, выдумывали игры, учились жить самостоятельно, принимать решения в трудные минуты. Учились любить, жалеть, сострадать, а если надо, то и ненавидеть.

Так, мы воевали с «жестоким, злым» водовозом. Рядом с нашим домом находился испанский детский дом, эвакуированный из Ленинграда. Там жили дети, вывезенные из Испании в СССР в середине 1930-х. Дочь директора детского дома была моей подругой, и мы часто играли на его территории. В детский дом возили питьевую воду в бочке, боком положенной на телегу, в которую был запряжён рыжий конь – по виду «одер», а по имени Орёл. Он был очень худой, его бока напоминали стиральную доску – все рёбра наружу. Кучер очень грубо с ним обращался. Когда надо было въезжать во двор с тяжёлой бочкой, до краёв наполненной водой, и преодолевать препятствие в виде порога, Орёл старался изо всех сил. Особенно тяжело было ему это делать зимой. Не получалось! Тогда на наших глазах кучер нещадно хлестал его кнутом. Конь напрягал последние силы; туловище его подавалось вперед, ноги ещё были где-то сзади, шея вытянута. Пар от него валил в морозный воздух, из пасти вырывалось шумное дыхание, сосульки колыхались под его заиндеветой мордой. Жалко и больно было смотреть на это несчастное животное! Сколько любви и жалости к нему и ненависти к кучеру рождали в наших сердцах эти сцены. Мы приносили бедному Орёлушке корочки хлеба, гладили его натруженную шею, а он смотрел на нас благодарными, умными глазами, узнавая нас при встрече. Кучеру мы устраивали всякие козни за его жестокое обращение с животным.

Кроме Миасской санэпидстанции, где мама в основном работала, она ещё была секретарем секции научных работников при Экспедиции особого назначения у А.Е. Ферсмана. Как-то на заседание секции мама взяла меня с собой, и мы на санках, в которые запряжена была резвая лошадка, морозным днём ехали из Миасса в Ильменский заповедник (около 5 км). Хорошая, на-

езженная санями дорога шла по горам и замёрзшему Ильменскому озеру. В красивом лесу тишина. Горы покрыты толстым слоем чистого снега. Со-сны с мохнатыми лапами одеты в толстые снежные белые шубы. Под копы-тами лошади и полозьями саней, легко скользящими по укатанной дороге, скрипел и хрустел плотный снег. Пар вырывался из ноздрей лошади и, бы-стро превращаясь в иней, оседал на её мохнатой морде. В санях мы, тепло одетые, сидели на мягком сене. Нас было четверо: кучер, мама, я и гидро-граф, исследователь Арктики, писатель Всеволод Апполинарьевич Васне-цов, сын одного, племянник другого знаменитых русских художников. Все-волод Апполинарьевич написал прекрасную книгу «Под звёздным флагом Персея» об исследовании Арктики в 1920-х. Он сам плавал на «Персее».

В 1944 г. нам отвели участок земли для посадки овощей в 20-ти км от города. Однажды, в одну из поездок туда нас взял с собой П.П. Боровиков (тогда начальник эвакуированного из Ленинграда «Ленгеолнерудтреста», а после войны – сотрудник ВСЕГЕИ). Боровиков имел свой выезд – коляску с прекрасным конём по имени Наместник. Ухоженный конь тёмно-коричневой масти, сильный, молодой не стоял на месте, всегда готовый к быстрому бегу. Он легко, как пёрышко, вёз за собой повозку, в которой сидело 4 человека, ис-пытывая наслаждение от движения, в которое он вкладывал, казалось, только часть своей безграничной силы. Каждый мускул его тела играл под гладкой, лоснящейся кожей. Я целый день любила это роскошное животное, делясь с ним своей скудной едой – кусочком хлеба, который он снисходительно, не спеша, брал у меня с ладони своими нежными, бархатными губами. С бла-годарностью и гордостью принимая угощение, он искоса смотрел на меня умным, спокойным лиловым глазом! Иногда мне давали в руки вожжи, тогда я ощущала себя на верху блаженства. Власть над этим красавцем доставля-ла мне несказанное удовольствие. Огромный, сильный, он моментально реа-гировал на робкое, лёгкое подёргивание вожжей моими слабыми детскими руками. Весь день он был мой. Долго потом я с любовью его вспоминала, и слово «наместник» для меня означало только имя любимого коня. Горько было узнать, что в конце войны он возил уже не лёгкие повозки и сани с на-чальством, а тяжёлые грузы и превратился в старого одра. Но в моей памяти остался образ сказочного красавца! Основательное знакомство с лошадьми у меня состоялось позднее. Но об этом ниже.

Спустя 33 года я снова посетила г. Миасс. С трепетом и теплом в душе подъезжала я первый раз к старому Миассу и тому месту, где мы некогда жили. Скомканный автобусный билет намок у меня в потной от волнения руке. Мне казалось, что я попала в своё детство, снова стала той маленькой девочкой Таней, и что осуществилась моя просьба: «Дайте до детства обрат-ный билет». Всё здесь показалось мне маленьким по сравнению с размерами всех, сохранившихся в моей памяти, объектов: маленькие дома, узкая речка, неширокая травяная набережная и нависший над рекой обрыв против нашего дома. То давнее время было временем, «когда деревья были большими»! Мы

постояли около дома, где прошли мои 3 года эвакуации, на берегу р. Миасс, прошлись по набережной, погуляли по городу, дошли до моей школы, где я поступила в первый класс в 1942 г. и проучилась два года. В доме, где мы жили, были уже другие хозяева, которые не знали его старых обитателей.

Минералы покорили

В школу я пошла в 1942 г., и первое знакомство с породами и минералами состоялось у меня в первом классе. Наша молодая учительница Елизавета Александровна однажды повела весь класс в горы, которые окружали г. Миасс со всех сторон. Там она показала нам коренные выходы гранита и составляющие его минералы: кварц, полевой шпат и слюду. Мы взяли с собой образцы этих минералов и рядом лежащую почву. В школе мы её «исследовали»: просеивали, промывали и смотрели, что получалось. Мы выполнили «шлиховой анализ» и были в восторге от урока на природе и первых самостоятельных «исследований».

Продолжение знакомства с минералами у меня состоялось, в 1950 г., когда мой отец, Александр Федорович Соседко, начал работать в Кольском филиале АН СССР на редкометальных гранитных пегматитах Вороньей тундры. У нас дома в Ленинграде стали появляться красивые и ценные минералы из этих пегматитов, а также люди, увлечённые их исследованием. Плоские светло-зелёные, молочно-белые и нежно-розовые «брусочки» литийсодержащего сподумена были колючи на сколах и тяжелы. Берилл, часто по виду походивший на кварц, встречался в форме удлинённых зеленоватых шестигранных призм или молочно-белых короткостолбчатых кристаллов. Были бериллы и не имеющие явно выраженной формы – нежно-розовые и дымчатые воробьевиты. Тут был и поллуцит – тяжёлый молочно-белый или нежно-фиолетовый минерал с жирным блеском, содержащий цезий. Особенно поража́л разнообразием окраски и формы турмалин, минерал сложного состава, содержащий бор. Он был чёрный, синий, зелёный, фишашковый, розовый, красный. В кристалле полихромного турмалина можно было наблюдать непрерывную смену цветов от чёрного через синий и зелёный к красному или от чёрного к зелёному и другие красивые сочетания. Удивление вызывали причудливые «пачки» разнообразных слюд, окрашенных в золотистожёлтые, зелёные, ярко-розовые тона. Лепидолиты (литиевые слюды) образовывали пачки из крупных «листочков» тёмно-фиолетового цвета и агрегат мелких чешуек, крепко сросшихся с кварцем. Оригинальны концентрически-скорлуповатые формы лепидолитов, носящих название «барботов глаз».

Глядя на эти удивительные минералы, я и решила стать геологом, минералогом. Много удивительного в разнообразном мире минералов и горных пород, слагающих твёрдую оболочку нашей планеты. Их можно увидеть в кабинете геолога, минералогических и геологических музеях, природе, там, где они возникли. Но ещё проще посмотреть под ноги, идя по каменному полу станций метро или тротуарам, которые сделаны из каменных плит.

Образец редкометального пегматита с полихромным турмалином.
Кольский п-в, Воронья тундра, Васин-Мыльк, 1955 г.

На полированной поверхности плит гранита «рапакиви», которыми устлан пол на многих станциях ленинградского метрополитена, выявляются удивительные «картины», к которым стоит присмотреться. Гранит – излюбленный строительный камень в нашем городе. Парапеты набережных, постаменты памятников, цоколи зданий и многие другие элементы архитектуры сделаны из него. Стоит обратить на него внимание, и не только на него.

ЭКСПЕДИЦИИ

Вода-воздух-вода

Во время учёбы на Геологическом факультете ЛГУ в 1952-1957 гг. мне посчастливилось работать в экспедициях на Кольском п-ве (1954), в Туве (1955) и Забайкалье (1956). После окончания университета я пять лет (1957-1962) работала в Геологическом ин-те КФАН СССР в Вороньих тундрах. Остались яркие впечатления об этом времени.

В 1954 г., после 2-го курса летом состоялась моя первая экспедиция и знакомство с Кольским п-вом. Наш отряд в количестве пяти человек должен был вылететь к месту работы на шести гидросамолетах типа Ш-2 (шаврушках) из маленького аэропорта, который обслуживал гидросамолёты и находился на берегу оз. Имандра. В каждом из пяти самолётов – пилот, один пассажир и сзади груз. Шестой самолёт вёз только груз. Стояла хорошая, не частая для севера погода. Вода под лодочками «разбегающегося» гидросамолёта кипела, пенилась, шумела и, недовольная тем, что её потревожили, обдавала пассажиров мелкими брызгами, красиво искрящимися на солнце разноцветными капельками. Самолёт плыл по воде с большой скоростью,

пока не оторвался от её поверхности. Один за другим все шесть самолётов взлетели и взяли курс на север. Кабина открытая, высота полёта около 500 м, красота неопишная. Летели над южной частью Хибинских гор, над Ловозёрскими тундрами и далее на север над р. Вороньей по направлению её течения в сторону Баренцева моря. Под нами лежала пестроцветная тундра, суровые горы, а между ними голубые озёра, на поверхности которых плавали отражённые, как в зеркале, белые кучевые облака. В видимости каждого были все пять самолётов и, покачивая крыльями, мы приветствовали друг друга. После сравнительно недолгого полёта самолёты один за другим с маленькими интервалами приводнились у Вороньего погоста.

Потом был пеший 15-ти километровый переход с вьючной лошадей по имени Герой, лагерь на берегу оз. Грибного, еда, приготовленная на костре, редкометальные пегматиты, обилие грибов, подстреленных куропаток и пойманной в озёрах рыбы, усеянные янтарной морошкой кочки на болотах, тучи комаров и частые морозящие дожди. Молодёжная компания, интересная работа, прекрасная практика и в результате – дружба на многие годы. Среди нас был студент третьего курса Геологического факультета ЛГУ, мой однокашник, Владимир Гордиенко, в будущем сотрудник Кольского филиала АН СССР, позднее – доктор наук, заслуженный деятель науки, профессор ЛГУ-СПбГУ.

Возле гидросамолёта. Фото Т. Соседко.

Вид с самолёта. Фото Т. Соседко.

В Туве

После 3 курса летом 1955 г. я проходила летнюю производственную практику в Ю-В части Тувы и три месяца была в необитаемых и мало изученных горах хр. Сангилен. Мне посчастливилось увидеть там много интересного и убедиться в том, что в нашей стране много мест с дивной природой. Довелось пережить опасные и прекрасные мгновения.

От Москвы до Абакана с пересадкой в Ачинске мы ехали на поезде. В Абакане пересели на грузовую машину, чтобы, проехав 400 км, прибыть в Кызыл, столицу Тувы. Впечатлил своей мощью Енисей, когда плыли на пароме. Здесь его берега то обрывистые, почти вертикально уходящие в воду высокой каменной стеной, то пологие, обильно поросшие растительностью. Даже здесь, недалеко от истоков, Енисей широк и полноводен! Собрав «дань» с гор Тувы и Монголии, быстро несёт он свои холодные воды с юга на север многие сотни километров. Мы направлялись к Саянам. Вблизи гор в воздухе неожиданно появилась туча больших белых бабочек. Создавалось впечатление, что повалил крупный снег. Насекомые били по лицу, по машине. Колёса давили их сотнями. Через полчаса они исчезли так же внезапно, как и появились. Впереди мы уже могли различить остроугольные, одетые в голубоватую дымку, слегка заснеженные горные вершины. Мы въехали в горы, где началась дорога-серпантин. Всё выше и выше мы

поднимались к перевалу. Ближе к вершинам гор стали появляться необычные цветы, а на перевале – альпийские луга из оранжевых и синевато-фиолетовых цветов. Среди них были оранжевые лилии-саранки и крупные, яркие, как солнышко, жарки, похожие на наши купальницы. Они покрывали поляны среди гор сплошным ковром. Конечно, мы остановили машины, чтобы полюбоваться этой сказочной красотой и кинуться в обильно цветущие высокие душистые травы, которые волнами колыхались на ветру... То был миг восторга! Мы смеялись и прыгали, как молодые жеребята. А вокруг ни души и тишина... Насладившись видом этой красоты, захватив с собой охапки цветов, мы продолжили свой путь. На спуске, в теснине гор, на берегу быстрой реки оказалась чайная. Мы в ней поужинали только что пойманными хариусами. Горный воздух, напоенный ароматом цветов и обильной растительности, изумительный вид вокруг, вкусный завтрак в экзотической обстановке, ожидание новых впечатлений впереди – всё это приводило нас в восторг! Молодая душа 20-летнего человека впитывала, как губка, эти впечатления, которые остались в памяти на всю жизнь. На базе в Кызыле мы пробыли дней десять, готовясь к полевым работам, и снова тронулись в путь до маленького пос. Нарын (более 400 км). Везли нас туда уже два грузовика, до отказа заполненные людьми, вещами и продуктами, необходимыми 12 человекам для работы в течение 3 месяцев в отдалённой местности.

По дороге Кызыл–Нарын были то холмистая степь с кустами верблюжатника и красивым белым ковылём, то сосновый лес с массой песка, то лиственничная тайга. Нужно было перевалить через хр. Танну–Ола. По плохой дороге переезжали через многочисленные речки. При подъёме на перевал у одной машины лопнул баллон – вынужденная остановка. А нам радость – устали от тряски и долгого сидения в крытой машине. Жарко! Остановились у горного ручья на лужайке, густо заросшей травой, цветами и кустами шиповника. Большие развесистые сосны со стволами, обильно залитые прозрачной янтарной смолой, создавали тень и прохладу. Переезжая вброд массу речек, приблизились к горам. Дорогой, которая круто поднималась ввысь по узким ущельям, мы достигли вершины хребта. Под лучами заходящего солнца на многие километры виднелись горы. Налюбовавшись чудной панорамой, стали спускаться вниз – быстро темнело. Ночевали в лесу.

Наш путь лежал до бывшего прииска Нарын к вершинам хр. Сангилен, где кончилась автомобильная дорога. Дальше путь только на лошадях. Нас было 12 человек. Приняв 35 лошадей для груза и верховой езды, снарядились в путь. Вечером, накануне отъезда, я впервые села на лошадь и, качаясь из стороны в сторону, проехала первые 500 метров, не зная за что схватиться! А на следующий день мы двинулись дальше. Нам предстояло проехать верхом около 150 км до первого места работы. Каждый стал выбирать себе лошадь. Новички, ещё ничего не понимая в лошадях, смотрели, прежде всего, на их внешний вид. Мне приглянулась одна лошадка – кофе с молоком. Её ноги (ниже колен) и хвост – чёрные. Красавица! Знающие люди говорили,

что эта молодая с норовом лошадь мне пока не подходит. Но я упросила, и мне дали её. Оседлали 18 верховых и 17 вьючных лошадей. По посёлку каждый всадник должен был везти за собой одну вьючную лошадь. В одной руке у меня была уздечка от своей лошади, в другой – верёвка от вьючной. Не успела я проехать и пяти метров, как верёвка вьючной лошади попала под хвост моей, и она как бешенная понеслась. На мне были резиновые сапоги 43 размера (меньше на складе не оказалось). Мои ноги легко выскочили из них, и я в одном шерстяном носке благополучно свалилась на землю. Вслед за мной упал на землю сапог. Второй, с торчащим из него носком, застрял в стремени и при быстром беге лошади бил её по боку, подгоняя бежать ещё быстрее. Опытные всадники едва её догнали. После этого мне дали самую смирную лошадь. Получила первый урок!

Перевалили гору на высоте 2700 м и, спустившись к истокам р. Балыктык-Хем (рыбная река), ехали по её долине вниз по течению. Погода была великолепная, видимость прекрасная. С перевала открывался красивый вид на заснеженные горы, тонкие серебристые ленты рек, текущих по живописным, петляющим долинам. Спустились в долину реки. На её берегах у самой кромки воды часто попадались снежные «подушки» и «лепёшки» чистого, голубого льда. Балыктык-Хем, живописная долина которой в среднем расположена на высоте 2500 м над уровнем моря, становилась шире, полноводнее. Чистая и прозрачная вода в реке имела зеленоватый цвет. С журчанием мчится стремительный поток воды, где русло узкое и мелкое. На дне виден каждый камешек. Крутые, скалистые берега реки местами на 500 м возвышались над её руслом. Переночевав, поехали дальше. Кругом лиственничная тайга и дикая,

Царь-гóры. На вершине блаженства. Хр. Сангилен, Тува, 1955 г. Фото Т. Соседко.

красивая, нетронутая человеком природа. Летом этот красивый лес, покрывающий большое пространство, имеет изумрудно-зелёный цвет, радующий взгляд мягкостью и свежестью окраски. В конце августа иголки лиственницы начинают менять цвет, и тайга превращается в разлившееся золотое море с багряно-красными пятнами. Здесь не было никаких следов пребывания людей: царствовали звери и птицы. Тропинки прокладывали только маралы и лоси. Свободно бегали барсуки, белки, зайцы, даже кабаны. Дикие звери людей не боялись. На одной стоянке на территории лагеря случайно рассыпали соль. Выйдя из палатки ранним утром, я увидела лося, который спокойно стоял и, не обращая на меня никакого внимания, спокойно лизал соль. Вечером ещё насыпали. На следующее утро он снова пришёл за солью. Так бы и ходил каждый день, если бы не наступило время уезжать. Мы оставили ему «гостинец» на несколько дней.

Здесь, в самом центре Азии, летом большая разница между дневной и ночной температурой. Утром холодно и, награвшись в спальном мешке, с неохотой вылезает из него. Поёживаясь, бежишь умываться к реке по звериной тропке, утыканной копытцами парнокопытных животных. Маралы или лоси ходят по ней на водопой. В 6 часов утра, направляясь к реке, думала, что сегодня по этой тропинке я иду первая. Оказывается, нет! Виден свежий след. Кто-то здесь уже прошёл, не испугавшись появившихся только вчера палаток. Я остановилась в изумлении. Этот «кто-то» прошёл только что, о чём свидетельствовала его визитная карточка – кучка крупного «гороха», а над ним в холодном воздухе поднимался парок.

Моешься, а вода холодная, руки, лицо, зубы стынут. Восторг!

Три месяца работали в этих местах, изучая щелочные породы хр. Сангилен. Почти каждый день с 8 утра до 8 вечера по горам и долинам верхом на лошадях мы проезжали многие километры. Днём у реки «обед»: большая белая лепёшка, испечённая поварихой в палатке на железной печурке, несколько кусочков сахара и вкусная, чистая вода из горной р. Балыктык-Хем. Что может быть лучше! После снова садились на низкорослых, мохнатых, выносливых монгольских лошадей!

Иногда после трудного дня, переезжая на другое место работы, не успев разбить лагерь засветло, ложились спать под открытым небом в спальнях мешках, положенных на кошмы. Приятно было лежать, вытянув усталое тело, и в ночной тишине засыпать, любуясь звёздным небом, чувствуя себя маленькой частицей огромного мироздания в этом «многозвёздочном отеле». К концу полевых работ мы наловчились ездить верхом много километров рысью и галопом, не слезая с лошади. И, смеясь, вспоминали, как проехав в первый день около 50 км, мы в изнеможении сползали с лошади и, идя по земле, еле передвигали негнущиеся ноги. Красота дикой природы Тувы, острота ощущений, интересная работа, хорошие люди, с которыми посчастливилось работать – всё это запомнилось на всю жизнь! В составе нашего отряда был и студент четвёртого курса Геологического факультета

Отдых на одном из перевалов хр. Сангилен, Тува. Всадницы: Р.М. Яшина из группы О.А. Воробьёвой (ИГЕМ, тогда ГИН) и студентка 4 курса ЛГУ Т. Соседко. 1955 г.

МГУ, геохимик Иван Бергман. В 1957 г. он стал сотрудником Кольского филиала АН СССР, а потом доктором геолого-минералогических наук, сотрудником ВИМСа в Москве.

Осваивать Заполярье!

Да, было такое время, когда, получив выбранную специальность, многие молодые геологи из благоустроенных городов и квартир с налаженным бытом добровольно ехали в малоизученные места страны исследовать и обживать их. Часто это был Север. Нас позвали, мы были нужны, и мы поехали не столько за северными льготами, хотя и они были не лишними, сколько «за туманом и за запахом тайги» ради интересной работы, чтобы что-то открыть, создать своими руками, преодолеть трудности, понять, на что ты способен. Я была одной из них. Там я встретила молодых людей из Москвы, Свердловска, Череповца, Закарпатья, с Украины, Ставропольского края и других мест нашей большой страны. Это было в середине XX века. Время, когда повзрослели те, кто в детском возрасте пережили войну и которые помнили её. Им сейчас 75-85 лет, но свежи и приятны воспоминания созидательной молодости и встреч друзей тех лет.

В 1957 г. я поехала жить и работать в Мурманское Заполярье. Город Кировск и рудничный посёлок Кукисвумчорр, названный по имени нависшей над ним горы, расположились среди отрогов Хибинских гор. Зимой они покрываются толстым слоем снега, грозящего лавинами в виде отдельных по-

лос и пятен на склонах гор, который сохраняется даже в июле. Морозными зимними ночами над горами по тёмному небу бегают яркие сполохи, «занавесочки» и «струйки» то зеленоватого, то разноцветного изумительной красоты северного сияния. С середины декабря до середины января полярная ночь длится почти сутки, сумерки лишь несколько часов. И когда большое красноватое солнце только чуть-чуть, ненадолго, поднимается над горизонтом, все предметы отбрасывают длинные тени, а вершины гор окрашиваются быстро сменяющимися друг друга цветами радуги. И горы кажутся тогда сказочными, почти неестественными, хотя художник здесь – сама природа. Холодным летом ненадолго оживает природа. И все рады каждому листочку и скромному цветку. В тихие летние дни в спокойных водах оз. Большой Вудъявр – чаша с водой среди Хибинских гор – ясно видно перевёрнутое изображение окружающих гор. Чудо, как хорошо!

И сейчас, на закате своих дней, с удовольствием вспоминаю многие моменты той молодой и активной жизни. В памяти встают прекрасные мгновения. Вспомнился вид из окошка квартиры, в два часа ночи в июне, расположенной в полукруглом доме на главной площади Кировска. Над городом и обступившими его горами нависла затаённой тишиной и таинственным сероватым светом белая ночь.

Вспоминается летнее изобилие куропаток, жареных на костре, обилие рыбы в озёрах и реках, грибов-подосиновиков среди можжевельниковых кустов и карликовых берёзок, морошки, которая покрывает янтарным ковром кочки на болотах ...

Белая ночь в Кировске. 1958 г. Фото Т. Соседко.

А в середине декабря краешек красного солнышка, выглянув ненадолго над горизонтом, прощается до середины января с городом и горами, окинув их разноцветными лучами. А северное сияние! А яркое до боли в глазах мартовское солнце и чистые снега!..

Тундра

Воронья тундры, куда я пять лет ездила в экспедицию для изучения пегматитовых жил, расположены на севере Кольского п-ова, в районе среднего течения р. Воронья. Эти места на многие километры – безлюдная и бездорожная тундра. Унылый, в основном равнинный, ландшафт в некоторых местах разнообразится небольшими возвышенностями, образующими гряды. Вокруг небольших озёр и речек болота. Кочки на болотах во вторую половину лета обильно покрываются медово-жёлтой морошкой. Тундра превращается в бугристый янтарный ковёр. На более сухих местах растут кривые карликовые берёзки, кусты можжевельника, голубики. Трогательные своей скромной красотой цветы купальницы и другие немногочисленные цветущие представители северной флоры привлекают внимание. И море красных шапочек – подосиновиков. Тоскливо, жалобно и испуганно кричат чайки-поморники, долго сопровождая случайного путника. Иногда мимо пролетают гуси и лебеди. К великой радости охотника – в изобилии куропатки, даже белые. Они совершенно не боятся людей, так как в этих местах они были большой редкостью. В чистых озёрах много всякой рыбы.

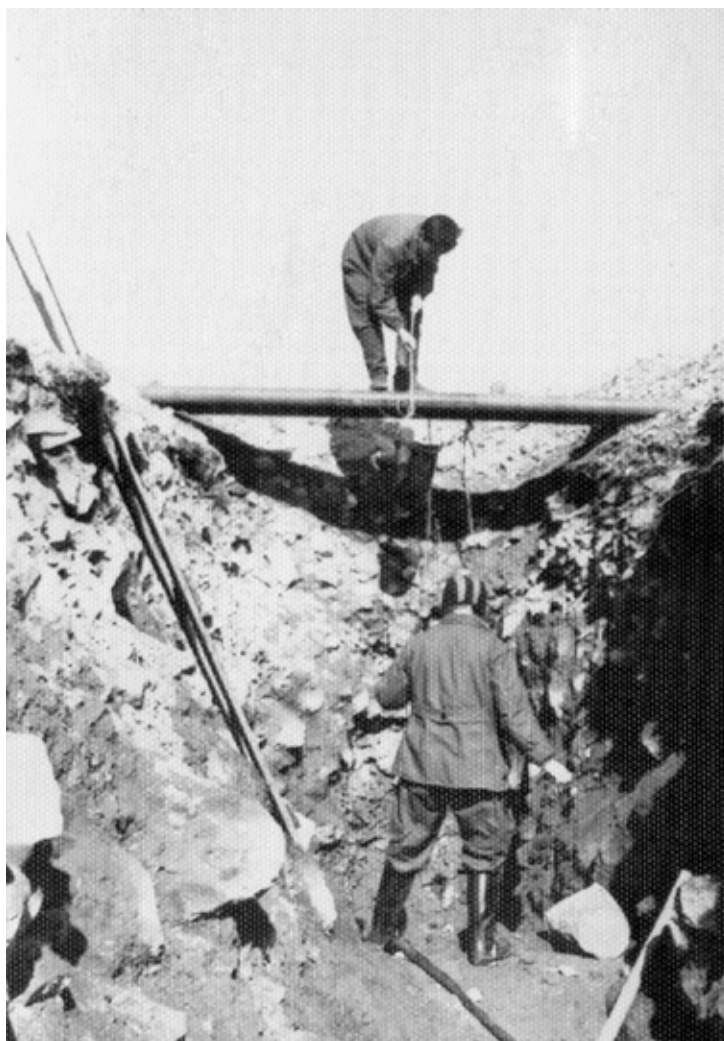
Постоянные «спутники» геолога в тундре. Воронья тундра.

А тучи комаров! Их столько, что невозможно съесть ложку супа у костра, не проглотив при этом несколько штук этих несносных созданий! Ещё хуже гнус – мелкая мошка, которая появляется обычно после комаров и, беззвучно подлетая, выхватывает кусочек мяса в любой обнажённой части тела, оставляя после себя вскоре нагнаивающиеся участки нежной кожи. После сна, укусанный мошкой человек с трудом открывает слипшиеся от нагноения веки.

В первой половине лета белые ночи. Солнце какое-то время совсем не заходит за горизонт. Необъяснимую прелесть и очарование создают затаённая красота скромной растительности, обилие мхов, устилающих тундру разноцветным ковром, сглаженные формы рельефа и изумрудные чаши озёр среди болот. И тишина!

Геолог в тундре

Хлюпают в болоте одетые в резиновые сапоги ноги, стесняет при ходьбе грубая геологическая хлопчатобумажная (х/б) одежда цвета хаки, обычно бывшая в употреблении (б/у), на плечах рюкзаки с тяжёлым грузом, досаждают тучи летающих насекомых.

Первые керны. В канаве на г. Васин-Мыльк изучаем редкометальные пегматиты. Воронья тундра, 1958 г. Фото Т. Соседко.

У ящиков с первым керном. Воронья тундра, г. Васин-Мыльк, 1954 г.
Фото Т. Соседко.

Здесь дом — палатка, кровать — спальный мешок, положенный на кучу можжевельных веток, а иногда и на оленью шкуру. Плита — костёр, стол — брезент, расстеленный на земле. В меню: тушёнка, супы из банок, сухари, сухие овощи, разные каши, иногда дичь. Всё сварено на костре и пахнет дымом.

Недалеко от холодного Баренцева моря погода здесь не балует. Даже летом надоедают частые, нудные, морозящие дожди. Внезапно наплывают густые белые, как молоко, туманы и тогда в нескольких шагах не видно ни зги. Однажды человек, вышедший из палатки «до ветра», блуждал час в поисках обратной дороги, «плавая» в тумане, натыкаясь на кусты можжевельника, не находя своей палатки. Туман вдруг рассеялся, и он увидел, что стоит от неё в десяти метрах. Когда дует северный ветер, ненастная погода держится подряд 3-4 дня при температуре 10-15° и ниже, надоедает ждать хорошую погоду, идёшь в маршрут, не снимая плаща.

Но выдаются иногда ясные, тёплые дни, даже бывает жарко, до +30°. Тогда можно купаться, мыться и устраивать стирку в какой-нибудь маленькой речушке среди болота. Но, несмотря на трудности работы в Заполярье, побывав хоть раз в этом краю, начинаешь его любить, но ещё больше любить всё, что оставил дома. В северной природе есть что-то загадочное, что манит, притягивает и невольно навсегда оставляет частицу души и сердца. А если ещё в этих незатейливых грядах среди болот есть дивные и ценные минералы, ради которых ты сюда пришёл, то забываешь все неприятности. И когда, всё это испытав, возвращаешься в город, в цивилизованную обста-

новку, ощущаешь особенное удовольствие, надевая вместо экспедиционной х/б, б/у, нарядную одежду и туфли на каблуках, а не сапоги! Но всё хорошо в своё время и в сравнении. Хорошо ощутить и понять, на что ты способен, что можешь преодолеть, сделать своими руками. Нормальному человеку это необходимо. В экстремальных условиях экспедиций это удаётся!

На отдыхе

У моря

«Человеку у моря всегда хорошо» – Э. Хемингуэй. Это правда! Глядя на море, душа наслаждается и отдыхает, восторгается и благоговееет. У моря хорошо в любую погоду, днём и ночью. Приятно смотреть на беспредельное водное пространство, уходящее за горизонт, в его спокойном состоянии. В эти минуты, когда поверхность моря почти ровная, и вода улыбается серебристыми блёстками падающих на её поверхность солнечных лучей, – отдыхаешь. А когда сильный ветер гонит поверхностные воды огромными валами, которые с шумом и брызгами разбиваются о берег или, натолкнувшись на бетонные волнорезы, превращаются в «белое облако» мельчайших капель, душа благоговееет перед силой и божественной мощью.

«Только на закате светит тихим светом полоса зари», – И.А. Бунин.
Сочи, 1956 г. Фото Т. Соседко.

Разбушевалось сине море. Сочи, 1956 г. Фото Т. Соседко.

Будучи на отдыхе и приходя на море ранним утром на первое купание, я часто заставляла его притихшим, почти без волнения. В такие минуты вода, с нежным плеском накатываясь на берег, вела еле слышный ритмичный «разговор» с прибрежной галькой. Море ещё не проснулось. Оно застыло в ожидании дня. Поверхность спокойной воды блестит, отражая низко скользящие по ней лучи солнца. Море как будто улыбается, приглашая в свои прохладные объятия ещё теплое после сна тело.

Приятно было «укладывать спать солнышко», любуясь в хорошую погоду его чудными закатами. В тот момент, когда оно «касалось поверхности моря» и по тихой ряби от горизонта до берега бежала яркая, трепещущая световая дорожка, приятно смотреть на большое красное солнце, пока оно не скрывалось за горизонтом. Тогда осиротевшее море тускнело и хмурилось. Ведь: «Только на закате светит тихим светом полоса зари», – писал И.А. Бунин.

Бурное море доставляет удовольствие идти навстречу высоким волнам, подставляя своё тело, с желанием побороться с ними и испытать их чудесное массирующее действие. Когда устоишь, а когда и упадёшь! Набегающая волна сбивает с ног, бросает на берег и, откатываясь в море, тащит за собой. После такой борьбы выходишь на берег избитой, бодрой и довольной.

В тихую тёплую погоду во время вечерней зори, быстро переходящей в чёрную ночь, как бывает на юге, хорошо сидеть на открытой палубе прогу-

лочного кораблика. На море лёгкое волнение, и фосфоресцирующая морская вода с тихим журчанием обтекает нос корабля. Вдали виден освещённый яркими огнями берег. Огромное небо, усыпанное яркими южными звёздами, обнимает сказочно прекрасным одеялом. Почти недвижимый воздух, наполненный тёплым ароматом моря и южной растительности, опьяняет и приводит душу в восторженное состояние. И складывались стихи:

*Луна свой отблеск серебристый
По морю тихо разливала ...
Волна на берег каменистый,
Ложась, всем телом трепетала.*

*Журчит волна, поёт волна
Лаская берег под луной,
И шепчет нежные слова:
«Всегда к тебе, всегда с тобой»*

Тихое, ласковое и манящее... . Сочи, 1956 г. Фото Т. Соседко.

Розы

Мне кажется, что розы – самые лучшие и совершенные в мире цветы. С ними у меня связаны прекрасные воспоминания.

Сочи. Несмотря на обилие в субтропиках ароматной и красивой цветущей растительности, они и там выделяются. Кусты роз высаживают на большие поляны – розарии, в которых можно встретить их самые разнообразные сорта с цветами разной формы, величины, цвета и запаха. Они прекрасны и в виде полураспустившихся бутонов, напоминающих юных дев, весну человека и в «зрелых» цветах, пышных молодых с прозрачными, нежными лепестками. В разное время и при разной погоде они выглядят и пахнут по-разному и всегда прекрасны. Их утренний аромат напоминает самые лучшие тонкие, нежные духи. Когда в середине жаркого дня горячие лучи солнца пронизывают их тончайшие, нежные лепестки, они издают тёплый, страстный, опьяняющий аромат, и солнечные лучи с негой тонут в них, придавая яркость их окраске. После дождя, когда маленькие капли воды висят на краю лепестков, цвет их густеет, и хочется погрузить в цветок лицо и упиваться его очарованием, вдыхая ни с чем не сравнимый аромат! В моей жизни был «миллион, миллион алых роз ...». И о них мой стих.

*Розам тем, что в это утро
Солнце в первый раз ласкает,
Чьи упругие головки
Ветерок слегка качает.*

*Розам чудным, аромат чей
До сих пор я ощущаю, –
Белым, чайным, алым, красным
Этот стих я посвящаю.*

*И вон тем, что, распустившись
Красотой своей пленяют,
Чистым, нежным, пышным цветом
Куст счастливый украшают.*

От Сочи до оз. Рица в открытом, удобном автобусе нам предстояло проехать около 100 км. До Гагр ехали вдоль берега моря, потом повернули к горам по долине р. Бзыбь. Красивая дорога петляла, поднималась вверх, спускалась вниз. По обеим сторонам возвышались отвесные голые скалы и покрытые растительностью горы. Иногда открывался вид на далёкие снежные вершины. Чем выше в горы, тем уже ущелья. Дорога свернула в долину р. Гега, приток р. Бзыбь. Затем в Гегу влилась р. Юпшар, и мы, проехав немного по её долине, оказались в живописном, узком Юпшарском ущелье. Иногда делали остановки на берегу рек. Зеленоватая, прозрачная, журчащая на перекатах вода своим стремительным бегом с горы делала реку живой.

Быстрая, неуловимая, грациозная форель, любительница холодной чистой воды, молнией проносилась между камнями. Когда она, играя, выпрыгивала из воды, в её чешуе отражались, как в зеркале, лучи солнца. Мы напились воды из реки. Она была вкусна! Приехали на оз. Рица, которое представляет собой огромную чашу, заполненную водой, глубиной от 7 до 110 метров. Величественные снежные горы обступили озеро со всех сторон. Традиционная прогулка на катере, очарованный взгляд на красивую панораму Главного Кавказского хребта и после сациви и хванчкары в ресторане на берегу Рицы, глотнув живительной воды из Голубого озера, возвратились к морю.

Т. Соседко по дороге на оз. Рица. Сочи, 1956 г.

В Никитском ботаническом саду

Лето 1952 г. Окончив школу с серебряной медалью, я освободила себе лето для отдыха, без экзаменов поступив в университет. Отдых был в Крыму в Никитском ботаническом саду – райском уголке природы. Большая его часть расположена на склоне горы, довольно круто спускающейся к морю. Живописные аллеи обсажены диковинными деревьями. Дорожки и тропинки петляют среди ухоженных кустов. Южные деревья, привезённые

из субтропиков всего Земного шара, поражают своим разнообразием и красотой. Чего стоит крымская сосна – огромное, пушистое хвойное дерево с длинными иглами. Склоны горы так густо засажены деревьями, что вид на море открывается только с круглой обзорной полянки, называемой «царская площадка». Огороженная чугунной решёткой, она нависала над горой, и с неё открывается чудный вид на море, склон горы и пляж. А как много там цветов! Они растут на клумбах, на свободном пространстве или удачно сочетаются с деревьями и кустарниками. С двух сторон широкой аллеи, ведущей на пляж, росли огромные пальмы. На самом верху длинных шершавомохнатых голых стволов шоколадного цвета широким зонтиком прилепилась их пышная тёмно-зелёная крона. Под пальмами во всю длину аллеи узкой лентой вытянулись посаженные в ряд ярко-синие гортензии. Перед научным зданием Никитского ботанического сада АН СССР располагался бассейн с изумрудно-зелёной, искусственно подкрашенной водой и роскошный розарий. Розы всевозможных цветов, размеров и сортов сосредоточились здесь на большом поле. Тёплый воздух, насыщенный их ароматом, улавливался далеко за пределами розария.

В воде и на берегу моря среди крупной и мелкой гальки лежали большие камни. Накупавшись в море, хорошо было в тихую погоду сесть на подводный камень, ровная и гладкая поверхность которого примерно на 30 см располагалась ниже уровня моря. Сидишь на камне, вытянув ноги, а на них тихо и приятно накатываются тёплые и ласковые волны. В тот миг хотелось на всю жизнь запомнить блаженное состояние полного расслабления и покоя, наступившего во всем теле и в душе.

По дороге на работу

Сила слова

Проходя ранним утром по скверу или аллейке до транспорта, который везёт на работу, задумавшись о делах, мы порой забываем обратить внимание на жизнь и перемены, происходящие в природе. Вот наступило время, когда весна победила в борьбе с зимой. В ясный солнечный день радует глаз хрустальный блеск сияющих на солнце тающих сосулек, слышен перезвон капли. Последний снег на тротуарах превратился в мокрую грязную кашу. Раскисшая земля в садах и скверах быстро поглощает обильную влагу, скопившуюся в низинах. Сбросив белое одеяние, она ненадолго стала чёрной. Скоро её покроет нежная зелень. Хочется сказать себе: «Когда бы вверх могла поднять ты...», то увидела бы, что уже берёза выбросила жёлтые пушистые серёжки, а на голых тополевых веточках набухли клейкие, остро пахнущие, желтоватые почки. Скоро из них вылезут молодые листочки. Яркое, будто умытое дождями небо проглядывает из-за туч и кажется лазурным и чистым, а воздух прозрачным. Уходящая зима, не желая отдавать власть весне, на короткое время запорошила последним снегом землю и робко выле-

зающую травку. На ветках деревьев и кустиков воробьи устроили весёлую перебранку. Они, наверное, обсуждают квартирный вопрос, семейные дела или просто радуются своим маленьким радостям. Им весело, ведь холода и бескормица уже позади. День стал заметно длиннее, кончилась зимняя тьма. И на душе становится радостно, когда это всё заметишь и успеешь этим насладиться. И не пройдёт бесследно время очередной весны.

А человек полон забот и не почувствовал ещё весеннего пробуждения. На остановке трамвая рядом со мной стоит старая женщина. Она смотрит вниз, согнувшись под тяжестью лет и невеселых дум. Холодно, конец марта. Повернувшись и обращаясь ко мне, она заговорила: «Холодно, трамвая долго нет, больные ноги устали стоять и всё плохо!». Я с жалостью окинула взглядом её сгорбленную фигуру и постаралась сказать что-нибудь приятное: «Не волнуйтесь, трамвай уже идет. Скоро кончатся холода, вот солнышко выглянуло и небо уже по-весеннему голубое, как ваши глаза». Она посмотрела на меня удивительно яркими, не поблекшими голубыми глазами. Я продолжила разговор: «Какие у Вас красивые глаза, не потускнели с возрастом, хотя Вам, похоже, много лет!». Тут у меня на глазах она распрямилась и с гордостью, улыбаясь, сказала: «Да, мне уже 85 лет!». Мы сели в подошедший трамвай. Она от меня не отходила, и наш разговор продолжился в том же духе. Говорили о приятных вещах. Так проехали четыре остановки. Поблагодарив меня за приятную беседу и тёплые слова, она вышла из трамвая. Распрямившись, с поднятой головой, глядя вперёд с какой-то гордостью, шёл уже другой человек, как будто сбросивший с себя тяжесть лет и забот. А у меня стало легко на душе, и весёлая капель с хрустальных сосулек показалась приятной музыкой.

На даче

Хорошо на даче под Питером в конце мая. Участки земли, не изрытые грядками, в это время покрылись зелёным ковром вольной травы, которая в отличие от «культурных» насаждений на грядках и клумбах не требуя ухода, удобрений и забот, обладая большой жизненной силой, хорошо растёт в любых условиях. На этом зелёном ковре разбросана сотня ярко-жёлтых «солнышек» – красивых и душистых цветов одуванчика. Их сладкий медовый аромат привлекает массу летающих насекомых, садящихся на их поверхность, не помяв тончайших нитей тычинок.

Начиная с апреля, цветут первоцветы. Открывают парад сциллы – белые и небесно-голубые маленькие колокольчики, опустившие вниз головки, сидящие на тонких стебельках. После разноцветных крокусов вылезают мускарики – соцветия мелких синих шариков, плотно облепившие стебелёк. Разноцветные шапки примул покрывают компактный кустик. Нарциссы с резким запахом и почти без него, разной формы и оттенков долго царствуют на клумбах. Ярко-оранжевые жарки – садовый вариант луговой «купальницы» и голубые ажурные цветы садовых васильков цветут почти одновременно.

но с ранними, душистыми фиолетовыми ирисами. Гордый ирис раскинул в разные стороны свои лепестки. Его цветок похож на птицу в тот момент, когда она, подлетая к земле, опускает крылья.

К концу мая яблони, как невесты, покрылись белой ажурной тканью. Многочисленные цветы на них предвещают обильный урожай яблок в этом году. Погода стоит хорошая, нет ни заморозков, ни избытка влаги. В меру сухо и тепло. В воздухе вокруг яблонь стоит сплошное гудение добросовестно работающих летающих опылителей. Обильно цветущая сирень разных цветов наполняет сад приятным ароматом. Вечером заливаются соловьи. Период цветения яблонь подходит к концу. Порывы ветра срывают отцветшие лепестки, которые снежинками падают на землю, густо устилая её белым покрывалом.

Яблочная «облепиха». Кобрино, 2005 г. Фото Т. Соседко.

30 мая. Жара 31°, но при лёгком ветерке она не угнетает. Небо медленно покрывается серыми тучами. Затем одиночные раскаты грома переходят в почти сплошной ленивый гул. Редкие тяжёлые капли шлёпаются на землю и звучно ударяют по металлической крыше. Птички смолкли, ветер стих, вся природа затаилась в ожидании – будет ливень. Ветки сирени потемнели, хотя не намokли. Муравьи спрятались в муравейник. Вдали сверкает. Но ещё между сверканием молний и раскатами грома большой разрыв во времени: гроза далеко. Резко начинается сильный дождь, через пару минут превращающийся в ливень. С крыши по жёлобу зашумел водопад, а по улице потекли ручьи. По образовавшимся лужам внучка шлёпает босыми ногами – какое удовольствие! Умыта зелень, усилились ароматы цветов, но гроза прошла стороной,

зацепив нас краем. Где-то вдали был её основной разгул. Погружаю лицо в гущу роскошных цветов сирени, сплошь покрывающих куст. Рву цветы охапками и везде во всех комнатах ставлю букеты из четырёх имеющихся у меня сортов сирени. Хочется сполна насладиться прекрасным кратким мигом её цветения.

После небольшого затишья к нам пришла большая чёрная туча, и снова полил сильный более продолжительный дождь, перешедший в ливень, сбивающий последние лепестки с яблонь. После того, как прошла стена дождя, яблони из белых стали зелёными.

Зацветают садовые ландыши. Через зелёную оболочку, прикрывающую бутоны, пробиваются ранние пионы цвета спелой вишни. Синие глазки барвинка на ползучих, стелящихся по земле стебельках покрыли горку. Жасмин

В своём саду. Кобрино, 2005 г. Фото Т. Соседко.

в этом году особенно обильно усыпан цветами. Лимонного цвета лилейники, аквилегии разных цветов, ромашки, невеста ... как их много и как они все прекрасны! Часто сажусь на скамеечку и созерцаю эту красоту. Не пропустить бы что-то прекрасное в этом гармоничном мире природы, а то опоздаешь на целое лето.

Небо... В чистой, как умытой, нежной, бездонной его голубизне беззвучно плывут белоснежные облака причудливой, постоянно меняющейся формы. В безветрие они почти неподвижно стоят на одном месте. При сильном ветре они несутся, как белые парусники, куда их гонит ветер. Облака, то разваливаясь на куски, то сливаясь между собой, с разной скоростью и на разных уровнях плывут по небу. Клочки ваты и пуха, белую паутину и

фигурки зверей можно различить в их форме. Вот лебёдушка плывёт, там зайчик с большими ушками, большая черепаха, лежащая на спине с лапками и хвостиком, голова медвежонка... Да мало ли ещё, что можно увидеть в этой бесконечно разнообразной небесной «флотилии». Когда солнце скрылось за небольшим серовато-белым облаком, его края ярко засветились. Облако как бы смеётся, весело играя с солнышком. Можно предугадать, откуда в следующий миг солнце вновь выскочит «на волю». Покой и умиротворение наступают в душе, когда глядишь на небо... Зелёные деревья и освещённые солнцем цветы внизу на земле, а наверху величие и тишина! Внизу жизнь: кузнечики трещат, дети вскрикивают, птички поют и бегают по грядкам в поисках пищи. Соседский кот Тихон – Тишка вышел на охоту и выслеживает птиц. Вот он дежурит у клубничной грядки, прижавшись к земле, выслеживая «настырного» дрозда, который без страха пробирается к клубнике. Всё же он попал в лапы к Тишке и был задушен им. Белые ночи в разгаре.

В середине участка – большая ель, под ней муравейник. От муравейника проложены «муравьиные дорожки» по саду. По одной дорожке мы попытались проследить цель их путешествия. Оказалось, что каждый 20-30-ый муравей несёт большое белое яичко, равное по величине его телу. Они идут метров 50-70 до рябины, поднимаются с яичками по стволу вверх. Навстречу им по тому же пути отдельные муравьи тоже несут яички, но в обратную сторону. О цели этих встречных перевозок мы не могли догадаться. Внучка сказала: «Они их гулять туда водили».

На стволе яблони я увидела божью коровку в тот момент, когда она откладывала яички. Сама-то маленькая, а яички с полмиллиметра каждое. Кучка слипшихся между собой яичек кремового цвета всё росла и росла.

Я работала в саду и огороде, читала и находила массу интересных для себя дел. Созерцала! Какое это наслаждение! Всё выращенное на грядках было вкусной добавкой к нашему дачному меню. Зелень прямо с грядки попадала в тарелку с горячим супом, а только что выкопанную и сваренную горячую картошку можно было есть с прозрачной молодой кожурой, полив её душистым подсолнечным маслом.

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО

По дорожкам прекрасного парка на территории одного санатория в Сочи мы гуляли с нашим знакомым, который там отдыхал. Мы – это я и мои родители. Папа прошёл вперед, а мы задержались, рассматривая цветы магнолии. Вдруг вижу, он присел на корточки и пристально что-то разглядывает. Навстречу ему шёл с тросточкой какой-то человек, и со словами: «Что это Вы так внимательно рассматриваете?» – тоже присел рядом с папой. Когда я подошла близко к ним, то увидела такую картину. Папа и Народный артист СССР, солист Большого театра С.Я. Лемешев, сидя на корточках и низко склонив головы, любовались большой и необыкновенно красивой разноцветной мохнатой гусеницей.

ПОЖИЛЕНКО ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Пожилenko Владимир Иванович – кандидат геолого-минералогических наук, авторитетный геолог-структурщик. Окончил геологический факультет Воронежского госуниверситета. Работал в производственных организациях Западной и Восточной Сибири, с 1968 г. – в Геологическом институте КНЦ РАН. Научные интересы: региональная геология, тектоника и геодинамика Балтийского щита, прогноз полезных ископаемых на основе комплексных геолого-геофизических моделей. Районы полевых работ: Печенга, Центрально-Кольский и Нотозёрский блоки, Ёнский сегмент Северо-Западного Беломорья, Лапландский и Кандалакшский фрагменты Лапландского гранулитового пояса, Пана-Куолаярвинская структура... Автор и соавтор более 100 научных публикаций, в том числе 10 монографий и нескольких карт (квинтэссенций геологической мысли), среди них: Геологическая карта Кольского региона м-ба 1:500000 (1996); Глубинное строение и эволюция земной коры восточной части Фенно-скандинавского щита (2001); Каталог геохронологических данных по северо-восточной части Балтийского щита (2002). А ещё В.И. – тонкий ценитель природы, мастер резьбы по берёзовому капу, автор-исполнитель геологических песен под гитару, знаток поэзии, замечательный собеседник... Он напоминает мне дремлющий вулкан сродни Ар-Варенчу, описанному им в публикуемом далее рассказе. – *Ред.*

БЫЛ ТАКОЙ ВУЛКАН – АР-ВАРЕНЧ!

Земля как планета стара, жила и живёт бурной геологической жизнью, как и человечество в целом. Но отдельные индивидуумы и части планеты жили по-разному: кто-то где-то мирно и спокойно, где-то бурно, где-то так и этак. Нам, Кольскому региону, есть что вспомнить. Взять хотя бы небольшой фрагмент земной коры южнее г. Мончегорска – массив г. Ар-Варенч. Он столько пережил в юные и зрелые годы, геологическая жизнь оставила на нём столько отметин и шрамов, что рассказы-воспоминания могут занять много дней и ночей, как сказки Шехерезады. Вспомним лишь отдельные события, укладывающиеся в геологические мгновения.

Силён был Ар-Варенч в юные годы – 2 млрд. 750 млн. лет назад здесь из грохочущего жерла вулкана, окружённого бескрайним морем, лава мощными потоками низвергалась в морскую пучину и «шарами и подушками» накапливалась на дне у подножья вулкана, образуя мощные толщи пиллоулав (подушечных лав) пялочной свиты. Спустя миллионы лет из мантийных глубин, чуть ли не из сердца Земли, возмужавший Ар-Варенч выплеснул на поверхность жар своей души – текучие ультраосновные лавы – коматититы. Такое редко бывало в те времена, а ныне и вовсе не случается. Возмужал Ар-Варенч, остепенился, оброс богатством – вокруг мощные толщи лав, море ушло далеко-далеко. Теперь под ним мощная твердь – континентальная гранитометаморфическая кора.

Но не хотел Ар-Варенч спокойной жизни. Заволнуется – выплеснет мощные потоки кислых лав (риодацитов и риолитов, рис. 1), из которых с пулемётной очередью вырывались пленённые пузырьки газа и воды. Зашумит,

Рис. 1. Риодациты.

Рис. 2. Туфобрекчии.

Рис. 3. Пизолитовый туф.

Рис. 4. Ксенолит гранита в риодацитах.

Рис. 5. Миндалекаменные базальты.

заворчит, взметнёт в небо несметные тучи раскалённой лавы, разметаёт её на брызги и капли, которые, остывая и падая, укрыли землю вокруг туфовым одеялом (рис. 2). А иногда в грозных тучах сверкали молнии и выброшенный в небо пепел, слипаясь в мелкие комочки, падал на плечи Ар-Варенча, и мелкие комочки катились по снежному склону, слипаясь в большие комки, образуя прообразы пизолитовых туфов (рис. 3). Где вы ещё найдёте такой подарок истории? Да и улики это важные – значит, вода и снег были тогда, около 3 млрд. лет назад. Правда, иные говорят, что это происходило немного позднее – около 2.5 млрд. лет назад.

Иногда Ар-Варенч оставлял визитную карточку, чтобы нам – потомкам-землянам можно было определить, сквозь какие преграды прорывался он в бурные годы жизни. Очень редки эти визитные карточки в лавах – ксенолиты гранитов коры (рис. 4), которые не успели расплавиться в его горячем горниле. Проходили десятки миллионов лет. Всё тише и тише становился Ар-Варенч, погружаясь в земные недра. В эти зрелые годы – при температурах до 650 °С – скручивало Ар-Варенч, образовались морщины-складки. Давило его и расплющивало. Пытался он подняться, но солнце, ветер и вода делали своё дело. Только он голову поднимет, они тут как тут, «экзогенные разрушители».

Долго терпел Ар-Варенч – около 200 млн. лет. Но не выдержал! Вспомнил бурную юность и зрелость, да и рванул всей мощью около 2.5 млрд. лет назад. Спасибо, земные недра подсобили! Первый выплеск радости – 40-метровой мощности базальтовый поток. Затем ещё и ещё – 10, 15, 20 выплесков – великолепнейших потоков миндалекаменных базальтов (рис. 5). Иногда и метки не забывал оставить – опять ксенолиты гранитной коры. Пошумел, погрохотал Ар-Варенч, устал, дряхлеть стал, разрушаться и, наконец, успокоился – теперь уже навсегда. Хотя, чем чёрт не шутит? Старость не радость, конечно, а вдруг тряхнёт стариной?! Но нам это не удастся увидеть – это точно!

ПРЕДОВСКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Предовский Александр Александрович – патриарх кольской геологии, доктор геолого-минералогических наук. Окончил геологический факультет ЛГУ, работал главным геологом крупной геолого-поисковой экспедиции в КНР, затем – в ЛГУ, с 1965 г. – в Геологическом институте КНЦ РАН, где долгие годы возглавлял лабораторию геохимии. Научные интересы: геология, вещественный состав и рудоносность метаморфизованных супракрустальных комплексов докембрия; эволюция древнейшего седиментогенеза и вулканизма. Автор и соавтор более 180 научных работ, в том числе 12 монографий, среди них: Геохимия Печенгского комплекса. Метаморфизованные осадки и вулканиды (1974); Реконструкция условий седиментогенеза и вулканизма раннего докембрия (1980); Вулканизм и седиментогенез докембрия северо-восточной части Балтийского щита (1987); Верхнепротерозойские осадочные толщи Кильдинско-Беломорско-Мезенской площади как объект прогнозирования энергоносителей (1999). Воспитал 12 кандидатов и 5 докторов наук. Читает лекции по целому ряду дисциплин студентам-геологам Мурманского гостехуниверситета. Замечательный рассказчик. Мечтаю оказаться с А.А. у вечернего геологического костра. Уверен, что переданные в этот сборник материалы – малая толика записанного и зарисованного им в геологических дневниках. А это значит – у нас есть перспектива! – *Ред.*

У КОСТРА

Горит костёр на фоне тёмных гор,
И после бури тучи в небе тают,
И грусть на сердце тенью налетает.
Горит костёр, а вечер крылья распростёр...

Немало нас вот в этот самый час
Поёт на отдыхе простые наши песни.
И нету жизни нашей интересней.
Немало нас, удача любит нас...

А наш успех – источник силы грозной,
И наша сила – мирных лет сестра.
Понятно всё, товарищ мой серьёзный,
Дай погрузиться о доме у костра.

1954

ПОЖЕЛАНИЕ ПУТНИКУ

*С китайского, надпись на стене
одного из залов «Пекинской утки» в г.Пекине*

Если ветер восточный ласкает лицо,
И поля подступили зелёным кольцом.

Если к солнцу плывут облака над долиной
И узорный фонарь над харчевней старинной.

Сядь на тёплую землю в тени, отдохни,
Как бы ты не стремился вперёд.

Выпей чарку, счастливого ветра вдохни,
Этот миг к тебе вновь никогда не придёт.

1960

КАРЕЛИЯ

*В память дочери
Людмилы Предовской*

Запуталась звёздочка
В лапах косматых,
Кусты под луной в серебре.
Дождутся погоды на завтра ребята
И в сопки уйдут на заре.

По тропам нехоженным,
Травам росистым,
Под гомон ручьёв говорливых
Уйдут они в пение птиц голосистых,
Уйдут по дороге счастливых.

И встретят они
Необычные радости –
Угрюмых камней откровение.
Поля земляники отчаянной сладости,
Седых водопадов кипение.

Когда же в озёра
Леса опрокинутся,
И день попрощается с бором,
Тогда они к дому тихонечко двинутся,
Пойдут у костра разговоры.

1968

ПЕЧЕНГА

В.Г. Загородному

Июль обманный, задержись на плёсах,
На пляжах Брагинских, на Печенгских откосах.

Рукою солнечной откинь покровы дали,
Чтоб синие холмы к озёрам нас позвали.

Согрей морошку, камни и сосну,
Устрой на тундрах позднюю весну...

А там плыви на спинах вездеходов
К огням костров, открытий и походов.

1968

*А.А. Жангурову,
нашедшему иной путь в жизни*

В далёкой северной стране,
Где камень стынет век,
Где на ветру, как на войне
Проверен человек.

Припев:

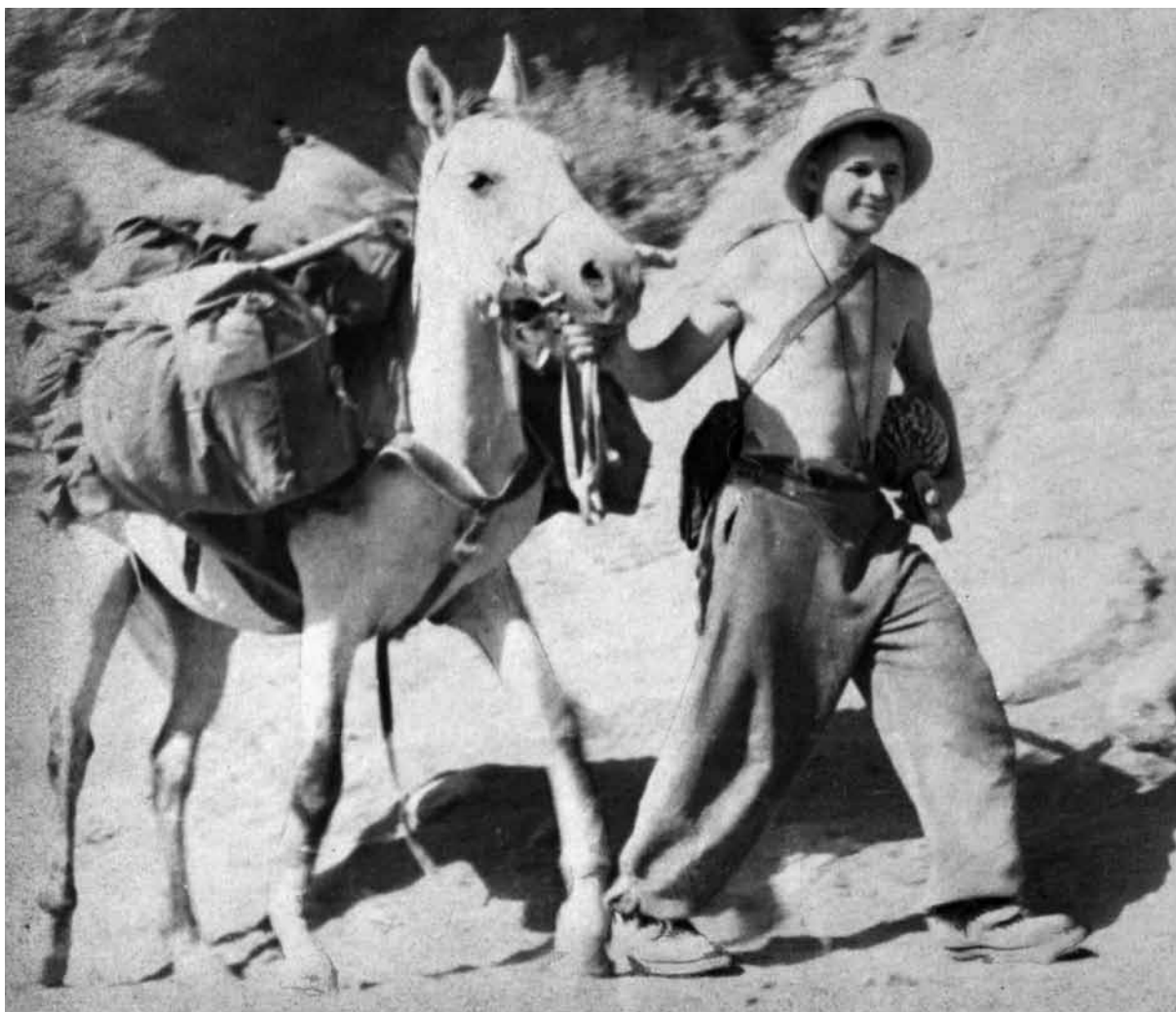
Над тундрами, над Печенгой туман,
А завтра будет небо голубое,
Уходит туч далёкий караван,
А нам опять в маршрут идти с тобою.

О чём задумался, мой друг,
В костёр потупив взгляд,
Забыл, что тундра спит вокруг
И вспомнил Ленинград.

Припев:

Над тундрами, над Печенгой туман,
А завтра будет небо голубое,
Уходит туч далёкий караван,
А нам опять в маршрут идти с тобою.

1968

ПРИЛАДОЖСКАЯ НОЧЬ

Олегу Беляеву

Нет, я теперь не здесь,
За много дней отсюда,
На сердце накатив и звёздами маня,
Приладожская ночь —
Утраченное чудо
Теплом хвои овеяла меня.
Волнами бриз вздыхает в тёмных кронах.
Друзья к костру беседовать ушли.
Мне вечно быть здесь
В травах напоённых
И слушать ветра шум,
Как тайный пульс Земли.

Апрель 1980

ХИБИНСКАЯ ОСЕНЬ

*Памяти И.В. Белькова –
геолога и художника*

У природы прыть малярная,
Краски картами тасует,
Осень раннюю, полярную
Ярким колером рисует.

На водах лазурь расплёскана,
Скалы – кобальт с лесом синим,
Охра с золотом – берёзки,
Марс и киноварь – рябины.

Всё приятно здесь для взора
И расставлено толково.
Эти тундры и озёра
Просто списаны с Белькова.

1990

«Горное озеро». 1989 г. Масло. 50×35. Бельков И.В.

П-ов Канин. 1951 г.

ВЕТРА НА ПЕРЕВАЛАХ

Братьям-геологам XX в.

На всех перевалах, на главных и малых,
Где мы проходили – всё дуют ветра,
Где мы проходили, искали, любили,
Счастливыми были на дальних горах.

С тех пор и зовут нас тянь-шаньские ели,
Тайги уссурийской таинственный сад,
Пустыни Тарима, Таймыра метели,
Но нам никогда не вернуться назад.

Стоянки у речек разливами смыты,
Засыпаны признаки наших костров,
И песни забыты, и речи забыты,
На скалах не видно маршрутных следов.

Но что-то осталось, как горное эхо,
И смех в водопадах, и шум голосов,
И наши мечтанья в картинах закатов,
И наши догадки в изгибах пластов...

Осталась и книжная память завета
На буквах и знаках страниц и листов.
И наше дыхание – у вечного ветра
На всех перевалах, у всех берегов.

Ноябрь 2001

ПРИПАЧКИН ПАВЕЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ

Припачкин Павел Валентинович – кандидат геолого-минералогических наук, специалист в области геологии рудных месторождений Кольского п-ова. Окончил геологический факультет Воронежского госуниверситета (1984) и без колебаний связал жизнь с Геологическим институтом Кольского НЦ РАН. Научные интересы: геология и минералогия железорудных месторождений Приимандровского района, медно-никелевых и платинометальных месторождений и рудопроявлений Фёдорово-Панского, Мончегорского и Мончетундровского массивов. Участник ряда международных – с «Bema Gold Corporation» и «Barrick Gold Corporation» – проектов по изучению платинометальных объектов Кольского п-ова. Автор и соавтор более 50 научных публикаций, среди которых: Существует ли ритмическая расслоенность в нижнем горизонте Фёдорово-Панского массива? (1997); Применение и интерпретация статистических методов анализа петрографических структур (1999); К вопросу о геологическом строении и платиноносности восточной части Мончегорского плутона (2009). А ещё П.В. – талантливый стихотворец. Конечно, лёгкость пера он унаследовал от отца, известного на Кольском п-ове геолога и поэта. «Яблочко от яблоньки недалеко упало» – это про него. Хочу пожелать, чтобы П.В. отринул присущую ему скромность и поскорее одарил нас сборником своих стихотворений. А пока – два из них, из последних. – *Ред.*

ПЛЮС В ЯНВАРЕ...

Плюс в январе, и мокрый снег,
И всё не так, и всё не так...
И я, несчастный человек,
Бреду, сутулясь, как босяк...
Противно лезет снег в глаза,
Стекает, тая, по щекам,
Как будто катится слеза
По прошлым, лучшим временам.
Плюс в январе, и тает вдруг
Привычный и уютный мир.
Проник за шиворот испуг
Откуда-то из «чёрных дыр».
Уходят тверди из-под ног,
Размокшей кашей становясь.
Со всех расквашенных дорог
Из-под колёс летит в нас грязь.
На наши светлые мечты,
На наш порядок и покой...
На белом – плечи черноты,
Что стало с милою зимой?
Пусть призывают мудрецы
Терпимым быть к любой поре,
Молю, Небесные Отцы,
Не надо плюса в январе!

ПЯТНИЦА

Нет совсем ощущения пятницы,
Бестолковый сегодня день,
Под откос вся неделя катится,
Мыслей нет, и работать лень...
Никаких не свершил я подвигов,
Не растратил душевных сил,
Нет совсем предвкушенья отдыха,
Даже пива – не заслужил!
День рабочий давно закончился,
Ну а я – за своим столом,
У листочка бумаги скорчился,
Не спешу в свой уютный дом.

Неожиданно вдруг замаялся
В этой тягости бытия:
Этот день, о котором каялся,
Зря ли прожил сегодня я?
Кто-то гибнет сейчас под пулями,
Кто-то бьёт мировой рекорд,
Кто-то грузит шкафы со стульями,
Кто-то платье на свадьбу шьёт.
Происходят вокруг события,
И какой-то пытливый ум
Совершает свои открытия,
Приближая научный бум.
Ну, а я будто в вечном времени,
Вдалеке от насущных дел,
Совершаю своё движение
Как частица небесных тел.
Мне в дыру бы чёрную спрятаться,
Где навек исчезает свет...
Нет совсем ощущения пятницы,
И реальности – тоже нет.
Из-за дум этих лоб мой морщится,
И ушёл из души покой,
Но вошла в кабинет уборщица
И меня прогнала домой...

СИЛАЕВ ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ

Силаев Валерий Иванович – доктор геолого-минералогических наук, известный исследователь минералогии и геохимии Урала, области научных интересов: теоретическая, систематическая и генетическая минералогия, минералого-геохимические закономерности породо- и рудообразования. Родился в казачьей станице на территории нынешней Чечни. Предки по материнской линии – из староверов, впоследствии терских казаков, по отцовской – из крестьян Воронежской губернии. Деды – участники русско-японской и I мировой войн, отец – участник II мировой. В школу пошёл при военном гарнизоне на берегу Японского моря, окончил её в Липецке. Поступил на геолого-географический факультет Ростовского университета. По его окончании был направлен в аспирантуру Коми филиала АН СССР, где обучался под руководством будущего академика Н.П. Юшкина. Кандидатскую диссертацию защитил в ИГГ АН СССР в 1975 г., докторскую – в ИГ Коми НЦ УрО РАН в 2007 г. Полевые исследования проводил на Пай-Хое, Полярном, Приполярном, Северном и Среднем Урале, о. Вайгач, Северном Тянь-Шане, в Забайкалье, Южном и Центральном Казахстане. Опубликовал более 320 научных работ, в том числе 11 монографий и 12 брошюр. Смесь наследственных и благоприобретённых черт сформировали В.И. таким, каким мы его знаем и ценим – широкий кругозор, острый ум, автономность мышления, скептицизм и нонконформизм... В изданиях Геологического института КНЦ РАН и Кольского отделения РМО публикуется впервые. – *Ред.*

КРАСНЫЕ, СИНИЕ, ЖЁЛТЫЕ, ЗЕЛЁНЫЕ

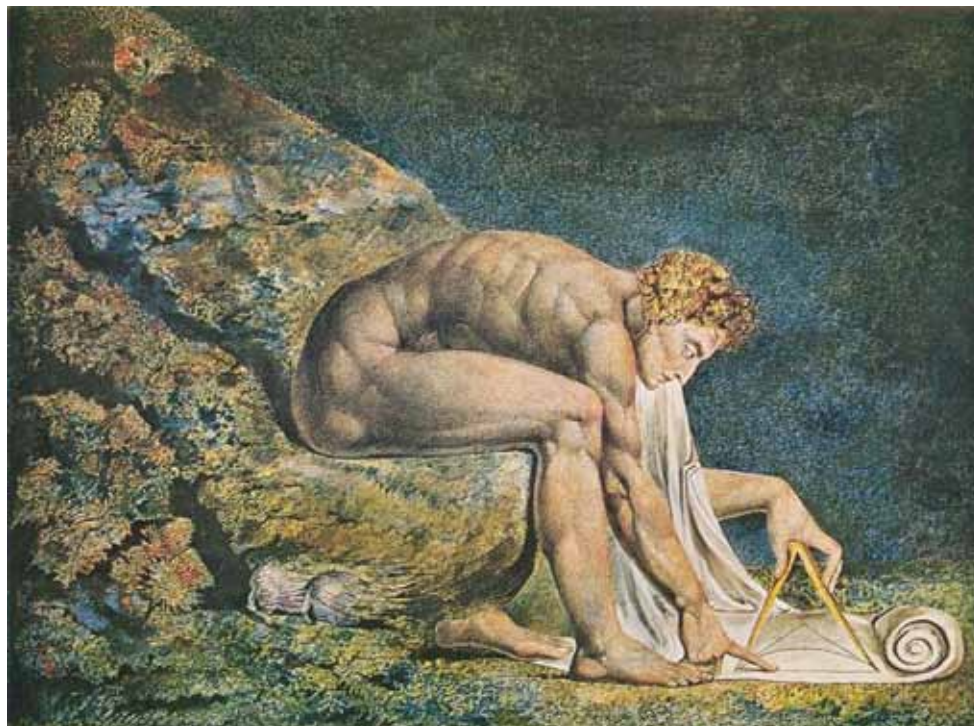
Минералогии тоже шутят

Люди приходят на этот свет одинаково. Потом учатся в похожих школах, в том же самом университете, годами вместе работают, но в итоге из одних получают директора институтов, другие не стремятся в начальники, но совершают научные открытия, третьи являются опорой творческого коллектива, но при этом нуждаются в целевом руководстве. Почему так происходит – великая тайна. Но если мы даже никогда не раскроем эту тайну, осмысленно относиться к тому факту, что все люди разные, вполне возможно и даже полезно. Это как в случае с астрономией: человечество веками не понимало законов космоса, но это не мешало людям пользоваться небесными явлениями для предсказаний погоды и мореплавания. Вернёмся, однако, от звёзд к людям. Из всех известных приёмов психоанализа наиболее интересным в контексте поставленного выше вопроса кажется классифицирование людей по типу доминирующей склонности поведения. Согласно одной из классификаций такого рода, людей пресловутого умственного труда можно подразделить на четыре типа, а именно на «красных», «синих», «жёлтых» и «зелёных».

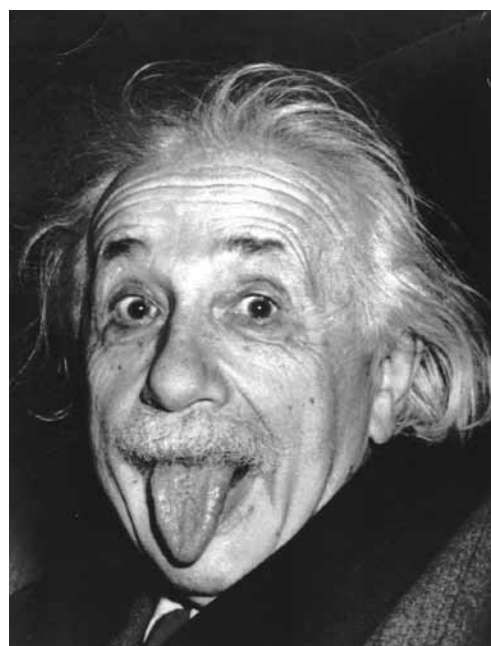
Красные – вожди-харизматики («наполеоны»). Всегда стремятся к руководству, а если это невозможно, то добиваются максимальной близости к руководителю. В случае достижения руководящего поста окружают себя управляемыми, т. е. скорее слабыми, чем сильными людьми. В чистом виде красные истинными творческими способностями не обладают и рутинной

работы не любят, поскольку не видят в ней конкретной пользы для достижения карьерной цели. В случае неудачи теряют к текущей деятельности всякий интерес.

Синие – лидеры-трудоголики («ньютоны»). Им не важно, как идти к цели – в одиночку или в компании с кем-то. Разница между вождями и лидерами состоит в том, что первые ведут за собой людей, не всегда понимая куда именно, а вторые часто идут в одиночку, но всегда в правильном направлении. Синие – инициативные интроверты, некарьеристы, склонные к конкретной, систематической и правильно организованной работе, нацеленной на конечный результат. Это – идеальные специалисты, аналитики, порой выдающиеся стратеги и неплохие тактики. Но при всём этом синие отличаются педантизмом, и за пределами профессиональной жизни часто производят неблагоприятное впечатление.

Жёлтые – творцы-интуитивисты («эйнштейны»). Скорее генераторы идей, чем их воплощатели. Чистые жёлтые кажутся окружающим лодырями, поскольку конкретной работы не любят, иногда даже не умеют и не хотят ею заниматься. Однако последнее происходит по иной, чем у красных, причине. Жёлтые приходят к решениям слишком быстро, чтобы успеть заинтересоваться процедурой. Это коллегами не

всегда оценивается по достоинству, но в ситуации творческого тупика именно жёлтые и есть главный шанс для нового развития. Жёлтые совершенно равнодушны к личной карьере, к руководителям относятся снисходительно с оттенком превосходства. Они очень часто экстраверты и даже любимцы в коллективах, склонны к сибаритству.

Зелёные – неинициативные, но компетентные и успешные исполнители, как никто способные к тяжёлой конкретной работе («шерпа»). Узкие, но часто глубокие и даже незаменимые специалисты. Чистые зелёные – позитивные и ответственные люди, лишённые сильных карьерных инстинктов, рассматривающие трудовой коллектив как продолжение семьи. Однако в конечном счёте в отличие от синих всегда отдают приоритет последней.

Рассмотрим некоторые следствия из предложенной классификации.

Синие – очевидно, главная ценность творческих коллективов. Именно они получают наиболее важные научные результаты, именно им поручают самые сложные задачи, именно они обеспечивают коллективный имидж. Синий цвет очень устойчив. Примеси к нему мало что меняют в принципе, но приводят к некоторым вариациям. Самая лучшая добавка к синему – жёлтая. В этом случае синие становятся ещё интереснее, хотя и несколько теряют при этом в систематичности и концентрации. В случае прибавки красного синие приобретают некоторую склонность к руководству, хотя руководители из них всё равно получаются не оптимальные, поскольку синие и на руководящей должности продолжают акцентироваться лишь на собственных исследованиях. Примесь зелёного делает синих пассивнее и более склонными к оглядке, что почти всегда снижает творческий потенциал.

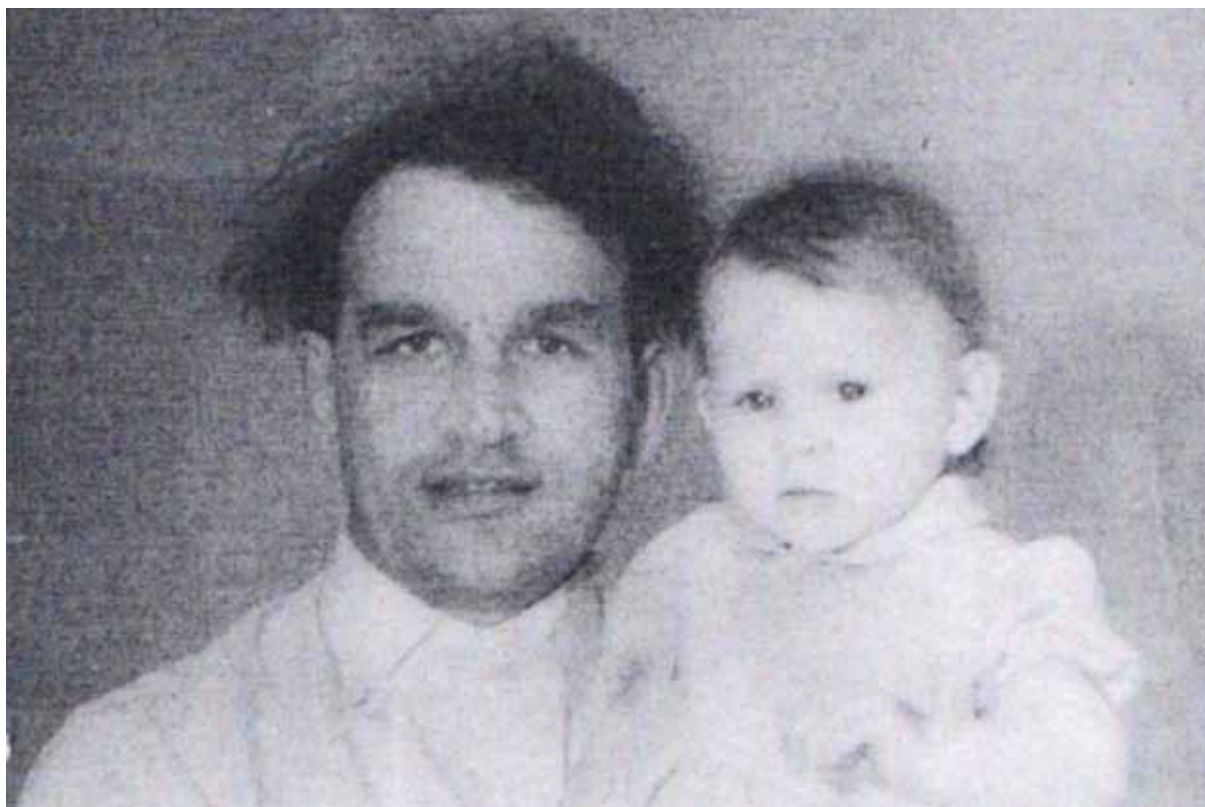
Жёлтые – самый дефицитный и одновременно самый опасный компонент в творческих коллективах. Фигурально выражаясь, они даже не столько часть организма, сколько фермент, в отсутствии которого организм скорее спит, чем бодрствует, а при избытке которого разрушается. Примесь синего к жёлтому приводит к самому выдающемуся результату – это вообще ре-

цепт получения эйнштейнов, ландау, пушкиных при наличии, разумеется, соответствующих талантов. Добавка красного порождает у жёлтых интерес к руководству, которое, однако, для них совершенно противостоит и поэтому никогда не приводит к позитивным результатам. В случае прибавки зелёного жёлтые становятся менее агрессивными по отношению к чужим идеям, что делает их более коммуникативными, но при этом они оказываются менее эффективными по части выдвижения безумных идей, что и является главным смыслом существования жёлтых в природе.

Зелёные – это большинство научных работников. Именно качество образования, уровень профессиональной подготовки и степень трудолюбия этих людей и определяет эффективность деятельности всех прочих – синих, жёлтых и т.д. Вопреки досужим мнениям зелёные при добавке других цветов проявляют значительную пластичность. Примесь синего, например, делает их самостоятельнее и поэтому плодотворнее. Добавка жёлтого вообще порождает идеальных сотрудников, которым не надо разжёвывать задание, поскольку они всё равно всё сделают по-своему и, скорее всего, лучше, чем если бы следовали инструкциям. Это как в случае с Арчи Гудвином при Ниро Вульфе. Как известно, первый выбирал задачи, размышлял, лёжа в кресле, и принимал окончательные решения, а второй самостоятельно делал всё остальное. А вот примазка красного к зелёному – нежелательна. В этом случае мы можем получить упрямого, склонного к конфликтности и при том неэффективного, если вовсе ни вредного персонажа.

Красные – самый спорный компонент в научных коллективах. Конечно, в любом деле нельзя обойтись без вождя, но влияние последнего на творчество может варьироваться в самом широком диапазоне – от точки замерзания до сияющей вершины. Почему так происходит? Думаю, что это определяется, прежде всего, примесями. Оптимальная добавка к красному – синяя. В этом случае мы получим руководителя, имеющего личную научную биографию, понимающего природу творческого труда и способного отделять зёрна от плевел. Примесь жёлтого может породить руководителя-авантюриста типа «грудь в крестах или голова в кустах». При этом особенно плохо то, что кресты на грудь в случае удачи получает сам руководитель, а головы в кустах в случае провала складывают его подчиненные. Как показывает опыт, последнее случается гораздо чаще. Примесь зелёного к красному крайне нежелательна. Это вариант слепого поводыря, следование за которым не только контр-продуктивно, но и практически всегда чревато крупными неприятностями.

Конечно, рассмотрев принцип классифицирования научных сотрудников по психодоминанте, мы не можем следом претендовать на оценку конкретных людей в конкретных обстоятельствах. Это пусть останется прерогативой заинтересованных коллег. Нам же остаётся надеяться, что высказанные соображения не покажутся совсем примитивными, скучными и тем более неверными опытному и проницательному читателю.

СКВОРЦОВ ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

Скворцов Юрий Иванович (1928-2005) – учитель истории. Окончил Архангельский педагогический институт (1956). Недолго работал в Сибири, потом перебрался на Кольский п-ов, где преподавал в школах г. Кандалакши, затем пос. Зеленоборского. В мурманских периодических изданиях публиковал краеведческие статьи. В рукописях оставил после себя рассказы, стихи и сказки, которые сочинял для своих дочерей. Одна из них стала геологом. Она-то, моя однокашница по Ленинградскому горному институту, и передала мне неопубликованные тексты отца, увидев на моём столе наш первый сборник «Месяц кончается март...» (2005). В книге «Конгломерат» (2006) напечатан его рассказ «Орлан» о директоре леспромхоза «Мурманский» А.Б. Васильеве, изобилующий интересными этнографическими и историческими наблюдениями. И вот – продолжение знакомства с литературным наследием Ю.И. Быть может, кто-то скажет, что мы опустились до сказок. Категорически возражу. Мы, наконец, возвысились до сказок, поскольку именно они исподволь формируют наши принципы. Признаюсь, моя любимая сказка была «С кем зайчику дружить надо». Отец и мама рассказывали её по очереди, иногда – по ролям. Отец озвучивал медведя и волка, мама – зайчиху, белку, лису и еловую шишку. Я редко дослушивал сказку до конца – засыпал, едва закрыв глаза. Назавтра же требовал повторения спектакля... В итоге, кажется, усвоил, с кем дружить надо. А вы говорите – сказки! – *Ред.*

ВЕСЕЛЫЙ РУЧЕЁК

С каждым днём весеннее солнышко поднималось всё выше, пригревая ласковым светом промёрзший за зиму лес. Снег начал таять, лёд – плавиться. На лесной поляне пробудился среди снега первый ручеёк и весело запел:

*Буль-буль-буль, були-буль,
Я по лесу гули-гуль.
Самый лучший я певец,
Веселись – зиме конец!..*

Услышал эту песню заяц. Обидно ему стало. Прискакал он на поляну и говорит ручейку:

– Это ты лучший певец? Посмотрим сейчас, чья песня лучше!

Поднялся он на задние лапы, вытянул уши, передними лапками быстро около усатой мордочки заперебирал и запел:

*Гу-гу-гу, гу-гу-гу,
Разбудить я всех могу.
Собирайся, заячий род,
Дружно встанем в хоровод!*

– Вот как надо петь – важно сказал заяц. – Я и есть в лесу самый лучший певец.

Засмеялся ручеёк:

– Уж очень твоя песня короткая. Кто её услышит?

– Моя песня короткая? А ну-ка, давай попробуем, кто кого перепоёт!

И стали они друг перед другом петь. Ручеёк – буль-буль-буль, а заяц – гу-гу-гу. Пели они, пели, но вот заяц начал уставать. Охрип даже. Закашлялся, потрогал лапкой горло и умолк. Стыдно ему стало перед ёлками и ускакал он в лес. А весёлый ручеёк ещё радостнее запел:

*Буль-буль-буль, були-буль,
Я по лесу гули-гуль.
Самый лучший я певец,
Веселись – зиме конец!..*

Вдруг к ручейку спланировал пёстрый дятел и примостился перед ним на сосновой сушине.

– Кто здесь лучший певец? Ты, ручей? Ну-ка, послушай!

Уселся он поудобнее, хвостом в сушину упёрся и забарабанил по ней клювом, да так быстро – только голова с красной шапочкой замелькала. Получилась такая песня:

*Дрр-дрр, дыр-дыр-дыр,
Продолблю сосну до дыр.
Но об этом не тужу,
Всех в лесу я разбужу!*

– Чья песня лучше? – задорно спросил дятел.

А ручеек смеётся:

– Короткая твоя песня. Кто её услышит?

– Короткая? – возмутился дятел. – А ну, давай попробуем – кто кого перепойёт:

И стали они друг перед другом петь. Ручеек – будь-буль-буль. Дятел – дыр-дыр-дыр. Пели они, пели, только устал у дятла нос, он ведь песню-то свою носом выстукивал. Умолк, потёр клюв лапкой. Понял дятел – не перепеть ему ручейка и упорхнул в лес. А весёлый ручеек пуще прежнего заливается:

*Буль-буль-буль, були-буль,
Я по лесу гули-гуль.
Самый лучший я певец,
Веселись – зиме конец!..*

Тут из-за ёлок к ручейку важно выступил глухарь.

– Кто тут лучший певец? Ручей? А ну-ка, послушай!

Поднял глухарь кверху свою краснобровую голову, коричневые крылья к снегу опустил, чёрный хвост веером развернул и запел:

*Тэки-тэки-тэки, – клёк,
Глухарей зову на ток.
Лучшие всех в лесу пою –
Песню слушайте мою!*

– Ну как? – гордо спросил глухарь.

Смеётся ручеек:

– Что это за песня – короткая такая! Кто её услышит?

Обиделся глухарь:

– Раз так, попробуем давай – кто кого перепойёт!

И стали они друг перед другом петь. Ручеек – будь-буль-буль. Глухарь – тэки-клёк. Пели они, пели, и глухарь всё-таки сбился. Где надо было спеть «тэки» спел «клёк», а где надо «клёк» – спел «тэки». Стыдно ему стало перед ёлками. Опустил он голову, крылья поднял, хвост свернул и ушёл в лес. А весёлый ручеек ещё звонче заливается:

*Буль-буль-буль, були-буль,
Я по лесу гули-гуль.
Самый лучший я певец,
Веселись – зиме конец!..*

Вдруг к ручейку из-за зелёных ёлок выскочил чёрно-синий тетерев-косач, да как зашипит:

– Чушь! Чепуха! Я – лучший певец! Смеёшься? Слушай.

Распушился тетерев, закрутился как чёрный шар.

*Гур-гур-гур, гур-гур-гур,
Жду на небе я пурпур.
Между кочек, между ям
Убегу на ток к друзьям!*

– Вот как надо петь – важно сказал тетерев. – Я и есть самый лучший певец!

А ручеёк смехом заливается:

– Уж очень песня твоя короткая! Кто её услышит?

Рассердился тетерев:

– Раз так – хорошо! А ну, держись! Посмотрим, кто кого перепойёт.

И они запели. Ручеёк – буль-буль-буль. Тетерев – гур-гур-гур. Долго они пели – никто никому не уступает. Но как не упрям был тетерев, а начал и он уставать. Сбился всё-таки! Вместо «гур-гур», спел «мур-мур» и замолчал. Хотел уже в лес отступить, да слышит – и ручей еле поёт:

– Буль-буль.

И тоже умолк. Обрадовался тетерев – перепел всё-таки, раз ручеёк больше петь вовсе не может. Значит он, тетерев, самый лучший певец в лесу? Прыгнул он на валежину отдохнуть, очень уж устал. Притих и даже задремал. А с ручейком вот что случилось. Как только солнышко стало садиться за горизонт, выполз из оврага последний зимний холод и давай подмораживать. Мёрзнет снег, вода в ручейке подмерзает, а потом и вовсе ледком затянулась. Вот почему замолчал ручеёк.

Но недолго хозяйничал в лесу зимний холод. Прилетел тут тёплый весенний ветерок и совсем прогнал его из леса. Снова кругом начали таять снег и ледок. Тетерев проснулся, слышит – опять поёт веселый ручеёк. Удивился тетерев. Посмотрел на ручеёк одним глазом, повернул голову – другим посмотрел – плещется на поляне ручеёк и весёлой песней заливается. Где уж тут усталому тетереву с ним состязаться. Спрыгнул он с валежины и убежал в лес. А весёлый ручеёк пуще прежнего на весь лес поет:

*Буль-буль-буль, були-буль,
Я по лесу гули-гуль.
Самый лучший я певец,
Веселись – зиме конец!*

С тех пор в лесу все знают, что самый лучший у них певец – это весёлый ручеёк. И никто больше с ним не спорит, а маленькие птички даже в песенках прославляют его.

ЛЮБОПЫТНЫЙ МЫШОНОК

В солнечный летний день на зелёном склоне холма у своей норки сидели лесная мышь со своим мышонок. Он впервые вылез из норки и с интересом осматривался. Вокруг полянки росли стройные сосны. Внизу, поблёскивая водой, шумела среди камней быстрая речка!

– Это что? – спрашивал мышонок, указывая лапкой на травянистый ковёр перед норкой.

– Это вкусная травка, мой маленький, – объясняла мать, любуясь сыночком. – Её можно грызть и хрустеть. Травка хорошая.

– А это что?

– Это солнышко, сыночек. Оно всем светит и всех греет.

– Давай возьмём солнышко к себе в норку!

– Ну что ты, глупенький. Солнышко высоко. Пусть сверху греет, это ещё лучше. Солнышко хорошее.

– Да, всё хорошее... А что самое-самое лучшее на свете?

Мышка-мать лишь на мгновенье задумалась. Вскоре её усатая мордочка расплылась в довольной улыбке.

– Лучше хлебной корочки, пожалуй, ничего нет. Как-то люди оставили в нашем лесу хлебную корочку, и я её сгрызла. Она очень вкусная!

– Я тоже хочу хлебную корочку! – захныкал мышонок.

– Ну, сыночек, не думай об этом. Где же её взять? Мало кто из лесных мышей пробовал хлебную корочку. Слышала я, что её можно найти в домах у людей. У нас близко только один такой домик. Он там, куда бежит речка.

– Хочу в человеческий домик!

– Что ты, мой маленький! Разве можно об этом думать? Да нам от своей норки-то опасно далеко убегать. Вдруг лиса, сова или ворона. Они плохие. А в человеческих домиках, говорят, есть страшный зверь – кошка. Туда никак нельзя!

– Ну и пусть! Я их не боюсь!

– Нет! Нет! Хоть хлебная корочка и лучше всего на свете, но ты об этом забудь. Для нас в лесу есть разная травка, зёрнышки и корешки.

Но любопытный мышонок не забыл о хлебной корочке. С тех пор он часто думал о ней. Он даже усмехался самодовольно, представляя, как будет грызть хлебную корочку. Однажды тихим, ясным вечером, когда мышка-мать задремала в норке на травяной постельке, мышонок выбрался наружу и побежал к речке. Сумерки уже укутывали дремлющую землю, на тёмном небе робко светились первые звёзды. Из-за дальнего чёрного леса выглядывала большая оранжевая луна. Мышонку казалось, что она осуждающе смотрит на него.

– Ничего, – подбадривал он себя. – Я быстро сбегаю. Мама проснётся, а я уже с хлебной корочкой вернусь. Вот она обрадуется!

Вдоль речки бежать стало веселее. Речка, словно посмеиваясь, расска-

звала притихшим берегам забавные истории. Мышонок всё же побаивался страшных врагов, о которых говорила мать, но продолжал утешать себя.

– Я маленький. Меня не заметят ни лиса, ни сова, ни ворона.

Когда лес кончился, перед мышонком открылось широкое поле со спящей травой и уснувшими цветами. Над полем висел прозрачный туман. Он казался маленькому путешественнику настоящим облаком, сквозь которое, словно живые, подмигивали разноцветные звёзды. Со всех сторон просторного поля доносился звонкий концерт кузнечиков и мышонка, услышавший его впервые, замер. Вдруг – скок! Перед ним очутился зелёный кузнечик.

– Ой! – испуганно вскрикнул мышонок, но кузнечик заговорил с ним приветливо.

– Не бойся меня, мышонок. Я тебя не обижу. Хочешь, я сыграю тебе красивую мелодию?

– А ты не лиса?

– Нет!

– Не сова?

– Да нет!

– Не ворона?

– Да что ты, дружок. Я мирный музыкальный кузнечик, послушай, как я играю.

– Нет, мне надо спешить. Я бегу в человеческий домик за хлебной корочкой. Ведь она лучше всего на свете.

– Хлебная корочка? – удивился кузнечик. – Нет, мышонок! Лучше всего на свете играть в лунную ночь на скрипочке. Послушай-ка...

Но мышонок уже пробирался дальше среди неподвижных трав и цветов, которые были для него настоящим лесом. Малыш начал уставать, и лишь мечта о вкусной корочке бодрила его. Наконец, поле кончилось, и за речкой, совсем близко, затемнел человеческий домик. В нём жил лесник со своей семьёй. Мышонок со страхом и любопытством рассматривал такое большое жилище. В доме было тихо, все спали. Послушав, мышонок осмелел и выбежал на твёрдую тропинку. Она вела через дощатый речной мостик прямо к человеческому дому. Отважный путешественник взобрался на мостик, но вдруг замер. На краю мостика важно сидела скользкая пучеглазая жаба.

– Ой! – вырвалось у испуганного мышонка.

Жаба горестно вздохнула.

– Ну вот и посиди спокойно. Опять мешают. Ещё мышат здесь не хватало. Как ты сюда попал и чего тебе надо?

– А ты... не лиса?

– Да ну.

– Не сова?

– Нет.

– Не ворона?

– Да ты что, мышонок! Разве похожа я, мирная жаба, на них? Зачем они тебе?

– Я их боюсь, а мне надо в человеческий домик за хлебной корочкой – она лучше всего на свете.

– Хлебная корочка? Ха-ха-ха-ха! И эта гадость лучше всего? И стоит из-за неё бегать по ночам? Да если ты хочешь знать, лучше всего на свете тина в болоте, мошки и комары. Послушай, мышонок.

Но мышонок уже прошмыгнул мимо жабы, добрался до человеческого дома и через низенькое окошко залез в чулан. Там пахло так вкусно, что повеселевший мышонок завертел мордочкой по сторонам. Конечно, так пахнуть могла лишь хлебная корочка, и радостный мышонок принялся за её поиски. Он лазал среди сундуков и бочек, пока его маленький носик, как компас, не повернулся в сторону небольшого ящика с сеткой. Там, при лунном свете, он увидел то, что искал – висевшую ароматную хлебную корочку, лучше которой нет ничего на свете. Как замороженный, добрался счастливый мышонок до неё, схватил лапками и... щёлк – ящичек захлопнулся. Испуганный мышонок захныкал от страха.

– Это кто там плачет? – раздался вдруг сверху чей-то тоненький голосок.

– Это я, мышонок. Мне никак не вылезти из ящичка.

– Зачем же ты туда залез?

– Я хотел взять хлебную корочку и вернуться в лес, мы там с мамой живём. Она говорила, что хлебная корочка лучше всего на свете.

– Эх ты, растяпа! Ну, просто маленький дурачок. Наверное, мама твоя пошутила. Да разве есть что-нибудь на свете лучше родного леса? Убежать из него ради какой-то корки? Возвращайся быстрее обратно, пока не появилась кошка.

– Да, а как мне бежать. Мне не вылезти отсюда.

– Ничего, вылезешь. Мышеловка старая. Отогни в углу сетку и выбирайся. Ну, вылез?

– Вылез! – ответил повеселевший мышонок.

– Тогда беги скорей!

– А ты меня не укусишь? Ты не лиса?

– Ой-ой-ой!

– Не сова?

– Что ты говоришь!

– Не ворона?

– Нет, мышонок. Я варакушка из твоего леса.

– А чего же ты тут сидишь, если лес больше всего любишь?

– Мне не вернуться. Я в клетке сижу. Меня люди этой весной совсем маленькой из гнезда взяли, чтобы я песни для них пела. А я очень домой хочу, в родной лес. Меня каждую ночь выносят на свежий воздух.

– А сетка в клетке нигде не отгибается?

– Нет! Моя клетка сделана из деревянных палочек.

– Из деревянных? Мама говорила, что мы можем перегрызать деревянные палочки. Погоди, я к тебе залезу и перегрызу палочки.

Вскоре птичка-варакушка тоже оказалась на свободе, и они заспешили в родной лес. Варакушка бежала за мышонком сзади, в тесной клетке она и летать-то не научилась. Они вылезли через светящееся окошко и что было сил заспешили к речке, а дальше – в родной лес. Луна висела высоко над лесом и казалась мышонку доброй и ласковой. Кузнечики трещали на поле по-прежнему, но словно веселее, как бы приветствуя маленьких беглецов. Мышонку и варакушке повезло: лиса и сова охотились в другом месте, ворона дремала на дереве в глубине леса, а кошка крепко спала в доме, напившись молока. На холме у норки к мышонку кинулась заплаканная мать.

– Сыночек! Ты цел? А я-то думала, что больше тебя не увижу! Где ты пропадал?

– Я бегал в человеческий домик за хлебной корочкой.

– Ах, ты, непослушный! Тебя совсем нельзя оставлять без присмотра! Погоди, а кто это за тобой стоит?

– Это варакушка из нашего леса. Мы вместе из человеческого дома убежали из ящиков-клеток.

– Варакушка? Не из дуплистой ли ты ивы, что у речки?

– Да, – ответила птичка. – У нас там гнездо.

– Тогда надо спешить! Мама твоя по тебе изгоревалась!

Они отвели варакушку к родителям, которые очень обрадовались, и вернулись к своей норке. В ней они стали жить по-прежнему. Мышонок подрос, многое узнал о лесе, полюбил его и больше никогда из него не убегал. А маленькую варакушку родители научили летать. И она, счастливая, часто пела свои красивые песенки на зелёной сосне недалеко от мышиной норки. Она пела о том, что лучше родного леса и дома нет ничего на свете. Мышонок тоже знал это и очень любил слушать звонкие песни птички-варакушки.

НОВОГОДНИЙ ПРАЗДНИК ЗВЕРЕЙ

В одном дремучем лесу, куда люди не знают дороги, звери каждый год устраивают весёлый новогодний праздник. Даже соня медведь вылезает из берлоги, чтобы повеселиться вместе со всеми. В том лесу среди высоких деревьев есть просторная поляна, на которой растут красивые молодые ёлочки. Звери поочерёдно наряжают одну из них ледяными сосульками, разноцветным мхом, гирляндами из сухой травы и даже фонариками из светящихся гнилушек. Рядом готовят снежные столы и раскладывают на них ягоды, сухие грибы, шишки и другие лесные лакомства. После угощения звери веселятся у наряженной ёлочки. Много бывает там шуток и смеха. И никто никого не обижает.

А ёлочки на поляне мечтают меж собой. Какую же из них в этом году наряжать будут? Только одна ёлочка посреди поляны стояла молчаливая.

Она росла кривой, с редкими веточками. Когда она была совсем маленькая, проходивший мимо лось наступил на неё тяжёлым копытом. Звери словно не замечали некрасивую ёлочку, будто её и вовсе не было. Только один зайчик навещал её. Он был добрый и очень жалел кривую Ёлочку. Зайчик часто говорил:

– погоди, Ёлочка. Со временем ты выпрямишься, тебя тоже нарядят, и все звери в новогодний вечер будут около тебя веселиться.

– Ничего, – тихо отвечала ему кривая Ёлочка. – У каждого своя судьба. А тебе, добрый Зайчик, спасибо, что не забываешь меня.

– Как бы она совсем в одиночестве не засохла, – подумал Зайчик и однажды сказал зверям:

– Давайте в этом году нарядим кривую Ёлочку, она ведь тоже из нашего леса.

Но звери только рассмеялись на его слова, а Лиса ещё и обругала.

– Ну и дурачок же ты, Заяц! Зачем нам кривая Ёлка, если кругом столько красавиц!

– Ладно. – Ответил Зайчик. – Вы как хотите, а я Новый год буду встречать у этой Ёлочки.

Он заранее начал готовить ёлочные украшения и нехитрые подарки для возможных гостей. И вот наступил Новогодний вечер. На тёмном бархатном небе зажглись разноцветные звёздочки, а над заснеженным лесом засветилась большая ясная луна. Они с любопытством смотрели на землю, где в этот необычный вечер было так много интересного. А в это время в лесу на краю снежной поляны у одной из стройных ёлочек шумно веселились звери. Лишь одинокий Зайчик сидел посреди поляны у кривой ёлочки и радовал её стихами и песенками. Внезапно он умолк – совсем близко за деревьями раздались чьи-то голоса, и вскоре к Зайчику вышли Дед Мороз и Снегурочка. Их нарядная одежда сверкала в лунном свете. Дед Мороз с улыбкой протянул к Зайчику руки.

– Ай да Зайчик! Ай да молодец! Услышали мы о твоей доброте, услышали! Ну, здравствуй, Заинька! Здравствуй и ты, милая Ёлочка! С Новым годом вас! Так, значит, никто к вам на праздник не пришёл?

– Не пришёл, – тихо ответил Зайчик.

– Ничего! Это дело поправимое. Снегурочка, возьми-ка у меня за кушак волшебную палочку и сделай так, чтобы Ёлочка стала красивой и нарядной!

Снегурочка дотронулась до Ёлочки волшебной палочкой, и та сразу же стала стройной, пушистой и засветилась от множества сверкающих игрушек. Вокруг неё посветлело. Зайчик так и засиял от радости.

– Отлично! – сказал Дед Мороз. – А теперь надо порадовать этого славного Зайчика!

Снегурочка взмахнула волшебной палочкой и произнесла:

– За то, что ты, милый Зайчик, пожалел бедную Ёлочку, будь счастлив в этот Новогодний вечер!

И тотчас же в лапках у Зайчика появился узорчатый поднос с большой сочной морковкой среди зелёных капустных листьев. Зайчик так и засветился радостной улыбкой, а Снегурочка добавила:

– Но это ещё не всё! Пусть здесь будут столы с угощениями для возможных гостей!

И вокруг Ёлочки появились столы. И чего только на них не было: конфеты, пряники, орехи, фрукты и даже бочонок с мёдом!

– Отлично! – произнёс Дедушка Мороз. – А теперь, Снегурочка, распорядись о подарках!

И сразу же рядом со сверкающей Ёлочкой появился большой мешок с всевозможными подарками, а в руках у Снегурочки заблестела красочная шкатулка.

– Это тебе, Заинька, музыкальная шкатулка. Заводи её, и она будет играть.

Дед Мороз и Снегурочка пожелали Зайчику и Ёлочке счастья и заспешили дальше. В этот вечер у них много разных дел. А в это время на краю поляны звери шумно продолжали веселиться у своей ёлочки. Внезапно Лиса захлопала лапами:

– Тихо, друзья! Послушайте, что я вам скажу! Давайте сходим к этому дурачку Зайцу и посмотрим, что он там один у кривой Ёлки делает. Наверное, грызёт кусок осиновой коры да хнычет. Вот уж посмеёмся вволю!

– Правильно! Надо сходить, – раздалась весёлые голоса, а Медведь добавил:

– Можно его и сюда позвать. Вон у нас сколько сухой травы осталось, пусть погрызёт.

И звери весёлой гурьбой направились к кривой Ёлочке, потешаясь на все лады над Зайчиком. Но как только они вышли к Ёлочке, так и замерли. У некоторых даже рты открылись от изумления. Они увидели сверкающую красавицу Ёлочку, рядом с ней большой мешок с подарками, а главное – столы с множеством угощений, какие им и во сне не снились. За столом сидел весёлый Зайчик, ел морковку и слушал чудесную музыку из сверкающей шкатулки. Первой опомнилась Лиса. Она заулыбалась и произнесла сладким голосом:

– С Новым годом тебя, наш любимый Заинька. Мы пришли тебя поздравить и пожелать тебе счастья. Не так ли, дорогие звери?

– Так! Так! – раздалось несколько несмелых голосов. – Поздравить и пожелать... Пожелать и поздравить...

– Спасибо! – ответил Зайчик. Тогда садитесь за столы и угощайтесь. Мы с Ёлочкой тоже поздравляем вас с Новым годом и желаем вам счастья!

Зайчик улыбнулся и прибавил громкость музыкальной шкатулки. Весёлая музыка понеслась по лесу. Что тут началось! Звери быстро расселись за столы, и пошёл у них пир горой. Медведь даже обнял бочонок с мёдом, то

и дело к нему прикладываясь. Отведав разных лакомств, довольные звери стали петь и водить хороводы вокруг Ёлочки. Зайчик раздал всем подарки, и радостные звери стали выходить к Ёлочке со стихами. Первым вышел Медведь. Он никак не мог расстаться с бочонком. Осмотрев всех сияющим взглядом, Медведь произнёс:

*Мне зачем теперь берлога,
Если в лапах мёду много?
Тот, кто любит сладкий мёд,
Тот всегда меня поймёт!*

Медведю дружно похлопали. За ним к Ёлочке выскочила проворная Белка. Она подняла лапку с орешком и радостно пропищала:

*Нынче белочке не грех
Щёлкнуть кедровый орех!
И другие все орехи
Можно щёлкать без помехи.*

Тут всех насмешил Волк. Когда его вытолкнули к Ёлочке, он ничего не мог произнести и только мычал, так много было у него во рту липких леденцов. Наконец, он их кое-как проглотил и, улыбаясь, сказал:

*Этих сладких леденцов
Много скушать я готов!
Попируем, а пока
Отхвачу я трепака.*

И волк пустился так отплясывать вприсядку кругом Ёлочки, что среди зверей поднялся дружный хохот. Потом выходили со стихами Рысь, Выдра, Горноста́й и другие звери. Только Бобр ничего не мог сказать стихами, но и ему кое-что подсказала Выдра. Последней к Ёлочке плавной походкой вышла Лиса. На шее у неё висело ожерелье из румяных баранок. В одной лапе она держала плитку шоколада. Прищулив глаза, она почти пропела:

*Я всегда, друзья, хвалила
Этой Ёлочки красу.
Ну, а Заинька наш милый
Лучше всех во всём лесу!*

— Ура! — закричали звери. — Да здравствует наш любимый Зайчик и наша красавица Ёлочка! И такое у зверей пошло веселье, что звёздочки на небе заморгали. А над лесом заулыбалась светлая луна.

ТАЙНА ВЕЛИКИХ САДОВ

На юге среди травянистых степей красовался на одиноком холме старинный город. Его аккуратные домики с разноцветными черепичными крышами утопали в зелени фруктовых садов, белых от цветения весной и пё-

стрых от разных фруктов осенью. Этот красивый и богатый город издавна так и называли – город Великих Садов. Сады его славились особенно вкусными и ароматными яблоками, сливами, вишнями и грушами. Многие люди приезжали издалека на повозках и фургонах, чтобы закупить побольше таких чудесных фруктов.

Горожане очень гордились своими садами, приносящими им большой доход. Где только можно они сажали новые фруктовые деревья. Лишь на одном краю города рядом с тихой речкой у скромного домика фруктовый садик был совсем небольшой. Зато домик окружали со всех сторон высокие клёны и липы, загораживая его от ветров. В домике жил старик с маленьким внуком. Любил он слушать приветливый шум листьев своих старых друзей – клёнов и лип – и ни за что не соглашался заменить их фруктовыми деревьями.

Маленький внук старика Стасик был голубоглазый, со светлыми, словно лён, волосами, простой и ласковый. В городе над ним часто посмеивались за привязанность к птичкам, стрекозам, бабочкам и за это называли чудачком. Старик обычно сидел на крылечке своего домика и плёл из прутьев корзины. Стасик помогал дедушке. Как-то весной у них было очень много работы, и они засиделись до темноты. Тут Стасик заметил, что в их саду среди притихших деревьев замелькали маленькие быстрые тени. Мальчик спросил дедушку и тот, не переставая работать, пояснил:

– Это летучие мыши.

– Летучие? Разве бывают такие мыши?

– Да, они вылетают только с темнотой.

– А где они живут?

– Где придётся. На чердаках, в дуплах деревьев.

С тех пор любознательному Стасику очень захотелось что-нибудь узнать об этих удивительных существах.

– Какие они? – думал мальчик. – Что они делают среди спящего города?

Он представлял себе, как во мраке ночи летучие мыши с мышами, трепеща крылышками, проворно летают около домов и деревьев. Однажды ночью Стасик проснулся в своей кровати. В доме было тихо, лишь спокойно тикали старенькие часы. За окном на звёздном небе светила круглая луна. Мальчик подумал: «А что, если сходить на чердак? Сейчас самое время увидеть летучих мышек!» Он тихо встал с постели, накинул одеяло и украдкой направился к двери. В прохладных сенях даже часов не было слышно, лишь где-то в углу стрекотал сверчок. Эта песенка и надежда увидеть загадочных летучих мышей придали мальчику смелости, и он осторожно начал подниматься по холодным ступеням чердачной лестницы.

Спящий чердак открылся перед ним таинственным полумраком и запахом сухих веников. Из маленького оконца наискосок на пол падал голубой пучок лунного света. Стасик осмотрелся, осторожно пробрался в чердачный угол и присел на старый сундук. Там он плотнее закутался в одеяло и при-

готовился терпеливо ждать, не переставая думать: «Летучие мышки могут появиться в любое время, и я увижу их». Время тянулось медленно, но никто не появлялся, кроме светящейся луны, которая краешком заглядывала в оконце. После долгого ожидания Стасик стал подумывать о возвращении, как вдруг в проёме окна с лёгким шорохом замелькали быстрые летающие тени. Они затихали вверху под крышей среди балок и перекладин. Мальчик затаил дыхание. Конечно, это были летучие мыши.

– Интересно, что теперь они будут делать, – думал он. – Уж не запоют ли, как птички?

Но вместо песен среди ночной тишины вверху зазвучал строгий голос:

– Все ли летучие мыши этого города собрались здесь?

Другой голос так же строго ответил:

– Да, Мудрый Ушан! Здесь все летучие мыши города, и мы готовы выслушать тебя.

Первый голос продолжал:

– Тогда слушайте и решайте, как нам быть. Здесь оставаться больше нельзя. Настало время улететь отсюда. Люди этого города совсем огрубели и стали плохо к нам относиться. Они смеются над нами, обзывают и при встречах кидают в нас, чем попало. Ещё недавно пострадали Вечерница, Нетопырь и Широкоушка. Вчера повредили крыло маленькому Кожанку, он еле спасся. А ведь мы спасаем сады от вредных насекомых, гусениц и червей. Разве это справедливо?

Гул возмущённых голосов раздался под сводами крыши. Стасик, поражённый услышанным, не посмел шелохнуться. Первый голос снова заговорил:

– Люди восхищаются дневными птичками, оберегают их, строят им домики и даже прославляют их в стихах и песнях. Мы же не слышали ни одного одобрительного слова. Мы привыкли и не ждём похвал. Мы хотим только, чтобы нас не обижали. Но этого не будет, и нам придётся улететь. Без нас сады этого города погибнут, а ведь мы любили их. Дневным птицам не справиться с вредными насекомыми, гусеницами и червями. Мы же переселимся в другое место. Длиннокрыл нашёл его за степью в лесистых горах. Здесь останется один Кожанок, пока у него не заживёт крыло. Потом Длиннокрыл прилетит за ним. Все ли готовы покинуть город?

Звуки одобрения послышались в ответ. И тогда Ушан печально произнёс:

– Прощай, неблагодарный город! Мы покидаем тебя.

Снова раздался шелест крыльев, замелькали улетающие тени. И тут к светящемуся оконцу торопливо вышел маленький мальчик. Уронив одеяло, он горестно начал звать, протянув руки:

– Летучие мыши! Летучие мыши! Не улетайте, не покидайте нас. Я упрошу людей не обижать вас.

Печальная тишина была ему ответом. Потрясённый происходящим, Стасик опустил на чердачный пол и горько заплакал, повторяя сквозь слёзы:

– Улетели... Все улетели...

Неожиданно безутешный плач мальчика прервал тоненький голосок, доносившийся сверху:

– Не плачь, добрый мальчик. Не все летучие мыши улетели. Я, Кожанок, останусь здесь, пока не заживёт крыло.

Стасик вытер ладонью слёзы.

– Потом ты покинешь нас?

– Что делать, что делать, – печально ответил Кожанок. – В этом городе нам стало плохо жить. Мудрый Ушан дал сигнал улететь отсюда. Заплаканный мальчик спросил с надеждой:

– Но если люди нашего города не будут вас обижать и попросят вернуться, вы прилетите?

– Не знаю. Об этом надо спросить Длиннокрыла. Он скоро навестит меня.

– А когда он прилетит?

– Он будет навещать меня каждой лунной ночью, пока не заживет моё крыло, а потом заберёт меня отсюда.

Тут Кожанок исчез. Опечаленный Стасик осторожно вернулся в свою постель. Он долго не мог уснуть: «Так вот они какие, летучие мыши. Они добрые. Без них сады в нашем городе погибнут». Утром Стасик всё рассказал дедушке. Тот покачал седой головой:

– Загордились, видать, наши люди, огрубели. Им надо поведать о грядущей беде, а летучих мышей просить вернуться.

Но горожане только смеялись в ответ. Даже мэр города толстяк Лапуга весело рассмеялся на это известие:

– Глупый этот Стасик, всё чего-то выдумывает!

Хоть и грустно было Стасику слышать это, но он надеялся, что люди одумаются. Сам же ждал по вечерам появления луны, чтобы увидеть Длиннокрыла и сказать ему обо всём. А погода как нарочно продолжала быть пасмурной. Стасик за это время даже стих сочинил о летучих мышах. Это был его первый стих:

*На свете нет лучше, надёжней друзей
Для наших садов и для наших полей.
Мы вас не обидим, ручаюсь вам я,
Летучие мыши! Вы наши друзья!*

Как-то поздно вечером Стасик заметил, что в комнате стало светлее. Он глянул в окно и с радостью заметил меж туч ясную луну. Мальчик хотел уже поспешить на чердак, как вдруг лунный свет в окне словно замигал. Стасик проворно слез с кровати, побежал к окну и открыл форточку. В комнату влетел Кожанок и торопливо зашептал:

– Добрый мальчик! Я прилетел к тебе из соседних гор, где мы поселились. Я передал Мудрому Ушану твою просьбу, и он ответил так: «Если все люди вашего города позовут нас обратно и не будут обижать, тогда мы, возможно, вернёмся». Мне он велел прилетать иногда в ваш сад и охранять его от гибели. Пока светит луна, я должен улететь обратно. Кожанок торопливо выпорхнул в форточку и исчез в ночи. Потом он ещё не раз навещал домик у речки, общался со Стасиком как со своим другом. А мальчик всё лето упрасивал людей позвать летучих мышей обратно в город. Но горожане только посмеивались:

– Мало нам простых мышей, так ещё каких-то летучих звать. Этого ещё не хватало!

Но чем ближе была осень, тем грустнее становились горожане. Они перестали смеяться, так как сады начали сохнуть. Не было урожая, даже овощи в огородах погибли. Только в саду у Стасика с дедушкой, как и прежде, пестрели сочные и красивые фрукты. Богатый город становился нищим, его нельзя было узнать. Сумрачные горожане не знали, что делать, как жить дальше. Наконец, огромной толпой они пришли к домику Стасика. Мальчик вышел на крыльцо. Люди сняли картузы и поклонились ему. Из толпы выступил мэр, когда-то важный и гордый, а теперь осунувшийся и сгорбленный. Держа шляпу в одной руке, а другой вытирая слёзы, он заговорил:

– Стасик! Ужасная беда пришла в наш город, мы совсем разорились. Вместо достатка – нужда и голод в каждом доме. Какие мы были глупые, что не послушались тебя. А теперь мы умоляем – упроси вернуться летучих мышей. Мы очень виноваты перед ними и никогда не будем их обижать. Наши замечательные сады погибли. Но весной мы посадим новые и будем ждать наших избавителей. Как-нибудь на овощах переживём время, пока не вырастут новые сады... И оглянувшись на горожан, как клятву, громко повторил стишок:

*На свете нет лучше, надёжней друзей
Для наших садов и для наших полей.
Мы вас не обидим, ручаюсь вам я,
Летучие мыши! Вы наши друзья!*

Толпа одобрительно загудела и дружно повторила стих.

– Хорошо! – ответил Стасик. – Я передам вашу просьбу летучим мышам, но это будет весной. Сейчас они отдыхают в убежищах, и только весной смогут вернуться в город. Горожане поблагодарили мальчика и пошли по домам. Им ничего не оставалось, как сажать сады, ждать весну и надеяться.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Голота Даниил Сергеевич	
Матрона	5
Васька и Петька	8
Медвежья охота или второе рождение	12
Пчёлкины заступники.	17
Пятьсот-весёлый	24
Гречищев Олег Константинович	
Зачем мы ходим в баню	36
Григорьев Николай Алексеевич	
Дятлы и хлеб	43
На охоту с Павликом	48
Жамалетдинов Абдулхай Азымович	
Служили два товарища.	60
Изречения Мудрейшего Джамаль-Эт-Дина	61
Зотов Дмитрий Иванович	
Путешествие к Таловским чашам	66
Калинин Аркадий Авенирович	
Письмо из поля.	71
Впечатления о походе в Хибины	72
Канцарин Юрий Геннадьевич	
Про Потапа	77
Шталь Евгений Николаевич	
«Это детство моё горит...»	95
Карпов Николай Николаевич	
Биографическая проза, рассказы, стихи	99
Лукьянова Татьяна Александровна	
Лирические миниатюры	160
Пожиленко Владимир Иванович	
Был такой вулкан – Ар-Варенч!	188
Предовский Александр Александрович	
Стихи.	191
Припачкин Павел Валентинович	
Стихи.	198
Силаев Валерий Иванович	
Красные, синие, жёлтые, зелёные	200
Скворцов Юрий Иванович	
Веселый ручеёк	205
Любопытный мышонок	208
Новогодний праздник зверей	211
Тайна великих садов	214

В краю, где поздняя весна...
Литературный сборник

Геологический институт КНЦ РАН

Кольское отделение РМО

Некоммерческое художественное издание

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ОАО К & М

184209 г. Апатиты Мурманской обл., ул. Ферсмана, 17 а

Тел. / факс (81555) 77329

